

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Том 5 № 4
Volume 5 2019

16+

Сайт журнала:
rlinguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл.№ ФС 77-69052 от 13 марта 2017г.

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El.№ FS 77-69052 of March 13, 2017.

Том 5, № 4. 2019
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 5 (4). 2019
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Остапова Л.Е.** г. кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачев С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Софии Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополье, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Lyudmila Ye. Ostapova, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko, Ph.D. in Philology**, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Alexandr M. Amatov, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Baghana Jerome, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Nataliya I. Panasenکو, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Vorobyova A. E., Vershinina M.I. Implementation of electronic business interaction in terms of mental characteristics of business partners	3
Дмитрова А. В. Образ России в медийном пространстве США (на примере американских комедийных сериалов)	10
Петрова Л.Г., Дехнич О.В., Сунь Дамань Русские глаголы совершенного/несовершенного видов прошедшего времени с аористическим значением и система их китайских соответствий	19
Шунейко А.А., Чибисова О.В. Иронические коннотации в устойчивых сочетаниях с упоминанием ученых	32

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дондик Л.Ю. Сопоставительное исследование стратегий перевода авторских неологизмов в романе фэнтези	46
Курбанов Б.Ш. Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков	58
Пинягин Ю.Н. Трансляция национально- культурного пространства англичан	69
Федуленкова Т.Н. Сопоставительное исследование фразеологической вариантности в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц с компонентом <i>give / давать</i>)	89

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

Данилова Е.С. «Мужчины правят миром»: гендерные аспекты управления в литературных произведениях	106
--	-----

CONTENTS

LINGUISTICS SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

Vorobyova A. E., Vershinina M.I. Implementation of electronic business interaction in terms of mental characteristics of business partners	3
Dmitrova A.V. The image of Russia in the US media (on the example of American TV comedies)	10
Petrova L.G., Dekhnich O.V. Sun Daman Russian past tense verbs of the perfect and imperfect aspects with aoristic meaning and the system of their Chinese equivalents	19
Shuneyko A.A., Chibisova O.V. Ironic connotations in set expressions mentioning scientists	32

SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

Dondik L. Yu. Comparative research of translation strategies for author's neologisms in a fantasy novel	46
Kurbanov B. Sh. Non-derivative and derivative homonyms in the Russian and Uzbek languages	58
Pinyagin Yu. N. Linguistic representation of the British cultural background	68
Fedulenkona T.N. Comparative research of phraseological variability in English and Russian (in phraseology with the component <i>to give/ davat'</i>)	89

SECTION III. FOREIGN LITERATURE

Danilova E.S. "This is a man's world": gender issues of leadership in literature	106
---	-----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE

УДК 81/82

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-1

Anna E. Vorobyova¹ | Implementation of electronic business interaction
Maria I. Vershinina² | in terms of mental characteristics of business partners

¹) Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: vorobyova@bsu.edu.ru
ORCID iD: 0000-0002-0348-0578

²) Lomonosov Moscow State University
27, Lomonosov Ave., Moscow, 119992, Russian Federation
E-mail: vershinina@spa.msu.ru
ORCID iD: 0000-0003-2653-9875

Received 10 December; accepted 20 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The present study is aimed at revealing different approaches to discourse styles and rhetoric conventions of intercultural business communication that are inherent in mentality of representatives of different linguistic and cultural communities. For this purpose, the so called “Hamburger model” was extrapolated. Suggested by the management theories and practices of top American schools and businesses this model is often employed in western corporations when giving constructive feedback. It is becoming extremely important in terms of cross-cultural business narrative since understanding how criticism is delivered in certain cultures helps to interpret it correctly. This work also contains reference to the question of creating a “third space”, i.e. an adapted universal culture that would fit all interlocutors involved.

Keywords: “Hamburger approach”; mentality; constructive feedback; cross-cultural business interaction; a “third space”

How to cite: Vorobyova, A.E., Vershinina, M.I. (2019). Implementation of electronic business interaction in terms of mental characteristics of business partners. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 3-9, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-1

Introduction

Recently, due to the active integration of participants of international economic processes, the number of external economic, scientific and technical relations with foreign partners has significantly increased. The form

of any business cooperation involves a mandatory and continuous exchange of information. As a rule, intercultural business relations are determined by the need to conduct business interaction at a certain geographical distance, that is why in order to avoid extra

expenses (primarily to save time), distant forms of communication are mainly used (i.e. telephone conversations, facsimile communications, e-mail, various quick messaging services, video communications, video conferencing, etc.).

English is by right considered to be a universally recognized means of communication at the international level: some authoritative sources emphasize that every fourth inhabitant of our planet uses it in one of three capacities, namely: as a first language, a second language or a foreign language. In our opinion, it also seems possible to speak of English as a world language, since it is recognized as an official one in sixty countries, and also has the status of the most popular foreign language in the world. Some experts, paying particular attention to the unique status of the English language and its difference from other languages of interethnic communication, regard it as a global lingua franca. That is why English at the present stage of development of the international community has an undeniable priority.

However, it is worth noting that representatives of certain linguistic cultures retain the signs of cultural self-identification, thereby introducing specific features into the functioning of the English language as an international language. Business people are “influenced by communication codes, which are culturally based orientations to producing and interpreting interactions” (Ellis and Maoz, 2003). Consequently, the problems of the linguistic persona, the use of language as an appropriate way to express mental activity and an effective means of communication are naturally becoming the focus of the scientific paradigm.

Purpose

The goal of this research is to reveal and analyze the implementation of “Hamburger approach” in business emails, depending on affiliation of the addressers with a particular linguistic and cultural community. The subject matter is specifically marked elements of business English e-mails that help to interpret illocutionary force in terms of criticism.

Materials and Methods

The study material is presented by actually existing authentic business emails. The letters may contain commercial information that is not subject to disclosure, therefore names and some other data have been changed.

Survey methods include general scientific methods of analysis and synthesis, cognitive analysis, content-analysis, cross-cultural analysis.

Under business communication, following I.V. Drabkina, we understand the interpersonal intercultural zone of professional communication, which involves perceptual, communicative, and interactive levels of behavior, and is determined by pragmalinguistic (informative, regulative, implicit, expressive) and pragmopsychological (interest, conflict, mutual understanding and understanding) communication characteristics (Drabkina, 2000: 36-37). However, it seems relevant to us to extend the proposed definition by adding ethnopsycholinguistic characteristics that determine the cultural features of the community to which the communicant's personality belongs.

The problem of interrelation of language, culture and mentality has been one of the central in linguistics since the time of V. Humboldt. Human culture, social behavior and intellection, as we know, are not able to exist without language and outside of language. Being a means of human communication and therefore social and national in nature, “the language cannot but bear the imprints of the characteristics of the worldview, ethical and cultural values, as well as the norms of behavior typical for this language community” (Derbisheva).

This issue does not lose its relevance to the present day, at least due to the fact that the scientific community lacks a common understanding of mentality and national character. Thus, Western European scientific schools determine the concept of “mentality” rather heterogeneously: there are such definitions as “the quality of the mind that characterizes a unique individual or a class of

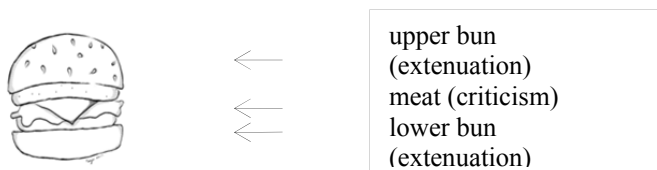
individuals”; “The sum of mental abilities or opportunities”; “Attitudes, mood, content of the mind” (Dubov, 1993). In domestic science two main trends in understanding the essence of mentality are revealed. On the one hand, mentality is so widely interpreted that it includes lifestyle, especially folk realities, rituals, behavior, moral covenants of the people, self-identification of a person in the social world. On the other hand, mentality is understood only as self-identification of an ethnic group (Ospanova, 2011). Taking into account the main scientific points of view of Russian scientists in the field of mentality, national consciousness and national character (O.G. Pocheptsov, Yu.A. Sorokin, V.A. Pishchalnikova, V.I. Shakhovsky, V.V. Kolesov, A . V. Petrovsky and others), we come to the conclusion that mentality is a combination of

conceptual codes and mental styles that crystallize in a language. It is the language as “a universal means of storing, forming and presenting knowledge of different levels” (Pishchalnikova, 2007: 32) that represents the mentality and helps to describe its features.

Results and Discussion

Let us consider some verbalized representations that reflect the business sphere of the national mentality of the figures of different linguistic and cultural communities from the point of view of the so-called “Hamburger Approach”. This model, extrapolated from the field of psychology, represents the tactics of expressing criticism or delivering bad news and is widely used in business context. Schematically, this can be illustrated as follows.

Pattern 1. *Hamburger approach to expressing criticism*

The “upper bun” essentially represents mitigating information that precedes criticism and is aimed at extenuation of information with negative modality.

The “meat” is precisely that “fly in the ointment” with the evaluation operator “bad”.

The “lower bun” eliminates the possible consequences of expressing criticism and is aimed at further motivation of the recipient.

When offering “critical” advice to people it is preferable to sandwich the constructive criticism between two constructive compliments (Just, 2008). But depending on cultural peculiarities and appropriate negotiating style of business people some parts of “hamburger model” may be omitted.

Let us conduct some empirical research on the basis of the authentic business emails.

Example 1 (email from an American company).

Dear Mr. X

We wanted to thank you for the hospitality you and your team offered during our visit. You have significantly upgraded your production line.

While in general we were pleased with what we saw, we did note some opportunities for potential improvement. As we pointed out, the surface of your finished cloth is quite rough for fine grit applications where finish quality or a platen is used. A rough backing will wear out graphite quickly which may lead to unhappy customers. The addition of calendaring capability in cloth finishing would help greatly in this regard and it would also be beneficial for your materials. If you agree, we can aid with its redesign. Please find enclosed the plan we have laid out. If you need explanations, they will be sent shortly.

We continue to trust you. We are sure you will be able to take remedial actions and we look forward to working with you in future.

Best regards,

Jim & Leo

As we can see from the example, in the American practice of business interaction, the structure of “hamburger model” is fully implemented. The message is characterized by mixed modality, i.e. its main topic is negative comments on the quality of products manufactured by business partners: «... *we did note some opportunities for potential improvement. As we pointed out, the surface of your finished cloth is quite rough for fine grit applications where finish quality or a platen is used*». In the “hamburger model”, this part corresponds to the “meat”. But due to their cultural and linguistic specifics, American business representatives use the double amortization tactic of supplying negative information: the “upper bun” and the “lower bun”: «*We wanted to thank you for the hospitality you and your team offered during our visit. You have significantly upgraded your production line. While in general we were pleased with what we saw...*»; «*We continue to trust you. We are sure you will be able to rectify the defect and we look forward to working with you in future*». This is done for those reasons so as not to offend the partner with their comments and not to harm the established cooperation, thereby depriving the company of potential revenue, because, as we know, Americans are more oriented to profit taking than other nations. Moreover, based on an assessment of the general situation, American representatives are modeling the possibility of a positive change in the situation, when offering their company services: «*If you agree, we can aid with its redesign. Please find enclosed the plan we have laid out. If you need explanations, they will be sent shortly*». It is noteworthy that in the presented business letter American political correctness is manifested in its entirety: in addition to the abundant use of positively charged vocabulary (*hospitality; upgraded; pleased; opportunities;*

improvement; beneficial), the addresser, expressing dissatisfaction with the quality of the products, tactfully replaces the negative assessment with a more neutral one or even with a tendency to a positive tone (*"While in general we were pleased with what we saw, we did note some opportunities for potential improvement"*), while deliberately avoiding words with a negative connotation (*opportunities for potential improvement* instead of *drawbacks*, tactful *quite rough* instead of the possible *bad* or *unsuitable*; *take remedial actions* instead of *rectify the defects*). All these strategies are used to make the evaluation of the addresser less categorical in order not to lead to missed business opportunities.

Example 2 (email from a Chinese company).

Dear Mr. S,

Thank you for the opportunity to see your production line and test your products. Following our meeting of 20th September on your ground, we have prepared some samples for you to consider. We will send them by express-mail next week.

Our factory has the unique techniques. For you it means better products with the same materials. You can check it after receiving the samples. VELLON-J A and VELLON-H A are all A - grade. We have many customers in Italy and Germany. The customer in Slovenia is our biggest one. We also provide fiber backings to Luga in Russia.

Be sure in quality.

We appreciate you and your performance and hope for fruitful collaboration. You are welcome to ask any questions about our products.

Best regards,

Kathleen Xie

The main goal of Asian business representatives is to save “face” in case of difficulties in the implementation of intercultural business interaction. They avoid expressing critical comments regarding their addressee, but implicitly give him the opportunity to independently assess the

situation and identify possible shortcomings in order to subsequently eliminate them. Undermining the authority of a partner is considered unacceptable in Asian business practice. From the “hamburger approach” perspective, we get only the “upper bun” and the “lower bun”, without “meat”. According to the text of the submitted letter, it becomes clear that after the introduction of the production line of their business counterparts, the Asian reps remained unsatisfied with the quality of the products. And here the national peculiarity of the Chinese to operate with indirect, veiled statements is clearly revealed. The addresser does not write about this openly, but implicitly makes it clear that there is still a room for improvement: (...we have prepared some samples for you to consider... For you it means better products with the same materials). Translator words “For you it means ...” render key ideas into a language that the recipient can easily understand. It is noteworthy that the text lacks negative vocabulary, and only a modest use of the comparative degree of the adjective “better products” suggests that the products are far from being ideal. Thus, the method of rephrasing by changing modal operators represents another tactics of “saving the face” of the recipient. It is used here so as not to discredit the business partner, but, on the contrary, to inspire him to achieve better results. However, we note that in this example, beside excessive loyalty, there is also a pragmatic factor: the addresser successfully manipulates the situation and uses the mistakes of the opposite side in the interests of his company and tries to promote his product (*VELLON-J A and VELLON-H A are all A-grade; You can check it after receiving the samples; We have many customers; Be sure in quality; hope for fruitful collaboration*). This goal is facilitated by such strategies as the usage of positively charged vocabulary, which forms a picture of success in the recipient’s mind, as well as indicating key information (*Be sure in quality*) in a separate line on the main background so as to catch the addressee’s attention. The exemplified text of the e-mail

proves that the Chinese cultural and historical phenomenon of “face ethics” is a deep awareness of self-esteem and dignity of others and is implemented in order to maintain good relations with representatives of other nationalities, especially in matters of diplomacy and business.

Example 3 (email from a German company).

Dear Sirs,

We much regret having to call your attention to the account we sent to you on 14th September 2017. Having written to you on 2nd October 2017, in case the original statement had been mislaid, we can only conclude that our requests are being willfully ignored.

Payment is now long overdue, and we have to ask that you settle outstanding debt of J178.64 by return of post.

Yours faithfully,

Rolf H.

3 M Accounts Manager

The text of the letter represents the scenario of the “hamburger approach”, where the addressee receives only direct criticism, without parenthetical remarks. This style of negotiation is inherent in German business culture and reflects their national desire to come straight to the point. Direct tactics of submitting negative information (in this case, a claim for late payment), in which the addresser does not seek to mitigate his forceful language, can be perceived as a personal offense. Due to this quantum of culture many Germans seem unfriendly. However, the Germans explain this peculiarity of their mentality as the intention to avoid the ambiguity of their statements, so as not to provoke an incorrect interpretation on the part of the recipient.

As can be seen from the example, it is common for German businessmen to overtly criticize their business counterparts (... *we can only conclude that our requests are being willfully ignored, Payment is now long overdue*), they rely more on facts than emotions (... *the account we sent to you on 14th September 2017; Having written to you on 2nd October 2017...*). The active use of intensifying

words (*much regret; willfully ignored; long overdue*) reinforces criticism and the general negative modality of the email. But the main motive of this style of negotiation is to find a compromise and develop a rational strategy for further cooperation.

CONCLUSIONS

The analysis results show that despite the generally accepted norms of business etiquette, the cultural thought pattern has its own specifics of representation in electronic business correspondence, which is due to the peculiarities of national mentality, as well as the communication traditions of a particular linguistic and cultural community. It is fair to say that “spiritual culture as an objective mental formation exerts an impact on people, and to a large extent determines their value-cognitive orientations” (Popper, 1983: 302–303).

Synthesis of data on business conduct and ethics of representatives of different linguistic cultures allows us to draw the following conclusions.

The description of American communicative behavior is fraught with certain difficulties due to territorial, ethnic, and cultural characteristics, but one can still recognize some of its homogeneity with the inherent stereotypical patterns of behavior. In the context of intercultural business communication, American culture is characterized by such features as pragmatism, initiative, straightforwardness, but at the same time, deference and tactfulness, on an equal basis with the relaxed style of communication and paternalistic attitude to business partners (Vorob'yeva, 2012: 125).

Chinese business is primarily relationship-oriented. The main priority in business practice belongs to the ethics of the “face” and the attitude towards the saving of the “face” of a counterpart. By avoiding the conflict with a business partner and saving his “face”, Chinese entrepreneurs get the reason to consider themselves to have a “face”, since they behave loyally and tactfully. As a result, deep concern for the “face” leads to the intention of avoiding conflicts in interpersonal relationships. It should

also be noted that maintaining social harmony appears in the traditional ethical system of the Chinese as very significant independent values (Maslov, 2013 : 99).

In German business culture nothing remains unspoken; they don't mince words, and prefer a direct and open style of communication. When making a deal, the Germans insist on strict implementation of the obligations, since they are serious about business, therefore they always expect the same from their business partners. All this determine the German entrepreneurs' approach to negotiations.

Some researchers believe that due to the fact that culture is a dynamic phenomenon it may become possible to create a “third space” (Kramsch, 1993), or the “target culture” (Chong, 2013), i.e. adapted culture that would fit all interlocutors involved and aimed at achieving mutual understanding. A kind of correlation with the language of Esperanto, an invented language which aims to promote global communication “through a simple, neutral and logical language” (Nielsen, 2014) comes to mind. But it has not become a frequent practice as a tool for world communication, has it? Supporters may oppose on the ground that the main Esperanto website, Lernu, for instance, gets about 180 000 visitors every month, which shows there is a strong interest in Esperanto. The information page about Esperanto Facebook suggests even greater numbers: 350 000 users of Facebook speak Esperanto. We are not arguing the interest in this phenomenon among speakers, but the fact that Esperanto is based on European languages which are spoken almost everywhere except Asia, makes its claim to be a global language pretty much debatable. The same is with an adapted culture. How is it possible to combine Arabic, Chinese, Hindu, Spanish, Russian, German, English, American and African cultures in one match-all pattern? We are inclined to think that it is hardly prospective, even with regard to business sphere, since business groups might only appear to be using this culture on the surface, but in reality they will unconsciously imitate their generalized cultural patterns. Ethnic identity “shapes

people's lives individually and within a society" (Constant, 2014: 3). Inefficiency of a "third space" idea is further supported by religious, mental, moral, and cultural factors. It is difficult to reconcile the balance without hitting the interests of the parties involved. What is more, in view of tense historical relations between some nations, creation of a universal culture may provoke incitement of even greater ethnic hatred. And final argument against is that in the long run adapted culture may lead to the loss of national identity. Without engaging in polemic, we cannot but agree with a cultural theorist Homi Bhabha saying that "such an intervention [of the "third space"] quite properly challenges our sense of the historical identity of culture" (Bhabha, 2006: 155–157).

This article describes only the most typical features of the linguistic mentality of representatives of different linguistic cultures, which define the specifics of intercultural electronic business interaction in terms of negative modality. It is assumed that the study could receive a further linguocultural impulse to obtain additional data characterizing the typical thesaurus of the average native speaker of a particular language.

References

Vorob'yeva, A.E. (2012). Structural and functional characteristics of business e-mail texts (on the examples of English and German languages), Ph.D. Thesis, Germanic Languages, Belgorod State University, Belgorod, Russia. (in Russian).

Derbisheva, Z.K. *National mentality and its reflection in the language*. Retrieved from: <http://altaica.ru/Articles/mentalitet.php> (in Russian).

Drabkina, I.V. (2000). "Cognitive aspects of organizing the text of a business letter", *Cognitive aspects of the study of linguistic phenomena in Germanic languages*, 36-43. (in Russian).

Dubov, I.G. (1993). *The phenomenon of mentality: psychological analysis*. Retrieved from: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/935/935020.htm>

Maslov, A.A. (2013). *Kitay i kitaytsy. O chem molchat putevoditeli* [China and the Chinese. What guidebooks are silent about], Moscow, Russia: RIPOI CLASSIC (in Russian).

Ospanova, Zh.M. (2011). *Mentality: linguistic interpretation of the world* Retrieved from: <https://articlekz.com/article/6438>

Pishchalnikova, V.A. (2007) *Istoriya i teoriya psikholingvistiki: kurs lektsiy* [History and theory of psycholinguistics: course of lectures], Moscow, Russia: Publishing House of Moscow State Linguistic University. (in Russian).

Bhabha, H.K. (2006). *Cultural Diversity and Cultural Differences*. The Post-Colonial Studies Reader, New York, USA: Routledge

Chong, Chia Suan (2013). *Understanding intercultural communication – Giving feedback*. Retrieved from: <https://www.etprofessional.com/understanding-intercultural-communication-giving-feedback>

Constant, A.F. (2014). *Ethnic Identity and Work*, George Washington University, Temple University and IZA, Discussion Paper No. 8571.

Ellis, D. and Maoz, I. (2003). A communication and cultural codes approach to ethnonational conflict, *International Journal of Conflict Management*, Vol. 14, No. 3/4, pp. 255-272. <https://doi.org/10.1108/eb022901>

Just, Nate (2008). *The Hamburger method of constructive criticism*. Retrieved from: <https://blogs.helsinki.fi/pirttila/files/2008/08/The-Hamburger-method-of-constructive-criticism.pdf>

Kramersch, C. (1993). *Context and culture in language teaching*, Oxford, England: Oxford University Press

Nielsen, R. (2014). *Response to the criticism of Esperanto*. Retrieved from: <https://whistlinginthewind.org/2014/09/28/response-to-the-criticism-of-esperanto/>

Popper, K. (1983). *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logik der Forschung], Translated from German, Moscow, Russia: Progress

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Anna Evgenievna Vorobyova, Associate Professor, Department for English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University

Maria Igorevna Vershinina, Cand. Sc. In Philology, Assistant Professor, Faculty of Public Administration, Department of Foreign Languages, Lomonosov Moscow State University

УДК 811.11-112

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-2

Дмитрова А. В.

**Образ России в медийном пространстве
США (на примере американских комедийных сериалов)**

БУ ВО «Сургутский государственный педагогический
Университет»

ХМАО – Югры», ул. 50 лет ВЛКСМ, 10/2,
г. Сургут, 628417, Россия

E-mail: Dmittie.a@icloud.com

ORCID iD: 0000-0002-8524-6442

Статья поступила 20 ноября 2019 г.; принята 15 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.

Аннотация: В статье рассматриваются сериалы как способ построения образа России в медийном пространстве США. Автор анализирует особенности сериала, их способность воздействия на зрителя, а также выделяет черты комедийных сериалов. С развитием интернета и телевизионной культуры, появляется большое количество новых сериалов, а их популярность возрастает. Этим определяется актуальность исследования: автор рассматривает сериалы как площадку для формирования образа государства и его представителей. В статье представлен анализ коммуникативных ситуаций, содержащих лингво-когнитивные средства создания образа России, которые были выбраны из современных англоязычных сериалов «Теория большого взрыва» (The Big Bang Theory), «Чемпионы» (Champions), «Более полный дом» (Fuller House), «Американская семейка» (Modern Family) и «Бруклин 9-9» (Brooklyn Nine-Nine). Отобранные языковые фрагменты появились в комедийных сериалах, снятых в период 2012 -2018 года. Все отобранные коммуникативные ситуации разделены на три основных группы: образ космических технологий, образ президента и образ русских. Образ президента и образ русских представлен небольшим количеством примеров, а самой многочисленной оказалась группа образ космических технологий, что обусловлено, однако, сюжетом сериала. В заключении автор делает вывод, что изучение американских сериалов как площадки для актуализации образа российского государства является вполне закономерным трендом современной лингвистической науки, учитывая, что наиболее популярные каналы трансляции этого жанра – сеть Интернет и телевидение.

Ключевые слова: телевидение, американские комедийные сериалы, образ России, интертекст, медиадискурс.

Для цитирования: Дмитрова О.В. Образ России в медийном пространстве США (на примере американских комедийных сериалов) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 10-18. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-2

A. V. Dmitrova

**The image of Russia in the US media
(on the example of American TV comedies)**

“Surgut State Pedagogical University
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Ugra”,
10/2, 50 let VLKSM St., Surgut, 628417, Russia
E-mail: Dmittie.a@icloud.com
ORCID iD: 0000-0002-8524-6442

Received 20 November; accepted 15 December 2019; published 30 December 2019

Abstract: The article considers TV series as a way to build the image of Russia in the US media. The author analyzes the features of the series, their ability to influence the viewer, and also highlights the features of comedy series. With the development of the Internet and television culture, a large number of new TV series appear, and their popularity increases. This determines the relevance of the study; the author considers the series as a platform for building the image of the state and its representatives. The article presents an analysis of communicative situations containing linguistic and cognitive means of creating the image of Russia, which were selected from the modern TV series such as “The Big Bang Theory”, “Champions”, “Fuller House”, “Modern Family” and “Brooklyn Nine-Nine”. Selected language fragments appeared in comedy series filmed between 2012 and 2018. All selected communicative situations are divided into three main groups: the image of space technology, the image of the president and the image of the Russians. The image of the president and the image of the Russians are represented by a small number of examples, and the largest group was the image of space technology, however, this is due to the plot of the series. In conclusion, the author says that the study of the American TV series as a platform for actualizing the image of Russia is a completely logical trend in modern linguistics, given that the most popular broadcast channels of this genre are the Internet and television.

Keywords: television; American comedy series; the image of Russia; intertext; media discourse

How to cite: Dmitrova, A.V. (2019). The image of Russia in the US media (on the example of American TV comedies), *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics* V.5 (4), 10-18, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-2

Введение

Современная массовая культура неразрывно связана с телевидением. Для сегодняшнего зрителя телевидение является источником информации об окружающем мире, средством, помогающим сформировать мнение о тех или иных событиях. Одним из трендов телевидения нового поколения стали сериалы. Так, согласно статистике сайта

Vavillon.ru, просмотр сериалов российскими зрителями возрос с 21% в 2014 году до 30% в 2016, и это явление становится всё более массовым.

Телевизионный сериал имеет двойственный характер, который роднит его как с медийным, так и с художественным дискурсом. Художественная сущность заключается в возможности эстетического воздействия на зрителя, в то

время как медийная составляющая позволяет сериалам быстро реагировать на актуальные тренды, новости и события и транслировать их в широкие массы.

П.Е. Ворожейкин отмечает, что «современное общество – “экранное общество”, где экран не только отражает процессы реальности, передает и преобразует информацию, но и воздействует на зрителя, захватывает его и подчиняет своим законам экономики, предлагая усваивать информационные продукты» (Ворожейкин, 2015).

Теоретический обзор

В качестве основы для современного понимания проблемы телевидения и его роли в формировании образов явлений действительности послужили работы П.Е. Ворожейкина, А.В. Маркова, В.О. Крыловой, П.К. Огурчикова, А.Н. Гулимовой, а образа государства через различные каналы СМИ – работы А.П. Чудинова (Ворожейкин, 2015; Маркова, 2014; Прокофьев, 2013; Тер-Минасова, 2000; Чудинов, 2006). Кроме того, в основу исследования легли статьи М.Б. Ворошиловой, в которых подробно описана способность текста воздействовать на вербальном и невербальном уровнях.

Однако способность сериалов создавать в сознании зрителя образ того или иного события, репрезентировать стереотипы или актуализировать образ государства и/или его представителей не получила подробного описания в трудах учёных-лингвистов. Как отмечает английский исследователь Т. Ловелл: «телевизионные комедийные нарративы изучаются меньше каких-либо других телевизионных форм» (цит. по: Беленький, 2013). Этим и определяется актуальность данного исследования.

Цель настоящей работы состоит во всестороннем изучении, а также классификации примеров реализации лингво-когнитивных механизмов формирования образа России в медиадискурсе на примере американских комедийных сериалов.

Материалом для статьи послужили примеры коммуникативных ситуаций и речевых образов из телесериалов «Теория большого взрыва» (11 сезонов), «Более полный дом» (4 сезона), «Чемпионы» (1 сезон), «Бруклин 9-9» (4 сезона), «Американская семейка» (9 сезонов). Общий метраж исследованного материала составил 210 часов.

Комедийные сериалы, иначе ситуационные комедии или ситкомы, зачастую оказываются самыми популярными на телевидении, так, например, сериал «Теория большого взрыва» (The Big Bang Theory) много лет подряд занимает топовые места в списке самых популярных сериалов по данным сайта Cinemablend.com

Популярность комедийных сериалов Т.С. Злотникова объясняет «узнаваемостью атмосферы жизни, тяготением массовой культуры к максимальной привычности воспринимаемого материала, показа архетипа массовой культуры, который невозможен без узнаваемости воспроизведения эпохи жизни и реалий быта» (цит. по: Маркова, 2014).

В этом также заключается одна из фундаментальных особенностей сериала – зависимость от своего зрителя, соответственно создатели стараются максимально сблизить героев со своей целевой аудиторией. Поэтому сериалы, с одной стороны репрезентируют те мысли, взгляды и модели поведения, которые бытуют среди зрителей. А с другой, «в силу легкости восприятия и привлекательности персонажей <...> в какой-то мере могут претендовать и на роль ориентиров для зрителей», то есть актуализировать те или иные взгляды (Маркова, 2014). В этом плане, освещение событий или фактов в сериале, имеет как бы кольцевую структуру, сериал берет в свое повествование уже сложившиеся мнения и транслирует их обратно, все более укрепляя их в сознании аудитории.

Как отмечает М.Е. Беленький: «ценность ситкома с культурологической и даже социологической точки зрения заключается в том, что этот жанр, равно как и большинство других видов массовой коммуникации, позволяет аккумулировать знания о жизни общества» (Беленький, 2013).

Формат сериала (одна серия каждую неделю) позволяет быстро реагировать на происходящие в обществе события, что выражается, например, в основных сюжетных линиях эпизода. К примеру, одна из серий «Теории большого взрыва» посвящена выходу фильма «Звездные войны: Пробуждение силы» (*The Big Bang Theory, сезон 9, серия 11, The opening night excitement*) (Дмитрова, 2018).

Другой особенностью сериала является его поликодовость. М.Б. Ворошилова отмечает, что креолизованный текст — это особый феномен, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, что предполагает его комплексное прагматическое воздействие на адресата (Ворошилова, 2013).

Таким образом, взаимосвязь текста и картинки очень важна при анализе коммуникативных ситуаций сериала.

Научные результаты и дискуссия

Методом сплошной выборки были отобраны примеры коммуникативных ситуаций, содержащих лингво-когнитивные средства создания образа России. Затем все примеры были разделены на следующие три группы:

- образ Российских космических технологий,
- образ президента,
- образ русских.

Образ Российских космических технологий

Примеры этой группы встречаются исключительно в сериале «Теория большого взрыва» (*The Big Bang Theory*) и обусловлены спецификой сериала. Он

повествует о жизни молодых ученых-физиков. Один из главных героев – Говард – отправляется в космос на российском корабле «Союз». Друзья Говарда неоднозначно восприняли новости о его полете. Практически каждый из них прокомментировал тот факт, что он вылетает на корабле, сделанном в России. Несколько раз ситуация менялась: герой не мог вылететь из-за поломки космического корабля.

Следующий диалог происходит после того как Говарду сообщили о том, что он не летит в космос, потому что капсула «Союз» сломалась.

Leonard: When was the last time you were at Best Buy and you heard someone say, ooh, check out this Blu-ray player, it must be good, it was built in Russia?

Howard: Well, their technology isn't that bad.

Raj: When you come back to Earth in a Soyuz capsule, you free-fall from space at 500 miles per hour, and the only thing that slows you down is a little parachute that pops out right before you crash into the ground. And the whole thing was designed by the same brilliant minds who were unable to capture Rocky and Bullwinkle.

Howard: All right, well, whatever. I wasn't worried.

Raj: You weren't? (сезон 5, серия 23)

(Леонард: Когда ты в последний раз, заходя в Best Buy, слышал, чтобы кто-нибудь говорил: ого, смотри этот Blue-ray должно быть хорош, раз сделан в России?

Говард: Ну, их технология не так уж и плоха.

Радж: Когда ты будешь возвращаться на Землю в капсуле «Союз», то будешь находиться в свободном падении со скоростью 500 миль в час, и единственное, что замедлит тебя - это маленький парашют, который появится прямо перед тем, как ты упадешь на землю. И все это разработано теми же блестящими умами, которые не смогли поймать Рокки и Булвинкля.

Ховард: Хорошо, хорошо, не важно. Я не волновался.

Радж: Не волновался? (здесь и далее перевод автора статьи)

В данном примере мы видим, что герои иронизируют относительно российских технологий: *When was the last time you were at Best Buy and you heard someone say, ooh, check out this Blu-ray player, it must be good, it was built in Russia.* При этом один из них приводит в пример нечто не столь существенное – Blu-ray проигрыватель – и переносит его качества на такой серьезный объект, как капсула «Союз». При этом главный герой не проговаривает свои опасения на счет функциональности капсулы открыто, но прибегает к скрытому сравнению, которое формирует у зрителя понимание, что если он не может доверять проигрывателю, сделанному в России, как он может доверять более высоким технологиям. Подобный настрой поддерживает антитеза: *brilliant minds who were unable to capture Rocky and Bullwinkle.* В этом примере, кажется, что герой достаточно лестно отзываясь о российских ученых, используя слово *brilliant*, но вторая часть *were unable to capture Rocky and Bullwinkle* меняет коннотацию слова, сводя его к уничижению.

Здесь также отметим, что для более колоритного сравнения, герой использует прецедентные имена: Рокки и Буллвинкль из мультфильма «Приключения Рокки и Буллвинкля». Чтобы понять смысл такого сравнения, необходимо пояснить, что в этом мультфильме действуют «русские» шпионы Наташа и Борис, которым из серии в серию не удаётся поймать заглавных персонажей. Интересно отметить, что отсылка к этому мультфильму встречается в сериалах не раз, так, например, в сериале «Касл» («Dead Red», Castle, 8 сезон 11 серия) герои также ссылаются на Рокки и Буллвинкля, когда описывают русского агента. Такое использование прецедентных имен помогает сделать текст сериала более

богатым на внутренние смыслы, выстраивает ассоциативный ряд, связывая его с другими произведениями жанра. Отметим также, что зритель интерпретирует интертекст, «опираясь на явные и скрытые смыслы, и испытывает интеллектуальное, эмоциональное и эстетическое воздействие» (Дмитрова, 2018).

Сериал богат на отсылки к прецедентным именам и событиям. Так в следующей ситуации зрителя отсылают к прецедентной ситуации – Холодной войне.

Mrs Wolowitz (off): I knew it. I knew she was behind this. You listen to me, if you want to be a man you can't let a woman tell you what to do.

Howard: Okay, okay.

Dimitri: Oy. I can't believe these people won the Cold War. (сезон 6, серия 1)

Не могу поверить, что эти люди выиграли холодную войну, комментирует ситуацию российский космонавт. В этом случае, герои ссылаются на важное событие в мировой истории – холодную войну. При этом интерес вызывает реплика русского космонавта. Он как бы подтверждает, что холодную войну выиграла американская сторона. Для русского зрителя такая формулировка может прозвучать не вполне корректно, тогда как в сознании американского зрителя вполне привычно.

В другом примере, герои вновь прибегают к отсылке на прецедентную ситуацию – аварию на Чернобыльской АЭС, в этот раз, чтобы прокомментировать безопасность полета:

Bernadette: Are those Russian rockets safe?

Howard: Well, I mean, safe as it can be when it was built by the good folks who brought you Chernobyl. (S5, e5)

Эти русские ракеты безопасны? – спрашивает жена героя. На что он отвечает: насколько это возможно, учитывая, что они построены теми же хорошими ребятами, из-за которых случилась авария в Чернобыле. При этом герои вновь прибегают к недосказанности и

описательным конструкциям, позволяя зрителю самому сделать выводы.

Следующее замечание звучит, когда друзья героя наблюдают за стартом:

Sheldon: Remarkable. In just under a half hour, 200 metric tons of fuel will ignite in a controlled explosion right beneath Howard's keister. And all from a country whose entire contribution to the global economy, has been Tetris and mail-order brides (сезон 5, серия 24).

(Невероятно. Менее чем через полчаса, 200 метрических тонн топлива загорятся в результате контролируемого взрыва прямо под пятой точкой Говарда. И все это благодаря стране, весь вклад которой в мировую экономику – тетрис и жены по каталогу)

В этом примере вновь звучит *антитеза и нисходящая градация*, с одной стороны главный герой начинает речь со слова *remarkable*, но заканчивает свою мысль, проговаривая, *country whose entire contribution to the global economy, has been Tetris and mail-order brides*. Практически поэтическое начало нивелируется последними словами, формируя с одной стороны, комичность высказывания героя, с другой – показывая стереотипное восприятие образа нашего государства в сознании американских зрителей. Гипербола *entire* только усиливает контраст.

Другим источником комментариев героев является неисправность работы оборудования или неполадки техники.

Dimitri (in Russian): Mission Control, say again, how fast is it leaking?

Howard: Leaking? What's leaking?

Dimitri: Fuel. Shh.

Mission Control (in Russian): Not bad. We feel okay to go.

Howard: There's fuel leaking and we're still going to go?

Dimitri: This happens a lot. Nine times out of ten, no problem.

Howard: What happens on the tenth time?

Dimitri: Problem. (сезон 5, серия 24)

(Дмитрий: Повторите, как быстро вытекает?)

Говард: Вытекает? Что вытекает?

Дмитрий: Топливо. Тихо.

Управление полетом: Нормально. Лететь можно.

Howard: Вытекает топливо, а мы все равно летим?

Дмитрий: Так часто случается. В 10 случаях из 9 проблем нет.

Говард: А что случается в десятом?

Дмитрий: Проблема

Негативное поле в этих примерах создается при помощи слов *leaking fuel* (вытекающее топливо), *this happens a lot* (это часто случается), *problem* (проблема). Важно отметить, что эти выражения встречаются на протяжении нескольких серий, а главный герой в итоге летит с другой миссией, но проблема неисправности все равно остается. Таким образом, у зрителя складывается ощущение того, что технологии России не надёжны и могут быть проблемными. Отметим также, что в данном случае русские герои, хоть и косвенно, сами комментируют технологии, таким образом, вызывая у зрителей больше доверия.

Все приведенные примеры отражают негативные стороны русских космических технологий. Комментируя полет Говарда, герои используют различные стилистические средства, интертекстуальные связи, создавая этим комический эффект.

Образ президента

Детективно-комедийный сериал «Бруклин 9-9» (Brooklyn Nine-Nine, сезон 1, серия 15 «Operation: Broken Feather») представляет образ президента через другой негативный образ. Так, в коллектив детективов участка приходит новый сотрудник по прозвищу *Vulture* (стервятник, хищник). Главные герои недовольны его приходом, настроены враждебно, т.к. в прошлом у них были серьезные разногласия. Стервятник в этой серии выступает антагонистом, действует в специфическом для детективного сериала поле «плохой и чужой». Однако Эми – одна из главных героинь (своя, хорошая) –

хочет перейти на работу в отдел Стервятника. Тогда другой герой напоминает ей: *"You're gonna go work for the Vulture? Don't you forget how awful he is?"* (Ты собираешься работать на Стервятника? Неужели ты забыла как он отвратителен?)

После этого Эми припоминает следующий разговор со Стервятником, при чем последний показывает ей резинку своего нижнего белья:

- *The Vladimir Putin collection?*

- *Yeah, 70 bucks a pair. And they only increase in value.* (Коллекция Владимира Путина? – Да, 70 баксов за пару. И они всё дорожают).

В данном случае упоминание президента звучит в довольно неожиданном месте, но, тем не менее, интересно, что его имя звучит сразу после фразы *Don't you forget how awful he is?* А также коллекцию одежды от президента носит главный отрицательный персонаж серии. В этом случае, мы можем отметить, что на речевом уровне сравнения нет, однако поликодовая структура сериала, особенность отношений между положительными и отрицательными, героями выстраивают в сознании зрителя нужный образ, помогая понять скрытые связи.

Главный герой сериала «Чемпионы» (Champions, Season 1, Episode 6 *Grandma dearest*) не общается с матерью, так как она часто его подводила. Его брат, однако, продолжает общение. Когда их мать в очередной раз не оправдывает их ожидания, брат героя так комментирует ситуацию:

I am just too good at seeing the best in people. Did you know Vladimir Putin has a dog named Buffy? I mean, how cute is that?

В исследуемом примере, как и в предыдущем, герои в открытую никак не комментируют образ президента. Образ строится на сравнении с другим образом сериала. Так как мать героя поступила неправильно, то она автоматически становится «антагонистом» серии, однако,

брат героя все равно с ней общался и отмечал только положительные черты. Эта ситуация переносится на образ главы государства, при чем его положительная черта – это наличие собаки.

Отметим, что примеры с образом президента встречаются редко, а сравнения в этих примерах носят скрытый характер и понятны только в контексте ситуации.

Образ русских

В сериале «Теория большого взрыва» есть эпизод (сезон 1, серия 13 *The bat jar conjecture*), где бывший сотрудник Ленинградского политехнического играет на кубке по физике вместе с главными героями и знает даже больше самого умного члена команды, однако в Америке он лишь уборщик.

Here I am janitor, in former Soviet Union I am physicist. Leningrad Polytechnic.

Этот стереотип с долей иронии поддерживает другой сериал «Американская семейка» (Modern family, сезон 8 сезон, серия 13 *Do it yourself*), где герой не может самостоятельно починить сушилку:

[Russian accent] It's a complicated job. You know what I did back in Russia? (Говорит с русским акцентом: Это сложная работа, Вы знаете, что я делал в России?)

- *Yeah, yeah, I know. You were a doctor or a scientist. (Да-да, знаю. Вы был врачом или ученым)*

- *I fixed dryers. (Я чинил сушилки)*

В этом случае создатели использовали широко тиражируемую в обществе историю и развернули её с неожиданной стороны, чтобы создать комичность ситуации.

Современный взгляд на «русских» представлен в сериале «Более полный дом» (Fuller house, 4 сезон, 3 серия *A sense of purpose*).

Главная героиня, ветеринар, ведет борьбу с другой ветеринарной клиникой. Врач из другой клиники использует нечестные приемы, так, в качестве провокации, он распечатывает листовки со

скидкой в клинику главной героини. Она возмущена этим событием:

- *I didn't print these! I think I know who did. (Я их не распечатывала! Я не знаю кто это сделал.)*

- *Was it the Russians? (with Russian accent) (Русские?)*

- *No! Maybe (hesitating). No. (Нет! Возможно (размышляя). Нет)*

В исследуемом примере показана пародия на ситуации, в которых русских обвиняют в любых действиях, какими бы абсурдными они ни были (Так, в Интернете пользуется популярностью мем с ответом «*It was Russians*»). Главная героиня, прекрасно знает чьих это рук дело, но все-таки на секунду задумывается, а не было ли это подстроено русскими. Отметим, что сериал актуальный – 2018 года и, скорее всего, является комментарием на предвыборные события. Также стоит заметить, что помощница главной героини, задавая вопрос, попыталась симитировать русский акцент. Яркий маркер восприятия русских в зарубежном кино и сериалах.

Заключение

В исследуемых сериалах мы выделили несколько групп примеров: образ Российских космических технологий, образ президента, образ русских. Самой многочисленной оказалась первая группа. Однако, это обусловлено сюжетом сериала, так сборы главного героя в космос заняли практически весь сезон. В примерах этой группы хорошо просматривается образ российских космических технологий, в большей степени негативный. Образ президента представлен двумя примерами. Отметим, что в обоих примерах, образ главы государства представлен очень аккуратно через образ других героев серии и зачастую «не читается» в отрыве от контекста. Образ русских также представлен не большим количеством примеров, однако образ русского человека носит вполне нейтральный характер, самой яркой чертой этого образа является акцент.

В целом, с развитием интернета и телевизионной культуры, появляется все больше новых сериалов и возрастает актуальность исследований в этой области. Так, В.В. Айвазова отмечает, что среди современных трендов науки находится, например, «политический твиттинг», а А.В. Кириллова рассматривает динамический объект, интерактивный и саморазвивающийся, часто политизированный феномен интернета, как центральный в формировании и навязывании представлений о явлениях (Aivazova, 2015). Среди этих трендов изучение американских сериалов как площадки для актуализации образа российского государства является вполне закономерным, учитывая наиболее популярное средство трансляции этого жанра – сеть Интернет.

Список литературы

Беленький Ю. М. Культурологическая значимость ситкома (на примере эволюции образа американской семьи) // Вестник культурологии. 2013. №1 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskaya-znachimost-sitkoma-na-primere-evolyutsii-obraza-amerikanskoy-semi> (дата обращения: 07.04.2019).

Ворожейкин Е.П. Стратегии массовой экранной культуры // Studia Humanitatis. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-massovoy-ekrannoy-kultury> (дата обращения: 07.04.2019).

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: принцип целостности или принцип заменяемости // Политическая лингвистика. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-printsip-tselostnosti-ili-printsip-zamenyaemosti> (дата обращения: 07.04.2019).

Дмитрова А.В. Сериал как форма репрезентации кинотекста: лингвопрагматические и лингвокогнитивные аспекты изучения // Русский язык в глобальном и локальном измерениях: сб. ст. Междун. науч. конф. / Российский фонд фундаментальных исследований; Департамент образования и молодеж. политики ХМАО – Югры; Бюджет. учреждение высш. образования ХМАО – Югры «Сургут. гос. пед.

ун-т» [и др.] ; редкол.: Е.И. Бреусова [и др.] ;
отв. ред. Т.А. Сироткина ; технич. ред.
Т.Ю. Колягина. – Сургут : РИО БУ
«Сургутский государственный педагогический
университет», 2018 – с. 289-291

Маркова А.В. Дискурс речевой палитры
семейных ситкомов на современном российском
телевидении // Вестник ЧГАКИ. 2014. №2 (38).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-rechevoy-palitra-semeynyh-sitkomov-na-sovremennom-rossiyskom-televidenii> (дата
обращения: 07.04.2019).

Прокофьев Г. В. Категория
интердискурсивности как средство организа-
ции медиадискурса // Вестник ТГПУ. 2013.
№5 (133). URL:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-interdiskursivnosti-kak-sredstvo-organizatsii-mediadiskursa> (дата обращения: 06.04.2019).

Тер-Минасова С.Г. Язык и
межкультурная коммуникация. М.: Слово,
2000. – 624с.

Чудинов А.П. Политическая лингвисти-
ка: учебное пособие. – Москва: «Флинта»,
«Наука», 2006. – 254 с

Aivazova, V. (2015). Current Trends in the
Development of Psycholinguistics in Russia. *Journal
of Language and Education*, 1(1), 59-63.
<https://doi.org/10.17323/2411-7390-2015-1-1-59-63>

References

Belen'kij YU. M. (2013). "Cultural
significance of the sitcom (on the example of the
evolution of the image of the American family)",
Vestnik kul'turologii, 2013. №1 (64) Retrieved
from:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kulturologicheskaya-znachimost-sitkoma-na-primere-evolyutsii-obraza-amerikanskoy-semi> (in Russian).

Vorozhejkin E.P. (2015). "The strategies of
mass screen culture", *Studia Humanitatis*, 2015.
№3, Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-massovoy-ekrannoy-kultury>
(Accessed 18 December 2018) (in Russian).

Voroshilova M.B. (2007). "Polycode text:
aspects of study", *Political linguistics*, 2007,
1 (21), Retrieved from:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyi-tekst-aspekty-izucheniya-1> (Accessed 16
December 2018) (in Russian).

Dmitrova A.V. (2018). "Series as a form of
cinematographic text representation: pragmatic,

cognitive and linguistic aspects of study",
*Proceeding of International Scientific conference
"The Russian language in global and local
scopes"*, Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia, 289-291 (in Russian).

Markova A.V. (2014). "Discourse of the
speech palette of family sitcoms on modern
Russian television", *Vestnik CHGAKI*. 2014. №2
(38). Retrieved from:
<https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-rechevoy-palitra-semeynyh-sitkomov-na-sovremennom-rossiyskom-televidenii> (in Russian).

Prokofev G. V. (2013). "The category of
interdiscourse as a means of organizing media
discourse", *Vestnik TGPU*. 2013. №5 (133).
Retrieved from:
<https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-interdiskursivnosti-kak-sredstvo-organizatsii-mediadiskursa> (in Russian).

Ter-Minasova S.G. (2000). *Yazyk i
mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and
cross-cultural communication], Moscow, Russia:
Slovo, (in Russian).

CHudinov A.P. (2006). *Politicheskaya
lingvistika: uchebnoe posobie* [Political
linguistics: textbook], Flinta, Nauka, Moscow,
Russia (in Russian).

Aivazova V.V. (2015). "Current Trends in the
Development of Psycholinguistics in Russia",
Journal of Language and Education. 2015. 1(1),
P. 59-63. Retrieved from:
<https://doi.org/10.17323/2411-7390-2015-1-1-59-63>

**Конфликты интересов: у автора нет
конфликта интересов для декларации.**

**Conflicts of Interest: the author has no
conflict of interest to declare.**

Дмитрова Анна Владимировна,
аспирант кафедры лингвистического
образования и межкультурной коммуникации,
БУ ВО «Сургутский государственный
педагогический университет»

Anna Vladimirovna Dmitrova,
Postgraduate Student, Department of Linguistic
Education and Intercultural Communication,
Surgut State Pedagogical University

УДК 8.81

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-3

Петрова Л. Г.¹
Дехнич О. В.²
Сунь Дамань³

**Русские глаголы совершенного/несовершенного видов
прошедшего времени с аористическим значением
и система их китайских соответствий**

¹⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
д. 85, ул. Победы, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
E-mail: petrovali@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-5760-5591

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет
д. 85, ул. Победы, г. Белгород 308015, Российская Федерация
E-mail: ovdekhnich@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6088-2656

³⁾ Китайский Нефтяной Университет д. 66, ул. Чжанйзансилу, г. Циндао,
район Хуандао, 266580, Китай
E-mail: dmsun@qq.com
ORCID iD: 0000-0002-8697-4345

Статья поступила 10 декабря 2019 г.; принята 22 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.

Аннотация. В статье исследуются способы выражения аористических значений русских глаголов прошедшего времени несовершенного (НСВ) и совершенного (СВ) видов средствами китайского языка. Так как китайский язык является языком аморфного типа, в отличие от флективного русского, в нём значения вида и времени передаются синтаксически, т.е. с помощью сочетаний глагола и служебных слов, а не выражаются морфологическим способом. В связи с этим, исследование, направленное на поиск адекватных языковых средств китайского языка для наиболее точного выражения аористического значения русских глаголов, представляется нам востребованным и актуальным. Цель статьи состоит в анализе особенностей лексико-грамматических средств китайского языка, транслирующих значение русских глаголов данной семантики. В исследовании использовались теоретический, описательный и сопоставительный методы. Результаты исследования позволили описать модели выражения аористического значения русских глаголов совершенного и несовершенного видов прошедшего времени в китайском языке и констатировать, что прямое их соответствие отсутствует. Полученные результаты могут быть использованы как при изучении РКИ китайскими гражданами, так и русскими гражданами китайского языка, а также в переводческой деятельности.

Ключевые слова: глагол; совершенный вид; несовершенный вид; прошедшее время; аористическое значение глагола; китайский язык; сопоставление.

Для цитирования: Петрова Л.Г., Дехнич О.В., Сунь Дамань. Русские глаголы совершенного/несовершенного видов прошедшего времени с аористическим значением и система их китайских соответствий // Научный результат. Вопросы

теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N4. С. 19-31. DOI:
10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-3

Lilliya G. Petrova¹
Olga V. Dekhnich²
Sun Daman³

**Russian past tense verbs of the perfect
and imperfect aspects with aoristic meaning and the system
of their Chinese equivalents**

¹⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: petrovali@mail.ru
ORCID iD: 0000-0002-5760-5591

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: ovdekhnich@mail.ru
ORCID iD: 0000-0001-6088-2656

³⁾ China University of Petroleum,
66 West Changjiang Road, Qingdao,
Huangdao District, 266580, China
E-mail: dmsun@qq.com
ORCID iD: 0000-0002-8697-4345

Received 10 December; accepted 22 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The article deals with the research of the ways of expressing the aoristic meanings of the Russian past tense verbs of the perfect and imperfect aspects by the linguistic means of the Chinese language. Since Chinese is a language of amorphous type, the meanings of the verb's aspect and tense are transmitted syntactically in it, i.e. combining the verb itself with the appropriate service word, and not by means of morphological transformations, unlike in case of the inflectional Russian language. In this regard, the study aimed at finding adequate language tools of the Chinese language for the most accurate expression of the aoristic meaning of Russian verbs seems to us to be in demand and relevant. The purpose of the article is to analyze the features of the lexicon and grammars of the Chinese language, which transfer the meaning of the Russian verbs of this semantics. The research is based on theoretical, descriptive and comparative methods. The results of the study made it possible to describe the models for expressing the aoristic meaning of Russian past tense verbs of the perfect/imperfect aspect in the Chinese language and to state that there is no direct link between them. The materials of our research can help both in mastering Russian and Chinese as foreign languages, as well as in translation activities.

Keywords: verb; perfect aspect; imperfect aspect; past tense; aoristic meaning of the verb; Russian language; Chinese language; comparison

How to cite: Petrova, L.G., Dekhnich, O.V., Sun Daman (2019). Russian past tense verbs of the perfect and imperfect aspects with aoristic meaning and the system of their Chinese equivalents. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 19-31, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-3

Введение. Повышение статуса Китая на международной арене, развитие торгово-промышленного сотрудничества, рост темпов развития его экономики обусловили всплеск популярности изучения китайского языка как в России, так и во всём мире. И, как следствие, растёт интерес к изучению его лингвистических особенностей. В частности, огромное внимание уделяется исследованиям китайского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте с другими языками, независимо от их принадлежности к различным языковым группам, в том числе с русским. С другой стороны, китайские языковеды стараются найти точки соприкосновения с иностранными языками, интересующими их в определённое время с теоретической или практической стороны.

Стабильное развитие стратегических партнёрских отношений между Россией и КНР обусловило исследование грамматических нюансов русского и китайского языков в сопоставительном плане, так как их знание предупреждает возникновение лингвистической интерференции у специалистов, использующих языки-партнёры в своей профессиональной деятельности. И здесь особого внимания заслуживает изучение особенностей глагольных систем данных языков, так как оба они являются представителями разных языковых семей и типов, но в которых глагол играет «роль первого плана».

В русском языке глагол выступает как ядро грамматической системы, предикативный центр предложения, обозначающий в формах времени, наклонения, залога, лица, числа, вида действие и состояние в их процессе или результате. Причём теорию видов русского глагола считают наиболее трудным, спорным и недостаточно разработанным отделом русской грамматики. Это связано с тем, что морфологический рисунок категории вида, как писал академик Виноградов: «нем, невыразителен без освещения внутренних, семантических основ видовых различий» (Виноградов

1972: 379). Особенно непрозрачными признаются глагольные варианты совершенного и несовершенного видов прошедшего времени. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть одно из проявлений русского глагольного вида на примерах глаголов совершенного и несовершенного видов прошедшего времени с аористическим значением через призму китайского языка, который, будучи языком аморфного типа, в отличие от флективного русского, значения вида и времени передаёт синтаксически, т.е. с помощью сочетаний глагола и служебных слов, а не выражает морфологическим способом (Li, P., Bates, E., и MacWhinney, B., 1993). Кроме того, «китайский язык не требует никаких временных показателей, и время события часто передается через использование временных наречий (например, вчера, в прошлое воскресенье)» (David C. S. Li и Zoe Pei-sui Luk, 2017: 67). В связи с этим, исследование, направленное на поиск адекватных языковых средств китайского языка для наиболее точного выражения аористического значения русских глаголов, представляется нам востребованным и актуальным. Цель статьи состоит в анализе особенностей лексико-грамматических средств китайского языка, транслирующих значение русских глаголов данной семантики.

Материалы и методы исследования. В исследовании использовались теоретический, описательный, а также приёмы сравнительно-сопоставительного метода. К теоретическому методу мы прибегали с целью изучить и проанализировать лингвистическую литературу, связанную с обозначенной нами проблемой исследования. С помощью метода описания мы провели систематизацию наработанного нами материала теоретического и иллюстративного характера. Сопоставительный метод дал возможность сравнить русские глаголы СВ и НСВ прошедшего времени с аористическим значением с системой их китайских соответствий. Мы выбрали для сравнения именно эту категорию глаголов,

так как они, на наш взгляд, слабо маркированы, и часто их значение можно точно определить лишь в контексте. Примеры для сравнения брались из разговорной речи. Для наглядности аргументации и выводов составлена таблица.

Теоретический обзор. Здесь, на наш взгляд, пришла пора обратиться к наследию, оставленным В. Гумбольдтом, который писал: «...различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и что различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» (Гумбольдт, 1985: 370). На наш взгляд, это действительно так, потому что наряду с другими факторами в языковую картину мира, наряду с другими моделями, связываясь между собой в каждом языке, включается модель времени. А.Я. Гуревичем точно подмечено отсутствие врождённого чувства времени у только что появившегося на свет человека. По этому поводу Гуревич писал: «...человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит» (Гуревич, 1972: 84).

Далее обратимся к другому наблюдению. А.Л. Шарандин отмечал: «...временная категоризация в концептуальной картине мира находит отражение во временных формах, и языковые формы времени позволяют объективировать восприятие временных отношений в действительности, то есть используются как орудие познания (когниции)» (Шарандин, 2001: 82).

Данное утверждение, на наш взгляд, вполне справедливо в отношении понятия времени и его выражения в русской грамматике, поскольку в грамматическую систему русского языка действительно заложены когнитивные модели времени. Они используются на уровне бытового и научного приобретения знаний, чему в большой мере способствуют зримые

морфологические характеристики русскоязычной глагольной категории времени.

Исходя из китайской антропоцентрической модели времени, заметим, что китайцы на время смотрят как на тропинку, ведущую к прошлому. Год, идущий впереди, находится к прошлому ближе, год, идущий позади, придёт позже. Таким образом, «китайское» время идёт в противоположном направлении относительно точки его отсчёта. Для русского менталитета такая модель времени не достаточно понятна, но ответа на вопрос, почему китайцы именно так воспринимают время, нет до сих пор, потому что, хотя: «Китайский народ составляет более четверти населения мира, однако до сих пор не было ни одного тома, в котором обобщались бы и объединялись бы все имеющиеся на английском и китайском языках данные о психологическом функционировании китайского народа» (Liu, I. M., 1986).

Интересно отметить, что терминами, обозначаемыми иероглифами 天下 < tianxia >, 天国 < tianguo > и обозначающими Поднебесную или Поднебесную страну, можно пояснить и теорию пространственных представлений, связанных с понятием исторического времени. Время отсчитывается, ориентируясь на смену поколений и династий в Поднебесной. Как отмечал Тань Аошуан в одной из своих работ: «...это свидетельство культа более ранних поколений, почитания мудрецов и властителей, принадлежавших более ранним династиям достойным подражания, следуя заповедям Конфуция» (Тань Аошуан 2004: 40-41). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в русской и китайской языковых моделях время представлено диаметрально противоположными моделями: русская модель отражает движение событий от прошлого к будущему, тогда как китайская – в обратном направлении: от будущего в прошлое. Такое представление о времени

проявляется и в языке, сказываясь на функциональных особенностях глагола.

Результаты и дискуссия. В китайском языке глагол – часть речи, на которую возложена функция выражения общекатегориального значения действия, развития, существования и психической деятельности, поэтому китайские глагольные категории также находятся в центре постоянного внимания. Их исследованию посвящены труды многих зарубежных учёных, в том числе, David C. S. Li и Zoe Pei-sui Luk (David C. S. Li, Zoe Pei-sui Luk 2017), Evans V. и Green M. (Evans V., Green M. 2006), Li, P., Bates, E., и MacWhinney, B. (Li, P., Bates, E., MacWhinney, B. 1993), Ramsey, S. R. (1987) и др.

Отличаясь от русских глаголов, китайские глаголы характеризуются отсутствием морфологических форм. Они не изменяются по лицам и числам, не делятся на глаголы СВ и НСВ, так как средств для их формального выражения в языке аморфного китайского языка просто не существует. Данные оттенки значений русских глаголов передаются сочетаниями слов, а также введением в контекст того или иного вспомогательного (служебного) слова. Кроме того, китайский язык не располагает специальными временными формами глагола.

Исходя из этого, постараемся выяснить на примерах, взятых из разговорной речи, как русское аористическое значение глаголов прошедшего времени СВ и НСВ передаётся средствами китайского языка, в котором, как мы уже упоминали, глагол сам по себе не наделён видовой характеристикой, а также транспарантной временной формой.

Русские глаголы в форме несовершенного вида прошедшего времени, обладающие аористическим значением, маркируют какое-то из событий, имевшем место в прошлом как факт, безо всяких связей с настоящим.

Далее постараемся узнать, какими возможностями располагает сравниваемый

китайский язык для того, чтобы выразить такое значение:

1. Первая возможность реализуется за счёт комбинации глаголов и служебного слова 过 <guo>, причём слово 过 <guo> занимает постглагольную позицию. Рассмотрим реализацию этой возможности на примерах:

1) – Скажите, папа дома?

– 请问，爸爸在家吗？<Qingwen, baba zai jia ma? >

– К сожалению, нет, он **приезжал** на машине, теперь уехал в магазин.

– 很遗憾，没有，他开车回来过，现在去商店了。<Henyihan, meiyou, ta **kaiche huilai guo**, xianzai qu shangdian le.>

2a) – Юля в магазине?

– 尤利娅在商店吗？<Youliya zai shangdian ma?>

– Нет, она **покупала** продукты, а теперь вернулась домой.

不，她**买过**东西，现在回家了。<bu, ta **mai guo** dongxi, xianzai huijia le.>

2б) – Дочка ещё спит?

– 女儿在睡觉呢？<nver zai shuijiao ne?>

– Нет, она **просыпалась**, поплакала и снова задремала.

– 不，她**醒过**，哭了又打盹了。<bu, ta **xing guo**, kule you dadunle.>

Из примеров видно, что аористическое значение передаётся сочетанием глаголов и служебного слова 过 <guo>. В примере 1) **开车来过**

<**kaiche lai guo**> (**приезжал**), где (开车) (машина), (来过) (приходить), глагол 来 <lai> + служебное слово 过 <guo>; в примере 2a) значение глагола **买过** <**mai guo**> (**покупала**) передаётся глаголом 买 <mai> (покупать) в

совокупности со служебным словом 过 <guo> ; в примере 2б) значение 醒过 <xing guo> (просыпалась) образуется за счёт глагола 醒 <xing> (просыпаться) и служебного слова 过 <guo> .

Здесь следует заметить, что трудность точного опознавания приведённых выше глаголов может заключаться в том, что некоторые префиксальные русские глаголы несовершенного вида могут приниматься не носителями языка за глаголы совершенного вида. Это замечание относится и к следующему эпизоду:

3) – Сестра передавала тебе научную работу?

– 姐姐转交过你论文吗? <jiejie zhuanjiao guo ni lunwen ma?>

– Она приезжала, но никого не застала, придет вечером.

– 她开车来过, 但谁也没来得及回家, 晚上才回来. <takaiche lai guo, dan shuiyemeilaidejihuijia, wanshangcaihuilai.>

4) – Интересно, есть ли шанс поздравить нашего друга-космонавта с Днём рождения? Ведь он сейчас в полёте.

想知道, 是否有机会祝我的宇航员朋友生日快乐? 要知道, 他现在在太空. <xiangzhidao, shifou youjihui zhu wode yuhanyuan pengyou shengri kuaile? yaozhidao, ta xianzai zai taikong.>

– Конечно, мы отправляли поздравление.

– 当然, 我们已经送过祝福了. <dangran, women yijing song guo zhufule.>

5) Я должен помочь им сделать какую-то важную работу, но никакого задания не получал.

我必须帮助他们完成一些重要的工作, 但是我没有收到过任何任务.

<wo bixu bangzhutamen wancheng yixie zhongyaode gongzuo, danshi wo meiyou shoudao guo renhe renwu.>

В примере 3) сразу два глагола передают аористическое значение, а именно: 转交过 <zhuanjiao guo>

(передавала), где глагол 转交 <zhuanjiao> (передавать) + служебное слово 过 <guo> и 开车来过 <kaiche lai guo> (приезжала), где (开车) (машина), (来过) (приходить), глагол 来 <lai> + служебное слово 过 <guo> ; в примере 4) 送过 <song guo> (отправляли): глагол 送 <song> (отправить) + служебное слово 过 <guo> ; в примере 5) 收到过 <shoudao guo> (получал): глагол 收到 <shoudao>

(получать) + служебное слово 过 <guo> .

2. Вторая возможность реализуется при помощи сочетания наречий 曾经 <chengjing> (когда-то) или 当时 <dangshi> (тогда) с необходимым глаголом и служебным словом 了 <le> . Рассмотрим пример:

6) – Почему ты не ездил в отпуск на море со всей семьёй?

– 为什么你没有和你的家人一起去海边度假. <weishenme ni meiyou he nidejiaren yiqi qu dujia.>

– Я участвовал в международной конференции.

– 我当时参加了国际代表会议. <wo dangshi canjia le guoji daibiaohuiyi.>

В данном случае мы видим, что аористическое значение глагола участвовал в китайском языке передано при помощи сочетания 当时参加了 <dangshi canjia le>: где 当时 <dangshi> (тогда) + глагол 参加 участвовать <canjia> + служебное слово 了 <le> , указывающее на действие в прошлом.

Далее попытаемся установить, какими способами в китайском языке

можно актуализировать аористическое значение, передаваемое русским глаголом СВ в прошедшем времени.

В русском языке имеется в виду, что действие имело место быть в один из определенных моментов в прошлом. Оно никак не связано с его результатами или последствиями. Так как глаголы китайского языка формально не изменяются по временам, чтобы выразить данное значение, прибегают к ряду синтаксических способов: к примеру, используется глагол, несущий основную семантическую нагрузку, и глагол, маркирующий направление действия. «Это общее явление в развитии китайского синтаксиса», по словам одного из учёных, «скорее всего, является следствием его простоты...» (Chang, H. W., 1992).

Кроме того, в данную структуру входит вспомогательное слово 了 <le>. В арсенале китайского языка подобных глагольных единиц много. В первую очередь, проанализируем ряд примеров с использованием таких языковых единиц, как:

1. Глаголы 进 <jin>, 出 <chu>, 出去 <chuqu>:

1) Приехали родители, и все **вошли** в гостиную.

家长回来了, 所有人都进了客厅。

<Jia zhang hui lai le, suo you ren dou jin le ke ting>

2) Преподаватель **достал** очки из футляра и начал проверять домашние задания.

老师从盒子里拿出了眼镜, 开始批改作业。 <lao shi cong he zi li na chu le yan jing, kai shi pi gai zuo ye.>

3) Рядом что-то упало, собака **выбежала** из будки.

附近什么东西倒了, 狗从小窝里跑出来了。 <Fu jin shen me dong xi dao le, gou cong xiao wo li pao chu lai le.>

Русскоязычный вариант первого эпизода (1), в котором задействован глагол совершенного вида в прошедшем времени с аористическим значением, передаётся на китайский язык посредством сочетания 走进了 <zou jin le> (**вошли**): основной глагол <zou> (войти) сопровождается глаголом, передающим направление действия 进 <jin>, а также вспомогательным (служебным) словом 了 <le>. Во втором эпизоде (2) значение 拿出了 <na chu le> (**взял**) реализуется благодаря основному глаголу 拿 <na> (взять) в совокупности с глаголом, чья семантика указывает на направление действия 出 <chu> и вспомогательным словом 了 <le>. В третьем эпизоде (3) значение глагола 跑出来了 <pao chu lai le> (**выбежала**) актуализируется комбинацией основного глагола 跑 <pao> (выбежать), в купе с глаголом направления 出去 <chuqu> и вспомогательным словом 了 <le>.

2. Глагольная единица, представленная иероглифом 到 <dao>

4) В университет **приехала** делегация китайских учёных.

中国学者代表团来到了学校。

<Zhong guo xue zhe dai biao tuan lai dao le xue xiao.>

5) Гимназист встал, обдёрнул курточку и, втянув голову в плечи, **подошёл** к двери.

中学生站了起来, 抻平了衣服, 缩了缩脖子, 走到了门边。 <Zhong xue sheng zhan le qi lai, chen ping le yi fu, suo le suo bo zi, zou dao le men bian.>

Следующий эпизод (4) к аористическому значению русского глагола

подводит группу **来到了** <lai dao le> (**приехали**) с глаголом, передающим основную семантику **来** <lai> (приехать), и глаголом, указывающим направленность осуществляемого действия **到** <dao> ; структура завершается вспомогательным словом **了** <le> . Пятый эпизод (5) представлен глагольной группой **走到了** <zou dao le> (**подошёл**), состоящей из глагола **走** <zou> (подойти), глагольной единицы, служащей для выражения направления **到** <dao> ; завершает структуру вспомогательное слово **了** <le> .

3. Глагольные единицы, представленные иероглифами **起** <qi> , **起来** <qilai>

6) Мальчик **взял** сливу со стола и положил её в рот. 男孩从桌子上**拿起了**李子放进了嘴里。 <nanhai cong zhuo zi shang **na qi le** li zi fang jin le zui li.>

7) Преподаватель **встал** со стула и подошел к доске. 老师从椅子上**站了起来**走到了黑板旁。 <Lao shi cong yi zi shang **zhan le qi lai** zou dao le hei ban pang.>

8) Чтобы стереть пыль с фотографии, маленький мальчик **встал** на цыпочки. 为了擦去照片上的灰尘, 小男孩**踮起了**脚尖。 <Wei le ca qu zhao pian shang de hui chen, xiao nan hai **dian qi le** jiao jian.>

Далее, аористическое значение в шестом эпизоде (6) передается сочетанием **拿起了** <na qi le> (**взял**), где за основным глаголом **拿** <na> (брать) идёт глагол с семантикой направления действия **起** <qi> ; конструкция завершается вспомогательным словом **了** <le> . В

седьмом эпизоде (7) представлена глагольная конструкция **站了起来** <zhan le qi lai> (**встал**): основной глагол **站** <zhan> (вставать) сопровождается вспомогательным слово **了** <le> и глаголом, служащим для указания направления действия **起来** <qi lai> . в примере 8) **踮起了** <dian qi le> (**встал**): основной глагол **踮** <dian> (вставать) сопровождается глаголом с семантикой направления действия **起** <qi> и вспомогательным словом **了** <le> .

Из приведённого в качестве примеров материала видно, что вспомогательное слово **了** <le> предшествует глаголу, передающему значение направления действия. Бывают случаи, когда вспомогательное слово к использованию необязательно.

4. Глагольная единица, представленная иероглифом **开** <kai>

9) Бабушка **развернула** салфетку и положила на стол гостинцы.

老婆婆**抻开了**纸巾, 把它放到了旅馆的桌子上。 <Lao po po **chen kai le** zhi jin, ba ta fang dao le lv guan de zhuo zi shang.>

В этом предложении аористическое значение передается сочетанием **抻开了** <chen kai le> (**развернул**): основной глагол **抻** <chen> (разворачивать) + глагол **开** <kai> , выражающий направление действия, + служебное слово **了** <le> .

5. Глагол **去** <qu>

10) Дети **забежали** за угол дома, чтобы спрятаться от ветра.

孩子们**跑到**房子后面去了, 为了避风。 <Hai zi men **pao dao** fang zi hou mian **qu le**, wei le bi feng.>

11) Стая диких лебедей развернулась над озером и **полетела** на юг.

野天鹅群在湖面上散开后就向南方飞去了。〈Ye tian e qun zai hu mian shang san kai hou jiu xiang nan fang **fei qu le**.〉

12) Коля **сжал** рубль **в** мокром кулаке, **свистнул** и **поплыл** к лодке. 克里亚用湿手握了握硬币, 吹了声口哨就向船游去了。〈Keliya yong shi shou wo le wo ying bi, chui le sheng kou shao jiu xiang chuan **you qu le**.〉

В эпизоде (10) аористическое значение передаётся сочетанием **跑去了** 〈**rao qu le**〉 (**забежали**): основной глагол **跑** 〈**rao**〉 (**бежать**) в сопровождении глагола с семантикой направления **去** 〈**qu**〉; конструкция завершается вспомогательным словом **了** 〈**le**〉. Одиннадцатый эпизод (11) представлен группой **飞去了** 〈**fei qu le**〉 (**полетела**) с глаголом **飞** 〈**fei**〉 (**лететь**); глаголом, с семантикой направления **去** 〈**qu**〉. Группа завершается вспомогательным словом **了** 〈**le**〉. В двенадцатом эпизоде (12) реализована глагольная группа **游去了** 〈**you qu le**〉 (**поплыл**) с основным глаголом **游** 〈**you**〉 (**плыть**), глагольной единицей со значением направления действия **去** 〈**qu**〉 и вспомогательным словом **了** 〈**le**〉.

6. Глагольная единица, представленная иероглифом **出** 〈**chu**〉

13) Преступника схватили и **вывели** из помещения. 罪犯被抓住并被拖出了房间。〈Zui fan bei zhua zhu bing bei **tuo chu le fang jian**.〉

Аористическому значению русского глагола здесь соответствует китайское словосочетание **拖出了** 〈**tuo chu le**〉 (**вывели**) с глаголом **拖** 〈**tuo**〉 (**выводить**), несущим основное значение и глаголом с семантикой, направления действия **出** 〈**chu**〉. Конструкция завершается вспомогательным словом **了** 〈**le**〉.

7. Глагольная единица, представленная иероглифом **下** 〈**xia**〉

14) Он **снял** с неё меховое пальто и галоши и в это время ощутил флёр белого вина. 他帮她脱下了皮衣和靴子, 还闻到了白葡萄酒的气味。〈Ta bang ta **tuo xia le** pi yi he xue zi, hai wen dao le bai pu tao jiu de qi wei.〉

В примере 14) **脱下了** 〈**tuo xia le**〉 (**снял**): основной глагол **脱** 〈**tuo**〉 (**снимать**) сопровождается глаголом с семантикой направления действия **下** 〈**xia**〉. Конструкция завершается вспомогательным словом **了** 〈**le**〉.

8. Кроме того, заявленное значение в рамках китайского языка транслируется с помощью повторного употребления глагола в сочетании со вспомогательным словом **了** 〈**le**〉, которое выражает завершённое действие в прошлом и находится между повторяющимися глаголами. Например:

15) Кошка ещё чуть-чуть **полежала**, потом потянулась и прыгнула с дивана.

猫又稍微躺了躺, 然后伸了个懒腰从沙发上跳了下去。〈Mao you shao wei **tang le tang**, ran hou shen le ge lan yao cong sha fa shang tiao le xia qu.〉

16) Ольга пересела на другое место, поближе к нему, и **посмотрела** на выражение его лица.

奥莉加坐到了另一个离他比较近的地方, 看了看他脸上的表情。〈Aolijia zuo

dao le ling yi ge li ta bi jiao jin de di fang,
kan le kan ta lian shang de biao qing.)

В представленных выше примерах аористическое значение русских глаголов находит своё выражение в китайском языке в пятнадцатом эпизоде (15) при помощи сочетания **躺了躺** <tang le tang> (полежала) с глаголом **躺** <tang> (лежать) и следующим за ним вспомогательным словом **了** <le> и повторно используемым глаголом **躺** <tang> (лежать). Аналогичная структура представлена и в шестнадцатом эпизоде (16): **看了看** <kan le kan> (посмотрела), куда дважды включён глагол **看** <kan> (смотреть) с вспомогательным словом **了** <le> между ними.

9. Кроме того, рассматриваемое нами значение русского глагола в китайском языке может актуализироваться за счёт глагола, сочетающегося со счётным слова, числительным и вспомогательным словом **了** <le> :

17) Дед тихонько **охнул** и схватился за голову.

爷爷**叹了一口气**,用手撑住了头。

<Yeye **tan le yi kou qi**, yong shou cheng zhu le tou.>

В примере 17) аористическое значение передаётся сочетанием **叹了一口气** <tan le yi kou qi> (охнул): глагол **叹气** (охать) <tan qi> в совокупности с вспомогательным словом **了** <le> , числительным — <yi> (один) и счётным словом **口** <kou> в качестве счётного слова.

10. Интересны случаи, когда исследуемое значение в китайском языке транслируется средствами глагольной

единицы, сочетающейся с вспомогательным словом **了** <le> :

18) Старые друзья после долгого расставания **встретились** на новогоднем празднике. 分离很久之后老朋友在新年**见面了**。 <Fen li hen jiu zhi hou lao peng you zai xin nian **jian mian le**.>

19) Встреча выпускников **состоялась** 31 декабря, в канун Нового года. 在新年前夕十二月三十一日**举行了**毕业生聚会。

<Zai xin nian qian xi shi er yue san shi yi ri **ju xing le** bi ye sheng ju hui.>

В примере 18) аористическое значение передаётся сочетанием **见面了** <**jian mian le**> (**встретились**): глагол **见面** (встречаться) <tan qi> служебное слово **了** <le> ; в примере 19) **举行了** <**ju xing le**> (**состоялась**): глагол **举行** <ju xing> (состояться) + служебное слово **了** <le> .

11. Есть случаи, когда аористическое значение транслируется с помощью модели **是** <shi> + глагол + **的** <de> . Например:

20) На праздник Весны всё угощение **приготовили** бабушка и внучка. 春节所有的招待酒饭**都是**奶奶和孙女**准备的**。

<Chun jie suo you de zhao dai jiu fan dou **shi** nai nai he sun nv **zhun bei de**.>

21) Билеты на новогодние каникулы **купили** мои родители. 新年假期的票**是**我父母**买的**。 <Xin nian jia qi de piao **shi** wo fu mu **mai de**.>

В примере 20) аористическое значение передаётся сочетанием **是...准备的** <**shi...zhunbei de**> (**приготовили**) : глагол **是** <shi> + основной глагол **准备** <zhun bei> (готовить) + служебное слово

的 <de> ; в примере 21) 是...买的
<shi...maide> (купили) : глагол 是
<shi> + основной глагол 买 <mai>
(покупать) + служебное слово 的 <de> .

Для наглядности приведём сводную таблицу, в которой представлены способы выражения аористических значений русских глаголов прошедшего времени НСВ и СВ и их соответствия в китайском языке.

Таблица 1

Способы выражения аористических значений русских глаголов прошедшего времени НСВ и СВ и их соответствия в китайском языке

Table 1

Ways of expressing the aoristic meanings of the Russian past tense verbs of the perfect and imperfect aspects and their analogues in the Chinese language

Вид и время	Видовое значение	Русский язык: способ выражения	Китайский язык: способы выражения значений вида и времени
НСВ в форме прошедшего времени	Аористическое	Посредством глагольной формы	Посредством - глагола в сочетании со вспомогательным словом 过; - глагола в сочетании с глаголом, выражающим направление действия и вспомогательным словом 过; - наречия в сочетании с глаголом и вспомогательным словом 了
СВ в форме прошедшего времени	Аористическое	Посредством глагольной формы	Посредством - глагола в сочетании с глаголом, выражающим направление действия и (вспомогательным словом 了) ; - глагола в сочетании со вспомогательным словом 了 и глаголом, дублирующим первый глагол; - глагола в сочетании со вспомогательным словом и (числительным 一) , счетным словом (или существительным в качестве счетного слова); - глагола и вспомогательного слова 了; - глагола 是 и глагола со вспомогательным словом 的

Выводы. Проанализированные нами многочисленные примеры позволили нам заметить, что аористическое значение и глаголов несовершенного вида, и глаголов совершенного вида русского языка выражается в китайском языке

посредством одной и той же конструкции, состоящей из основного глагола, глагола, показывающего направление данного действия и служебного слова 过 (когда транслируется значение глагола НСВ), или

служебного слова 了 (когда транслируется значение глагола СВ).

Примечательно, что в данных конструкциях основным глаголом не выражаются ни аспектуальные, ни временные значения, так как он никогда не меняет своей формы. Эти значения актуализируются лишь глаголом, выражающим направление действия, который указывает на направление действия, может содержать характеристику действия или уточнять способ действия, которое выражается основным глаголом и т.д., а также служебным словом.

Служебное слово 过, сочетаясь с основным глаголом, в основном, фиксирует сам факт какого-то действия.

Служебное слово 了 показывает, что действие, обозначаемое основным глаголом, имеет характер завершенности.

Кроме того, аористическое значение присуще глаголам в структурах с обозначением нескольких последовательных действий.

В заключение подчеркнём, что при осуществлении переводов с русского языка на китайский язык и, наоборот, с китайского языка на русский, необходимо обращать внимание на многообразие аспектуальных значений глагола, а также на особенности нюансов, присущих этим значениям как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

Список литературы

- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с., 1972. 379 с., 2001. 349 с.
- Гумбольдт В. Ф. Язык и философия культуры / Пер. с немецкого О.А. Гулыга. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
- Дэн Ин. Некоторые факторы в употреблении прошедшего времени русского глагола в зеркале китайского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы: Сборник тезисов докладов Международного Конгресса исследователей русского языка. М., 2004. 447 с.

Дэн Ин. К вопросу о сопоставлении аспектуальности в русском и китайском языках // Сопоставление как метод исследования и обучения языкам. Материалы научной конференции МАПРЯЛ. Тбилиси, 2005. С. 175-180.

Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 40-41 с.

Чжан Чжицзюнь. Способы действия и их средства выражения в русском и китайском языках // Сопоставительное исследование русского и китайского языков / Под ред. Чжан Хуйсэнь. Шанхай, 2004. С.227-248.

Шарандин А.Л. Курс лекций по лексической грамматике русского языка. Морфология. – Тамбов: ТГУ, 2001. – 313 с.

Chang H. W. The acquisition of Chinese syntax. In H.-C. Chen & O. J. L. Tzeng (Eds.), Language processing in Chinese (pp. 277–311). Amsterdam, The Netherlands: Elsevier, 1992. – P. 277–311.

David C. S. Li and Zoe Pei-sui Luk. Chinese-English Contrastive Grammar. Hong Kong University Press, 2017. – 161p.

Evans V., Green M. Cognitive linguistics. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.

Li C., & Thompson, S. Mandarin Chinese: A functional reference grammar. Berkeley, CA: University of California Press, 1981 – 683 p.

Li P., Bates E., & MacWhinney, B. Processing a language without inflections: A reaction time study of sentence interpretation in Chinese // Journal of Memory and Language, 32, (1993). – P.169–192.

Liu I. M. Chinese cognition. In M. Bond // The Psychology of the Chinese people Hong Kong: Oxford University Press 1986. – P.73-102.

Ramsey S. R. The Language of China. Princetown, NJ: Princetown University Press, 1987 – 333 p.

References

- Vinogradov, V.V. (1947, 1972, 2001). *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian language. The grammatical doctrine of the word], Moscow, Russia: Uchpedgiz. (in Russian).
- Gumbol'dt, V. F. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture], Translated by Gulyga, O.A., Moscow, Russia: Progress.

Gurevich, A.Ya. (1972). *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture], Moscow, Russia: Iskusstvo. (in Russian).

Den, In. (2004). Some factors in the use of the past tense of the Russian verb in the mirror of the Chinese language, *Russian language: historical fate and modernity: works and materials: A collection of abstracts of reports of the International Congress of Russian Language* [Russkiy yazyk: istoricheskiye sud'by i sovremennost': trudy i materialy: Sbornik tezisev dokladov Mezhdunarodnogo Kongressa issledovateley russkogo yazyka], 447. (in Russian).

Den, In. (2005). On the issue of comparing aspectuality in Russian and Chinese, *Comparison as a method of research and teaching languages* [Sopostavleniye kak metod issledovaniya i obucheniya yazykam. Materialy nauchnoy konferentsii], 175-180. (in Russian).

Tan' Aoshuan. (2004). *Kitayskaya kartina mira: Yazyk, kul'tura, mental'nost'* [Chinese Worldview: Language, Culture, Mentality], Moscow, Russia: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (in Russian).

Chzhan, Chzhitszyun'. (2004). Methods of action and their means of expression in Russian and Chinese, *Comparative study of Russian and Chinese languages* [Sopostavitel'noye issledovaniye russkogo i kitayskogo yazykov], 227-248. (in Russian).

Sharandin, A.L. (2001). *Kurs lektsiy po leksicheskoy grammatike russkogo yazyka. Morfologiya* [Lecture course on the lexical grammar of the Russian language. Morphology], Tambov, Russia: TGU. (in Russian).

Chang, H. W. (1992). The acquisition of Chinese syntax. In H.-C. Chen & O. J. L. Tzeng (Eds.), *Language processing in Chinese* (pp. 277–311). Amsterdam, The Netherlands: Elsevier.

David C. S. Li and Zoe Pei-sui Luk. (2017). *Chinese-English Contrastive Grammar*. Hong Kong University Press.

Evans V., Green M. (2006). *Cognitive linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Li, C., & Thompson, S. (1981). *Mandarin Chinese: A functional reference grammar*. Berkeley, CA: University of California Press.

Li, P., Bates, E., & MacWhinney, B. (1993). "Processing a language without inflections: A reaction time study of sentence interpretation in Chinese", *Journal of Memory and Language*, 32, 169–192.

Liu, I. M. (1986). Chinese cognition. In M. Bond, *The Psychology of the Chinese people* (pp. 73–102). Hong Kong: Oxford University Press.

Ramsey, S. R. (1987). *The Language of China*. Princetown, NJ: Princetown University Press.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Петрова Лиллия Геннадиевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Lilliya G. Petrova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian Language, Professional and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University

Дехнич Ольга Витальевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Olga V. Dekhnich, Cand. Sc. Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department for English Philology and Cross-Cultural communication, Belgorod State National Research University

Сунь Дамань, магистр, профессор, факультет русского языка, Китайский нефтяной университет

Sun Daman, Master, Professor of the Department of Russian, China University of Petroleum

УДК 81'271.16

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-4

Шунейко А.А.¹
Чибисова О.В.²

**Иронические коннотации в устойчивых сочетаниях
с упоминанием ученых**

¹⁾ Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре, 381013

Россия

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0001-5467-2214

²⁾ Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре, 381013

Россия

E-mail: olgachibisova@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0002-2709-2465

*Статья поступила 3 декабря 2019 г.; принята 20 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация: Темой работы является специфика иронической номинации людей в русском языке. Целью работы стало детальное выяснение того, каким образом, на каких основаниях и с приращением каких смыслов в русском языке осуществляются иронические наименования представителей науки. Методология анализа набора соответствующих устойчивых наименований включает в себя комплексное применение методов этимологического, семантического, функционального и стилистического анализа. Источником языковой информации является сплошная выборка материала из разговорной речи, языка художественной литературы, публицистики и национального корпуса русского языка. Эта выборка позволила составить список данных единиц. Установлено, что начало ряду было положено заимствованием из французского языка в XIX веке выражения *кабинетный ученый*. Показано, что активное распространение и увеличение инвентаря иронических номинаций учёных в русском языке произошло в период со второй половины двадцатого до начала двадцать первого века. Выяснены причины, по которым в русском языке присутствует такое количество номинаций именно учёных, а не какой-либо иной социальной группы. Они относятся к таким экстралингвистическим факторам как идеология, политика и культура. Обращено внимание на то, что появление новых номинаций не вытесняет и не деактуализирует предшествующие. Доказано, что в последнее время семантика всех этих выражений становится более абстрактной и применимой к людям иных профессий. Данный процесс вызывает расширение референтного поля использования этих единиц.

Ключевые слова: иронические номинации, ученые, значение, функция, коннотации, использование.

Для цитирования: Шунейко А.А., Чибисова О.В. Иронические коннотации в устойчивых сочетаниях с упоминанием ученых// Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 32-45. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-4

Alexander A. Shuneyko¹
Olga V. Chibisova²

**Ironic connotations in set expressions
mentioning scientists**

¹⁾ Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur, 681013
Russia

E-mail: a-shuneyko@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5467-2214

²⁾ Komsomolsk-on-Amur State University
27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur, 681013
Russia

E-mail: olgachibisova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2709-2465

Received 3 December; accepted 20 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The article discusses the specifics of the ironic nomination of people in the Russian language. The aim of the work was to clarify in detail how, on what grounds, and with the increment of what meanings, the ironic names of science representatives are implemented in the Russian language. The methodology for analyzing the set of corresponding set expressions includes the methods of etymological, semantic, functional and stylistic analysis. The source of the language information is a continuous selection of material from colloquial speech, the language of fiction, journalism and the National Corpus of the Russian language. This selection has allowed to compile a list of the units. It was established that the beginning of the series was laid by the expression *a cabinet scientist* borrowed from the French language in the 19th century. It is shown that the active dissemination and increase in the inventory of ironic nominations of scholars in the Russian language occurred in the period from the second half of the twentieth to the beginning of the twenty-first century. The reasons why the Russian language has such a number of nominations of scientists, and not of any other social group are clarified. They relate to such extralinguistic factors as ideology, politics and culture. Attention is drawn to the fact that the emergence of new nominations does not supplant or deactivate the previously existing nominations. It is proved that recently, the semantics of all these expressions has become more abstract and applicable to people of other professions. This process causes an extension of the reference field for the use of these units.

Key words: ironic nominations; scholars; meaning; function; connotations; use

How to cite: Shuneyko, A.A., Chibisova, O.V. (2019). Ironic connotations in set expressions mentioning scientists. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 32-45, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-4

Введение (Introduction)

Координация между человеком, языком и окружающим миром сходится в точке номинации. Принцип «назвать – значит понять» работает на любом уровне когнитивной активности человека, поскольку номинация реально или потенциально является компонентом классификации. Сложность номинации как процесса и результата в полной мере отражает неоднозначность механизмов случайности и закономерности при совмещении дифференциальных и интегральных признаков в семантике одной языковой единицы.

В случае с ироническими наименованиями мы сталкиваемся с более сложными механизмами, поскольку они проявляют не первичное вычленение объекта из окружающего мира, а переосмысление уже существующего вычленения, то есть переосмысление господствующих стереотипов и попытку заменить их новыми. При иронической номинации коммуникативная интенция адресанта меняется, а функция единицы смещается в сторону оценочной. Конкретные проявления этих сложных когнитивных механизмов, в которых прежний опыт конфликтует с новым восприятием, являются предметом исследования ряда отечественных и зарубежных ученых. Рассмотрим некоторые из них, имеющих непосредственное отношение к теме данной публикации.

Теоретический обзор (Theoretical review)

Т. Вил и Я. Хао приводят классическое определение иронии как формы двусмысленности, используемой в случаях, когда иронизирующий человек подразумевает нечто противоположное сказанному или выражает мнение, противоречащее тому, которое считается верным. Ирония может быть использована для разделения аудитории на тех, кто понимает, о чем идет речь, и тех, кто не понимает. К ней прибегают для смягчения критики юмором или для того, чтобы,

прикрываясь сомнительным комплиментом, задеть собеседника за живое. И, наконец, чтобы якобы поддержать выдвинутую собеседником точку зрения, повторяя сказанное им и одновременно фактически опровергая его (Veale, Hao, 2010: 765).

Д. Вильсон и Д. Спербер основываются на убеждении, что то, что ирония сообщает, не является ни буквально выраженной пропозицией, ни ее противоположностью, а является отношением к этой пропозиции и к тем, кто выразил ее (Wilson, Sperber, 2012: 124). По их мнению, это отношение варьируется в широком диапазоне, начиная с изумления и снисходительности и заканчивая пренебрежением, отвращением, негодованием или презрением (Wilson, Sperber, 2012: 135).

А. Рейес, П. Росо и Д. Бускальди (Reyes, Rosso and Buscaldi, 2012: 4) описывают два основных типа иронии: вербальную иронию и ситуативную иронию. В вербальной иронии слова выражают нечто, противоречащее истине. Ситуационная ирония связана с чем-то неожиданным или неуместным в ситуации. Кроме того, перечисленные ученые называют авторов, которые выделяют другие виды иронии: драматическую иронию, дискурсивную иронию, трагическую иронию и так далее.

Необходимо добавить, что существуют исследования, ориентированные на анализ единичных высказываний, например, такие как изучение использования образного выражения *at the heart of Europe* (в центре Европы) в публичном политическом дискурсе (Musolf, 2017). Также можно встретить ряд работ, анализирующие случаи, когда ирония является свойством целого текста (Barbieri and Saggion, 2014). В последнее время проблемы способов создания иронии и их обнаружения получили широкое освещение в компьютерной лингвистике (Hernandez-Farias, Patti and Rosso, 2016).

Если говорить о более узкой сфере применения иронии, иронических номинациях, то следует выделить публикацию К. М. Шилихиной (Шилихина, 2009), в которой автор рассматривает семантические и прагматические особенности иронической номинации и анализирует различные способы ее языкового оформления. К частным случаям изучения номинаций относятся работы О.Е. Фроловой (Фролова, 2017), исследовавшей переносные характеризующие значения слов *аристократ*, *барин*, *буржуа* и их дериватов в русском языке; работа А.В. Антонова (Антонов, 2017), установившего, какие черты характера, особенности поведения и привычки человека провоцируют получение им неодобрительных наименований в обществе; и работа Э.Д. Хаустовой (Хаустова, 2010), рассмотревшей иронические наименования одежды и популярность их употребления в аспекте взаимосвязи истории вещей и истории слов.

Основная часть (MAIN PART)

Иронические номинации ученых представляют собой небольшую, но достаточно продуктивно использующуюся в современном русском языке группу. В нее входят выражения *британские ученые*, *гаражный ученый*, *диванный ученый*, *кабинетный ученый*, *тупой доцент*, *профессор кислых щей*. Статья направлена на восполнение пробела в современной лексикографической практике, не дающей полного представления о том, как, с какими смыслами, коннотациями, функциональными ограничениями используются единицы указанной группы.

Конечно, иронические наименования есть и у других профессий, в том числе и творческих. Например, *актёр из погорелого театра*, *писатель краской (грязью) на заборе*, *художник от слова худо*. Но, во-первых, иронических номинаций иных профессий не так много, как в случае с учеными. Во-вторых, есть масса профессий, которые подобных

актуальных иронических вариантов наименования не имеют вообще: вагоновожатый, каменщик, слесарь, сталевар, столяр и т. д. Предположение о том, что количество иронических номинаций продуцируется степенью актуальности профессии для социума, оказывается неверным. Для социума в целом профессия учёного не более актуальна, чем профессии, например, врача, продавца, сантехника или учителя. Но номинации этих профессий имеют единичные иронические огласовки: *врач-рвач*, *учитель-мучитель*, *трезвый сантехник (сапожник)*, *честный торгош*, а у учёного их шесть. Логично предположить, что количество иронических наименований связано с какими-то другими внешними факторами.

Материал и методы исследования (Materials and Methods)

Предмет анализа – иронические номинации, соотнесённые с определённым референтом, и путь их осмысления: стремление охарактеризовать семантическую, функциональную и коммуникативную природу этих единиц, определили потребности для наиболее успешного решения этих задач методы лингвистического анализа. На первом этапе с помощью сплошной выборки из материалов разговорной речи, художественной литературы, публицистики и Национального корпуса русского языка был выявлен список этих единиц. Вслед за тем они были проанализированы по нескольким параметрам: в аспектах семантики, синтактики и прагматики. При этом семантика понимается как лексическая и коннотативная, синтактика предполагает включение выражения в контекст, а прагматика – выявление иронического компонента и стилистической отнесенности. Для того чтобы прояснить получившуюся в результате комплексного использования семантического, функционального (коммуникативного) и стилистического анализа картину и

проецировать синхронные наблюдения в область диахронии был применен этимологический анализ, дающий представление о происхождении единиц.

Рассмотрим устойчивые сочетания с упоминанием учёных в порядке их предположительного появления в русском языке.

Кабинетный ученый. Словосочетание *кабинетный ученый* было заимствовано в 19 веке из французского языка, где оно имеет вид *savant de cabinet*. Еще в начале 20 века словосочетание воспринималось как заимствование, на что указывает словарь М. Попова (Попов, 1911: 160). В русском языке слово «кабинетный» в значении «оторванный от жизни» фиксирует толковый словарь Д. Н. Ушакова: «теоретический, отвлеченный, далекий от практической жизни» (Толковый словарь русского языка, 1935–1940). Оно присутствует также в Словаре современного русского литературного языка: «кабинетный человек, ученый и т. п. О человеке, ученом и т. п., не имеющем живой связи с практикой, оторванном от жизни» (Словарь современного русского литературного языка, 1948–1965). «Епифаний <...> был характера кроткого, сосредоточенного, предпочитал уединенную жизнь кабинетного ученого всяким искательствам почестей, не терпел никаких житейских дрязг ...», писал Н. И. Костомаров в XIX веке (НКРЯ, 2003–2018).

Словосочетание может быть использовано в прямом значении «ученый, занимающийся преимущественно теоретическими изысканиями»: «Столько же кабинетный ученый, сколько и путешественник, он на годы исчезал в лесах Явы, Цейлона. Центральной и Южной Америки, веря себя тамошним проводникам, лекарям и нравам, изучая их языки, обычаи» (НКРЯ, 2003–2018). Возможные негативные коннотации снимаются за счет дополнительной характеристики, которая указывает на то, что увлеченность теорией не исключает

практической деятельности и не вредит ей. Напротив, в следующем примере словосочетание используется с иронией, которую создает обособленное определение, содержащее негативную оценку: «Там, где надо, конечно знают, что Лосев кабинетный ученый, занимается всякими пустяками» (НКРЯ, 2003–2018).

Характерно, что ярким проявлением наличия у словосочетания *кабинетный ученый* иронической оценки и негативных коннотаций является то, что оно устойчиво используется в конструкциях с отрицанием, противопоставляющих кабинетного и настоящего ученого. Такие конструкции постоянно представлены в речи ученых, характеризующих своих коллег. Это указывает на то, что оценка формируется непосредственно в научной среде. «Только из специальных знаний людей, практически изучивших своё дело, могут быть заимствованы живые подробности, недоступные для кабинетного ученого» (Аренс, 2016: 236).

Использование выражения *кабинетный ученый* в качестве устойчивого атрибута при номинации замкнутой пространственной локации, ограничивающей сферу восприятия и функционирования, может быть переосмыслено как ироническое указание на ограниченность самого объекта номинации. Так на базе первоначально нейтрального выражения формируется стилистически сниженное – фамильярное или разговорное. Маркерами присутствия этого значения в контексте являются ситуации прямого или имплицитного противопоставления.

Профессор кислых щей. Время возникновения выражения *профессор кислых щей* помогают прояснить словари русского языка девятнадцатого – первой половины двадцатого века. В хронологическом отношении эти словари фиксируют сто лет употребления речевых единиц: 1863–1866, 1904, 1935–1940, 1950–1965. Ни один из этих словарей словосочетания «профессор кислых щей» не фиксирует, а

его нечаянный пропуск исключается квалификацией авторов и их коллективов. Принципиально иная картина наблюдается в конце двадцатого века, когда выражение появилось во множестве словарей (Словарь современного русского литературного языка, 1948–1965; Белянин, Бутенко, 1994; Белко, 2000; Елистратов, 2002).

Диахронический анализ номинации *профессор/доктор/изобретатель кислых щей* показывает, что «кислые щи» – это не только род супа из квашеной капусты, но и разновидность кваса, причем сильногазированного. У В. И. Даля: Кислые щи, род шипучего квасу. В работе М. М. Щербатова, датированной 1786-1787 годами, написано следующее: «Напитки состояли: квас, кислые щи, пиво и разные меды, из простого вина сделанная вотка» (НКРЯ, 2003-2018). Выражение *профессор кислых щей*, возможно, производно от «мастера кислых щей», т.е. мастера, изготавливавшего напиток.

Следует оговорить, что словосочетание «кислые щи» выступает в качестве атрибута не только к слову профессор, но также к словам доктор и институт. «Ну-ка ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть» (НКРЯ, 2003-2018); «И ректор Воронежского государственного института Кислых Щей профессор Иван Ильич Сухово-Виницев!» (НКРЯ, 2003-2018). Общей семантической частью всех этих номинаций является компонент: тот, кто разбирается исключительно в кислых щах.

Это создаёт представление об очень узком специалисте, ориентированном на подчеркнуто бытовую область. Эта характеристика противоположна качествам, которые необходимы настоящему ученому. Противоположность декларируемого и очевидно предполагаемого создает иронию.

Частотность распространения словосочетания *профессор кислых щей* напрямую связана с тем, что оно

употребляется в различных функциональных стилях, регистрах речи и с различными интенциями говорящего. Кроме разговорной речи, оно представлено в художественной литературе и публицистике. «Миша вместе с другими юными умами устно объявил этому профессору кислых щей кровную месть» (НКРЯ, 2003-2018); «Профессор кислых щей: россияне пророчат Макфолу карьеру комика из-за окончания “научной деятельности” в РФ» (<https://riafan.ru/1082897-professor-kislykh-shei-rossiyane-prorochat-makfolu-kareu-komika-iz-za-okonchaniya-nauchnoi-deyatelnosti-v-rf>).

В первом примере выражение *профессор кислых щей* помещено в иронический контекст, так как словосочетание «кровная месть» используется в переносном смысле, обозначая не смерть в порядке возмездия за совершенное убийство, а словесное преследование. За счет этого все высказывание реализует коммуникативную установку на вербальное отторжение объекта номинации. Дети крайне негативно оценивают поступок профессора Деревенькина, разгромившего в своей статье легенды о пришельцах, которые так импонировали им, и в приступе негодования и ярости проклинают его. За счет этого иронические коннотации у выражения *профессор кислых щей* усиливаются; оно начинает выражать уничижительное суждение об объекте номинации, пристрастно характеризующее его недостатки.

Во втором примере выражение *профессор кислых щей* связано с абсурдной ситуацией, когда посол США в России, сожалеет не о том, что не смог способствовать улучшению отношений между двумя странами, что входило в его профессиональные обязанности, а о завершении своей научной карьеры из-за невозможности впредь посещать Россию. Ситуативная ирония переводит коммуникацию из официального тона в

фамильярный, который подтверждается насмешливым пожеланием объекту номинации успешной карьеры комика. В результате широко известный ученый-политолог и дипломат получает унизительную оценку как человек, не заслуживающий того уважения и признания, которые полагаются ему по его общественному статусу.

В силу того что выражение не используется в прямом (исходном или нейтральном) значении и ироническая коннотация является обязательным компонентом его семантики, оно для своей реализации не требует и не предполагает каких-либо особенных контекстов. Более того, при включении в тот или иной контекст оно само способно менять его характер: переводить коммуникацию из серьезного или официального тона в шуточный или фамильярный тон.

Выражение *профессор кислых щей* всегда сопровождается оценкой. Она в различных случаях фиксирует внешние или внутренние особенности человека, характер действий и восприятия окружающего мира, специфику разговора и одежды. Выражение сопровождается различными эмоциями, может выступать как одномоментная или постоянная характеристика.

Разговорная стилистическая маркированность номинации используется говорящими как способ стилистического снижения высказывания в целом, что в соединении с иронией способно продуцировать различные эффекты: от шуточной констатации до пренебрежительного осуждения. Такая широкая палитра стилистических и коммуникативных возможностей способствует тому, что выражение активно используется до сих пор.

Тупой доцент. Выражение *тупой доцент* актуализировалось в юмористической миниатюре М. Жванецкого, которая получила популярность благодаря ее исполнению Р. Карцевым с различными партнерами. Его можно найти в «Большом

словаре русских высказываний» и в «Словаре русского арго». Первый объясняет его как ироничное или презрительное высказывание о человеке, который не понимает простых вещей (обычно о преподавателе) (Мокиенко, Никитина, 2007). Второй считает слово доцент ироническим обращением, как правило, к человеку, который тщеславен, считает себя очень умным; словосочетание тупой доцент трактуется как глупый, тупой человек (Елистратов, 2002).

За пятьдесят лет своего использования в русском языке это выражение прочно вошло в речевой обиход. К нему прибегает героиня романа В. А. Андреевой «Ложь напрокат» Наталья, которая рассказывает своей подруге Ирине: «Ему вчера вечером позвонил какой-то тупой доцент и попросил срочно сделать расчеты чего-то там ...» (Андреева, 2005: 15). Ольга Бакушинская употребляет его в своей статье «Чума на оба ваших домика» (НКРЯ, 2003-2018): «У одного моего знакомого писателя и члена Союза писателей был в Литинституте “тупой доцент”, преподававший историю литературы. Каждый рассказ о классике он начинал словами: “со страшной эпической силой...”». Оно используется в публикации Н. А. Перемитиной в научном журнале (Перемитина, 2003: 113): «“Тупой доцент” может оказаться никудышным педагогом, но глубоким мыслителем (вполне может, правда, таковым и не оказаться)». То есть, это выражение встречается не только в разговорной речи, но и в публицистике и даже в научном стиле.

Используя выражение *тупой доцент*, говорящий обращается к социокультурной компетенции читателя. Запоминающийся художественный образ, созданный М. Жванецким, создает широко распространенный и устойчиво воспроизводимый стереотип, в соответствии с которым человек, обладающий научным званием

«доцент», с высокой степенью вероятности является тупым. Использование кавычек во втором и третьем примерах можно воспринимать как отсылку к исходному тексту.

В первом случаях негативная оценка незнакомого человека характеризует больше говорящего, чем сам объект наименования, потому что его требования сами по себе предельно размыты. Во втором примере иронические коннотации и негативная оценка усиливаются за счет того, что они подкрепляются характеристикой объекта. Аналогичная картина наблюдается в третьем примере, но она осложняется тем, что в данном случае найти убедительную мотивацию использования выражения в научном стиле крайне сложно.

Иронические коннотации у выражения являются обязательными. По своей стилистической принадлежности оно разговорное с оттенком грубости. В контекстах реализует коммуникативную интенцию пренебрежения.

Британские ученые. Выражение *британские ученые* возникло в самом начале XXI века в пространстве Интернет, считается русскоязычным по происхождению; словарями не фиксируется. Оно относится к числу так называемым мемов, номинаций персонажей фольклора интернета. Собирательность номинации подчеркнута устойчивым использованием множественного числа со значением неопределённого количества. Это значение предполагает отсутствие персонализации и анонимность называемого объекта.

Устойчивое выражение *британские ученые* обозначает неких ученых, продуцирующих абсурдную информацию, рациональное использование которой невозможно либо ненужно. Создаваемые этими персонажами исследовательские продукты пародируют представление социума о целесообразности различных научных исследований.

Можно найти много примеров использования данного имени в публикациях газет и журналов в период с 1997 по 2014 годы. Например, «*Британские ученые выявили: граждане и гражданки на протяжении своей жизни обманывают друг друга 88 тысяч раз при условии, что живут не менее 60 лет*» (НКРЯ, 2003-2018). *Британские ученые недавно заменили человеку три четверти черепа имплантатом, который напечатали на 3D-принтере* (НКРЯ, 2003-2018).

За последние 5 лет популярность мема в интернет-пространстве начала снижаться, но время от времени выражение *британские ученые* еще используется в названиях публикаций. Например, оно привлекает внимание читателей к статье, озаглавленной «*Российский вуз закупил ИТ-систему для борьбы с британскими учеными*» (http://www.cnews.ru/news/top/rossijskij_vuz_zakupil_itsiste-mu_dlya). Ее автор прибегает к интенциональному имплицированию, которое продуцирует двойное прочтение заголовка. Его контекст исключает конкретизаторы, присутствующие в тексте публикации, а именно, что речь идет о новом оборудовании Пермского госуниверситета, которое позволит вузу бороться за заказы с ведущими университетами Лондона и Нью-Йорка. За счет этого создается ситуация семантической неопределенности, вовлекающая читателя в ментально-языковую игру выбора между различными значениями и коннотациями слова *борьба* и словосочетания *британские ученые*.

Следует заметить, что в некоторых случаях ирония не только явно выражена, но и перерастает в сарказм, как, например, в статье про то, каким образом бывший полковник ГРУ Сергей Скрипаль, якобы отравленный вместе с дочерью «смертельным советским нервно-паралитическим газом», от которого нет спасения, все же уцелел, озаглавленной

«"Это все наши врачи": Британские ученые объяснили чудесное исцеление Скрипалей от "смертельного яда"» (https://tsargrad.tv/news/jeto-vse-nashi-vrachi-britanskie-uchenye-objasnili-chudesnoe-iscelenie-skripalej-ot-smertelnogo-jada_123871). Словосочетание «смертельный яд» взято в кавычки, что может интерпретироваться двумя способами. Во-первых, как воспроизведение чужой речи, то есть яд является смертельным только по мнению британских ученых. Во-вторых, как указание на то, что яд смертельным не является. В любом из этих случаев прагматический эффект состоит в том, что оптимистическое заявление о «чудесном исцелении» дезавуируется. Эти особенности в соединении с отсутствием каких-либо конкретизирующих номинацию *британские ученые* атрибутов указывают, что в ней присутствуют иронические коннотации.

Есть контексты, где номинация *британские ученые* употреблена в прямом значении. «*Российское посольство незамедлительно воспользовалось этим обстоятельством, а у правительства возникли новые трудности, когда британские ученые из военной научно-исследовательской лаборатории в Портон-Дауне объявили во вторник, что не смогли установить российское происхождение отравляющего вещества, от которого пострадали Сергей и Юлия Скрипаль*» (НКРЯ, 2003-2018). В данном случае номинация *британские ученые* имеет три конкретизирующих атрибута: название лаборатории, ее локация и время сообщения. Эта информация при необходимости позволяет перепроверить полученные сведения и указывает на то, что переносного значения у словосочетания нет.

Сопоставление контекстов без иронии со случаями проявленной иронии позволяет установить маркеры ироничности. К их числу относятся: отсутствие атрибутов, конкретизирующих место

работы британских ученых и наличие атрибутов, иронически характеризующих самих ученых или предмет их аналитических усилий. Именно синтагматическое соединение с отсутствием реальной адресации и наличием маркеров иронической оценки связанных с учеными объектов проявляют иронию самой номинации.

Нулевые и материально выраженные маркеры ироничности в прагматическом аспекте указывают на коммуникативные ситуации, в которых говорящий выражает свое демонстративно негативное или насмешливое выражение к данной группе людей. Следует подчеркнуть, что, поскольку сама группа может мыслиться говорящим как фиктивная, весь комплекс сообщаемой ею информации также репрезентируется в качестве вымышленной. Во всех этих случаях взаимодействие между номинацией и контекстом носит двусторонний характер.

Диванный ученый. Выражение *диванный ученый* активно циркулирует в сетевых ресурсах и нередко сопровождается языковой рефлексией. Единственное толкование значения представлено в Викисловаре: «неодобр. или ирон. человек, дающий советы касательно того, в чем он совершенно не разбирается» (Викисловарь): «Ученый опроверг слова «диванных экспертов» о вреде и пользе салата из помидоров и огурцов <...>. Данная теория, по мнению биогеронтолога Алексея Москалева, выдвигается людьми, далекими от биологии, химии, а также ботаники». На наш взгляд, толкование не совсем точно, требует конкретизации: ученый (человек вообще), у которого отсутствует необходимый практический опыт и объем знаний в той области, о которой он высказывает свое мнение: «Для "диванных археологов" нет большего удовольствия, чем читать о последних открытиях, связанных с древним миром» (<https://novate.ru/blogs/020816/37453/>).

Значение близко семантике *кабинетного ученого*.

Возможно, первоначально выражение возникло в связи с активным развитием корпусной лингвистики. Оно стало иронической номинацией, которую сторонники методов машинной обработки информации использовали по отношению ко всем прочим исследователям. Сатирическое изображение «корпусного» лингвиста и «диванного» лингвиста, противостоящих друг другу и не признающих результаты исследований друг друга, можно найти у Ч. Филлмора (Fillmore, 1992: 35).

Симптоматично, что в современном русском языке гнездо номинативно-атрибутивных словосочетаний с зависимым словом «диванный» в последнее время активно пополняется. Наряду с диванным ученым фигурируют также диванный аналитик, археолог, астроном, критик, теоретик, эксперт.

Наиболее показателен следующий пример: «*“Российская академия космонавтики имени К.Э. Циолковского” планирует разработать собственный “кодекс этики”. Этот документ призван бороться с очередным “обострением клоунов из дивизии космических диванных экспертов”, как написал глава корпорации “Роскосмос” Дмитрий Rogozin в своем микроблоге Twitter*» (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=3099932>).

Упоминание «очередного обострения» ставит под сомнение психическую состоятельность этого типа людей. Прозрачны прямые характеристики и синонимическая связь, в которую включается номинация в предложении «*В настоящее время интернет завален кучей статей и книг псевдопсихологов и диванных ученых*» (https://www.b17.ru/article/anger_management/). Они однозначно выводят диванных ученых из числа людей, которым стоит доверять. Все это в своей совокупности формирует оценку пренебрежительного

отторжения. Подобная оценка может быть сглажена нейтральным контекстом: «*Диванные астрономы помогли ученым найти марсианских «пауков»*» (<http://klascon.ru/divannye-astronomy-pomogli-uchenym-najti-marsianskix-paukov/>).

К основному значению выражения добавляется оттенок, связанный с внешними условиями работы. *Диван* и *кабинет* по своим лексическим и ассоциативным значениям противоположны, в частности, *лаборатории* и *полю*. Яркая контрастивность суммируется посредством оппозиции наличие/отсутствие комфорта. Отсюда диванный ученый – еще и тот, кто работает в комфорте, оторван от экспериментальной деятельности и не прикладывает усилий для полевого сбора информации.

Ироническая коннотация для этой номинации является обязательной. Соответственно, ее взаимодействие с контекстами носит тот же характер, что и у номинации *профессор кислых щей*. Прямым указанием на то, что номинации обозначают не единичные, не редкие и не уходящие в прошлое явления, можно считать возникновение гиперонима, объединяющего все варианты и выражающее общее родовое название класса сходных объектов: «*Диванные войска – общее название т. наз. “воинов интернета”, ведущих виртуальные боевые действия за некую правду и высшую справедливость в таких областях как история и политика, на новостных сайтах, форумах и в соцсетях*» (Традиция).

Гаражный ученый (исследователь).

Выражение *гаражный ученый (исследователь)* возникло в самом начале XXI века в США. Его появление связано с распространением домашних или гаражных лабораторий – частных, неподконтрольных власти исследовательских образований. Яркими представителями являются родоначальник гаражной

биологии Роб Карлсон и пионер эры ИТ-технологий Стив Джобс. Доказывая продуктивность избранного ими пути, гаражные учёные апеллируют к науке рубежа XIX–XX веков, когда множество открытий было сделано в частных лабораториях. С. Джен определяет биотехнологию, одно из направлений гаражной науки, как наследие американского дилетантизма, живущего в «мифологическом гараже» (Jen, 2015: 128).

Ироническое отношение к гаражным ученым, в первую очередь, связано с тем, что они ставят перед собой исключительно глобальные задачи, игнорируя реалии современной научной парадигмы и, соответственно, изменения в характере научного поиска. Кроме того, они занимают пространство, не предназначенное для ученых и научных исследований: любые укромные места от чердаков до подвалов с гаражами, считающиеся классикой жанра. Таким ученым можно считать 62-летнего Давида Переса из американского штата Небраска, пытающегося создать искривляющий пространственно-временной континуум двигатель раньше НАСА (Степанов, 2015).

Выражение только проникает в русский язык и словарями не фиксируется. Потенциальная активность этого выражения связана не только с актуальностью объекта номинации, но и с уже существующими устойчивыми выражениями «гаражный рок» и «гаражный панк», и вновь возникающими «гаражная экономика» и «гаражники» (<https://www.kommersant.ru/doc/2956203>).

Возникновение иронической коннотации предопределено двумя факторами. Во-первых, выражение продолжает ряд уже имеющих иронических коннотаций номинаций, основанных на пространственных локациях: *диванный*, *кабинетный*. На характер функционирования влияют особенности тематической группы, в которую включено выражение. Во-вторых, в основе выражения лежит оксюморон.

Если диван и кабинет все же устойчиво ассоциируются с учеными, могут восприниматься как их реальные локации, то гараж – локация для шофера, слесаря или водителя. Осуществляя свою деятельность в нехарактерном для ее проведения месте, ученый теряет свои профессиональные характеристики.

Заслуживает внимания то, что именно локативные характеристики отражают действительно существующие в ученой среде оппозиции. *Кабинетный ученый* фиксирует оппозиции теоретик – практик. *Диванный ученый* фиксирует ту же оппозицию и противопоставление по признаку приверженности к определенным методам исследования. *Гаражный ученый* фиксирует оппозицию по признаку наличия или отсутствия официальной ангажированности исследователя.

Заключение (CONCLUSIONS)

Таким образом, в процессе формирования ряда устойчивых сочетаний с упоминанием учёных более ранние номинации не теряют своей актуальности и не вытесняются последующими, а происходит количественное нарастание номинаций. Использование всех этих выражений в настоящее время характеризуется тем, что они отрываются от номинаций людей науки и начинают использоваться применительно к любым людям. На фоне этого общего процесса у различных номинаций с ироническим компонентом прослеживается явная тенденция к тому, что они оказываются друг по отношению к другу в отношениях свободного варьирования. Возникают контексты, где реально или потенциально одна номинация может быть заменена другой без потери смысла и коммуникативной интенции.

У всех перечисленных номинаций есть конкретные причины возникновения, которые существенно отличаются друг от друга (ксеномотивация, дифференциация учёного сословия, прецедентный текст). Но при этом есть основания предполагать,

что кроме указанных причин возникновения у них есть общая причина актуализации. Она заключается в том, что русская культура в целом традиционно чаще видит в ученых гораздо больше негативного, чем позитивного. Примеров множество: профессор Верховенский из романа Ф. М. Достоевского «Бесы», профессор Серебряков из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня»; профессор Сторицын из одноимённой пьесы Л. Н. Андреева, профессор Преображенский из повести М. А. Булгакова «Собачье сердце», профессор Керн из романа А. Беляева «Голова профессора Доуэля», профессор Грацианский из романа Л. Леонова «Русский лес», лжеучёные в романе В. Дудинцева «Белые одежды».

Показателен не столько сам по себе этот репрезентативный открытый список, а то, что аналогичного списка по уровню представительности имен и известности персонажей, который включал бы в себя исключительно позитивные образцы ученых, составить нельзя. Они присутствуют в произведениях братьев Стругацких, Д. Гранина, В. Каверина, но и в них эти образцы малочисленны, идеологически локализованы и менее известны.

Галерея различных типов ученых в сериалах стала предметом самостоятельного исследования М. А. Араповой. В результате она пришла к выводам, подтверждающим наше наблюдение. По ее мнению, в русских сериалах XXI века, относящихся к комедийному жанру, создается сатирический лингвокультурный типаж ученого (Арапова, 2019: 156).

Список литературы

- Андреева В. А. Ложь напрокат. АСТ, Астрель, Люкс, 2005. 179 с.
- Антонов А. В. Неодобрительные наименования человека в ярославских говорах // Культура. Литература. Язык: материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского. Ярославль. 2017. С. 8–12.

Арапова М. А. Речевой портрет как важный элемент формирования кинообраза современного ученого // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. Серия 19. 2019. № 2. С. 156–163.

Аренс Л. Е. Памяти Сергея Тимофеевича Аксакова (1791-1859) – замечательного русского натуралиста // Русский орнитологический журнал. 2016. Том 25. Экспресс-выпуск 1240. С. 233–237.

Перемитина Н. А. Образование как общественное явление // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2003. №5 (37). С. 112–114.

Степанов В. Работающий в гараже учёный попытается создать искривляющий пространственно-временной континуум двигатель раньше NASA. 2015. URL: <https://tjournal.ru/53627-warp-garage> (дата обращения: 17.11.2019).

Фролова О. Е. О коннотациях слов аристократ, барин, буржуа и их дериватов в русском языке // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 3 (166). С. 174–190.

Хаустова Э. Д. Иронические наименования одежды в русском языке в свете проблемы «Слова и Вещи» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 6. С. 53–57.

Шилихина К. М. Ироническая номинация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. №1. С. 50–54.

Barbieri, F. and Saggion, H. (2014), “Automatic Detection of Irony and Humour in Twitter”, *Proceedings of the 5th International Conference on Computational Creativity*. Computationalcreativity.net, 155–162.

Fillmore, Ch. (1992), “Corpus linguistics” vs. “Computer-aided armchair linguistics”, *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82*, Berlin: Mouton de Gruyter, 35–60.

Hernandez-Farias, D. I., Patti, V. and Rosso, P. (2016), “Irony Detection in Twitter: The Role of Affective Content”, *ACM Transactions on Internet Technology*, 16 (3), article 19.

Jen, C. (2015), “Do-It-Yourself Biology, Garage Biology, and Kitchen Science: A Feminist

Analysis of Bio-Making Narratives”, *Knowing New Biotechnologies: Social Aspects of Technological Convergence*, Routledge: New York, 125–141.

Musolff, A. (2017), “Metaphor, irony and sarcasm in public discourse”, *Journal of Pragmatics*, 109, 95–104.

Reyes, A., Rosso, P. and Buscaldi, D. (2012), “From humor recognition to Irony detection: The figurative language of social media”, *Data and Knowledge Engineering*, 74, 1–12.

Veale, T. and Hao, Y. (2010), “Detecting ironic intent in creative comparisons”, *Proceedings of the 19th European conference on artificial intelligence*, Amsterdam: IOS Press, 765–770.

Wilson, D. and Sperber, D. (2012), “Explaining irony”, *Meaning and Relevance*, Cambridge UP, 123–145.

Список словарей

Белко В. К. Жгучий глагол: Словарь народной фразеологии. Зеленый век. 2000. URL: <http://www.rulit.me/books/zhguchij-glagol-slovar-narodnoj-frazeologii-read-321081-54.html> (дата обращения: 17.11.2019).

Белянин В. П., Бутенко И. А. Живая речь. Словарь разговорных выражений М.: ПАИМС, 1994.

Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения: 17.11.2019).

Елистратов В. С. Словарь русского арго. М.: Русские словари 2000; ГРАМОТА.РУ. 2002. URL: http://gramota.ru/slovari/argo/53_11163 (дата обращения: 17.11.2019).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 785 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка 2003–2018. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.11.2019).

Попов М. Словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Москва: Издательство И. Д. Сытина, 1911. 466 с.

Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: АН СССР, 1948–1965.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940.

Традиция. Русская энциклопедия. URL: <https://traditio.wiki/> (дата обращения: 17.11.2019).

References

Andreyeva, V. A. (2005). *Lozh naprokat* [Lies for rent], AST, Astrel, Lux (in Russian).

Antonov, A. V. (2017). “Neodobritel'nyye naimenovaniya cheloveka v yaroslavskikh govorakh” *Kul'tura. Literatura. Yazyk: materialy konferentsii “Chteniya Ushinskog”*, 8–12. (in Russian).

Arapova, M. A. (2019). “Rechevoy portret kak vazhnyy element formirovaniya kinoobraza sovremennogo uchenogo”, *Vestnik MGU im. M.V. Lomonosova, seriya 19*, 2, 156–163. (in Russian).

Arens, L. Ye. (2016). “Pamyati Sergeya Timofeyevicha Aksakova (1791–1859) – zamechatel'nogo russkogo naturalista, *Russkiy ornitologicheskij zhurnal*, 25, 233–237. (in Russian).

Belko, V. K. (2000). *Zhguchiy glagol: Slovar' narodnoy frazeologii* [The Burning Verb: Dictionary of Folk Phraseology]. Zelenyy vek. (in Russian).

Belyanin, V. P. and Butenko, I. A. (1994). *Zhivaya rech'. Slovar' razgovornykh vyrazheniy* [Live speech. Dictionary of Colloquial Expressions], PAIMS, Moscow, Russia (in Russian).

Dahl, V. I. (1863–1866). *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language. In 4 vols]. Saint Petersburg, Russia. (in Russian).

Elystratov, V. S. (2000). *Slovar' russkogo argo.* [Dictionary of Russian Argot]. Russkiye slovari, Moscow (in Russian).

Mokiyenko, V. M. and Nikitina, T. G. (2007). *Bolshoy slovar russkikh pogovorok* [Large Dictionary of Russian Sayings]. OLMA Media Group, Moscow, Russia (in Russian).

Peremitina, N. A. (2003). “Obrazovaniye kak obshchestvennoye yavleniye”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 5 (37), 112–114. (in Russian).

Popov, M. (1911). *Slovar inostrannykh slov, voshedshikh v upotrebleniye v russkom yazyke* [Dictionary of foreign words, which were used in Russian], I.D. Sytin, Moscow, Russia (in Russian).

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. (1948–1965),

[Dictionary of the Contemporary Russian Literary Language. In 17 vols]. Leningrad, Moscow, Russia.(in Russian).

Stepanov, V. (2015). Rabotayushchiy v garazhe uchoniyy popytayetsya sozdat' iskrivlyayushchiy prostranstvenno-vremennoy kontinuum dvigatel' ran'she NASA. Retrieved from: <https://tjournal.ru/53627-warp-garage> (in Russian).

Frolova, O. Ye. (2017). "O konnotatsiyakh slov aristokrat, barin, burzhua i ikh derivatov v russkom yazyke", *Izvestiya UrFu. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki*, 3 (166), 174-190 (in Russian).

Khaustova, E. D. (2010). "Ironicheskiye naimenovaniya odezhdy v russkom yazyke v svete problemy «Slova i Veshchi»", *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 6, 53–57 (in Russian).

Shilikhina, K. M. (2009). "Ironicheskaya nominatsiya", *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 1, 50-54 (in Russian).

Barbieri, F. and Saggion, H. (2014). "Automatic Detection of Irony and Humour in Twitter", *Proceedings of the 5th International Conference on Computational Creativity. Computationalcreativity.net*, 155–162.

Fillmore, Ch. (1992). "Corpus linguistics" vs. "Computer-aided armchair linguistics", *Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82*, 35-60.

Hernandez-Farias, D. I., Patti, V. and Rosso, P. (2016). "Irony Detection in Twitter: The Role of Affective Content", *ACM Transactions on Internet Technology*, 16 (3), article 19.

Jen, C. (2015). "Do-It-Yourself Biology, Garage Biology, and Kitchen Science: A Feminist Analysis of Bio-Making Narratives", *Knowing New Biotechnologies: Social Aspects of Technological Convergence*, Routledge: New York, 125-141.

Musolff, A. (2017). "Metaphor, irony and sarcasm in public discourse", *Journal of Pragmatics*, 109, 95-104.

Reyes, A., Rosso, P. and Buscaldi, D. (2012), "From humor recognition to Irony

detection: The figurative language of social media", *Data and Knowledge Engineering*, 74. 1-12.

RNC – Russian National Corpus (2003–2018) Retrieved from: <http://ruscorpora.ru>

Tradition. Russkaya entsiklopediya [Russian encyclopedia] [Online], Retrieved from: <https://traditio.wiki/> (Accessed 17 November 2019).

Ushakov, D. N., (1935-1940), *Tolkovyy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of Russian Language. In 4 vols], Sovetskaya Entsiklopedia Publ., OGIS Publ Moscow, Russia (in Russian).

Veale, T. and Hao, Y. (2010). "Detecting ironic intent in creative comparisons", *Proceedings of the 19th European conference on artificial intelligence*, IOS Press, Amsterdam

Wilson, D. and Sperber, D. (2012). "Explaining irony", *Meaning and Relevance*, Cambridge UP, UK

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Shuneyko Alexander Alfredovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University

Чибисова Ольга Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет

Chibisova Olga Vladimirovna, PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State University

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 8.81.255.4

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-5

Дондик Л. Ю.

Сопоставительное исследование стратегий перевода авторских неологизмов в романе фэнтези

Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал),
ул.Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, Россия
E-mail: dondik2006@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5955-5017

*Статья поступила 21 ноября 2019 г.; принята 2 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация

Статья посвящена сопоставительному изучению особенностей перевода авторских неологизмов, зафиксированных в серии романов фэнтези британской писательницы Джоан Роулинг. Исследование проведено на материале переводов с английского на русский и французский языки, выполненных профессиональными переводчиками. В статье разрабатывается проблематика перевода произведений жанра фэнтези. Особую трудность для переводчика представляет передача средствами иностранного языка авторских неологизмов как одного из важнейших средств создания в романе сказочной реальности, атмосферы волшебства, номинации магических существ, явлений, заклинаний. Для решения проблемы необходима разработка прагматического аспекта художественного перевода, изучение вопроса о выборе стратегии перевода фэнтези. Предложена методика сопоставительного исследования особенностей перевода авторских неологизмов с точки зрения стратегий форенизации и доместикации. Обе стратегии перевода имеют как положительные эффекты, так и критические стороны. Автор приводит примеры, иллюстрирующие использование различных приемов и стратегий перевода неологизмов в романе фэнтези с английского на русский и французский языки. Анализируются вопросы прагматической адаптации и качества перевода, связанные с выбором стратегии, а также приёмов передачи авторских неологизмов средствами иностранного языка – транскрипции, транслитерации, калькирования, функциональной замены, адаптации неологизма, создания переводчиком собственного неологизма. Делаются выводы об использовании разными лингвистами неидентичных способов перевода неологизмов, о выборе ими различных стратегий для специфических преобразований, раскрывающих игру авторского воображения средствами языка перевода.

Ключевые слова: авторский неологизм; художественный перевод; фэнтези; стратегия перевода; доместикация; форенизация.

Для цитирования: Дондик Л.Ю. Сопоставительное исследование стратегий перевода авторских неологизмов в романе фэнтези // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 46-57. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-5

Lyudmila Yu. Dondik

Comparative research of translation strategies for author's neologisms in a fantasy novel

Russian State Professional Pedagogical University,
Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Institute (branch),
57, Krasnogvardeyskaya St., Nizhniy Tagil, 622000, Russia
E-mail: dondik2006@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5955-5017

Received 21 November; accepted 2 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The article is devoted to the comparative study of peculiarities of translation of author's neologisms recorded in fantasy novels by British writer J. K. Rowling. The research was carried out on the material of translations from English into Russian and French made by professional translators. The article deals with the problems of literary translation in the fantasy genre. Author's neologism is one of the most important means of creating the fairy-tale reality and atmosphere of magic in the novel. This is a means to nominate magical creatures, phenomena, spells. Their transfer into a foreign language represents a special difficulty for the translator. To solve the problem, it is necessary to develop a pragmatic aspect of literary translation, to study the choice of fantasy translation strategy. The proposed technique in comparative studies of peculiarities of translating author's neologisms is based on the difference between the two strategies of foreignization and domestication. The translation strategies have both positive effects and critical aspects. The author gives examples illustrating the use of various techniques and strategies for translating neologisms in the fantasy novel from English into Russian and French. The issues of pragmatic adaptation and quality of literary translation are analyzed. They are associated with strategy choice and methods of transfer of author's neologisms by means of a foreign language, such as transcription, transliteration, calques, functional replacement, neologism's adaptation, creation of a translator's own neologism. Conclusions are drawn about the use of non-identical ways of translating neologisms by different linguists, about their choice of different strategies for specific transformations revealing the game of author's imagination.

Key words: author's neologism; literary translation; fantasy; translation strategy; domestication; foreignization

How to cite: Dondik, L. Yu. (2019). Comparative research of translation strategies for author's neologisms in a fantasy novel. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5(4), 46-57, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-5

Введение. Художественный перевод представляет собой особое направление переводческой деятельности, вид письменного перевода, основная сложность которого заключается в передаче средствами другого языка не только определенного литературного замысла, но и сохранение уникального авторского стиля произведения, его эстетики, художественных образов, богатства языковых средств выразительности, а также атмосферы, характера, настроения, юмора, заложенных в оригинальном тексте. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей перевода такого популярного жанра современной художественной литературы, как фэнтези. Работа в жанре фэнтези требует от переводчика решения дополнительной задачи – передачи некоторого фантастического элемента, представляющего глубинное организующее начало в концепте романа фэнтези. В отличие от научной фантастики, жанр фэнтези не ограничивает воображение писателя. Для создания волшебного мира, в котором происходят события романа, писателем придумываются разнообразные магические элементы, выбираются языковые средства их номинации, в том числе – авторские неологизмы. Большое количество новых слов и оборотов речи, вымышленных для ухода от реального мира, для придания произведению сказочного, волшебного колорита, безусловно, представляет значительную сложность для переводчика (Службина, 2018). Кроме того, в процессе создания неологизмов писателями активно используются различные лингвокреативные техники, основанные на особенностях фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса языка оригинального текста, что еще больше усложняет работу переводчика.

Специалистами-практиками в области художественного перевода нарабатаны различные приемы передачи

авторских неологизмов средствами иностранного языка, и представляется небезынтересным то, что в каждом конкретном случае определяет выбор переводчиком одного из возможных приемов перевода. Переводчик может руководствоваться некоторой общей установкой, стратегией, обуславливающей принятие того или иного переводческого решения, необходимого для преодоления трудностей перевода. Изучение стратегий перевода художественного произведения тесно связано с вопросами качества перевода, проблемой прагматической адаптации, которой подвергается оригинальный текст в процессе перевода на иностранный язык.

Материалом настоящего исследования стала серия романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере, заслуживших мировую известность и переведенных на 77 языков. Корпус выборки составлен на основе переводов М. Литвиновой, И. Оранского и М. Спивак с английского на русский язык, а также перевода Ж.-Ф. Менара с английского на французский язык. Наличие нескольких опубликованных вариантов перевода, выполненных разными авторами, позволяет сопоставлять различные способы переводческой адаптации фэнтези.

Теоретический обзор. Вопрос о стратегиях перевода относится к прагматическому аспекту переводческой деятельности, который может быть определен как зависимость процесса и продукта работы переводчика от необходимости сохранить определенную прагматическую эффективность оригинала, его способность оказывать на реципиента определенное воздействие (Комиссаров, 2004). Понятие адаптации перевода художественного произведения включает в себя учет переводчиком особенностей целевой иноязычной аудитории читателей, а также специфических черт жанра и стиля оригинального произведения.

Принимая решение о необходимости произвести некоторый прагматический сдвиг или прагматическую замену, переводчик берет курс на доместикацию – стратегию, допускающую изменение элементов оригинального текста в соответствии с ожиданиями, запросами, культурными и лингвистическими традициями целевой аудитории перевода. При доместикации переводчик отдает приоритет удобовоспринимаемости перевода художественного произведения иностранным читателем, жертвуя в некотором роде формулировками текста оригинала и позволяя себе более свободный перевод. Иностранные элементы в таком переводе сведены к минимуму так, что неоригинальность текста не очевидна для читателя. Следовательно, переводчик вмешивается в произведение, в какой-то мере становясь его соавтором.

Доместикации противопоставляется форенизация – стратегия, ориентированная на максимальную приближенность перевода к оригиналу, на сохранение авторского стиля. Форенизированный перевод включает большое количество иностранных слов, идиом, подчёркивающих чужеродность текста.

До сих пор остается дискуссионным вопрос о том, какая из двух стратегий позволяет лингвисту выполнить более качественный перевод художественного произведения. Американский переводчик, теоретик и историк перевода Лоуренс Венути в своих трудах дает оценку переводческой деятельности в соответствии с постструктуралистскими концепциями языка, дискурса и субъективности: он выступает против поверхностного отношения к оригинальному тексту и этноцентризма, заложенного в доместикации. Л. Венути призывает к тому, чтобы лингвистические и культурные особенности оригинала обязательно находили отражение в переводе, иначе перевод воспринимается как оригинальный текст, а

переводчик остается невидимым (Venuti, 2004).

О двух противоположных типах перевода говорил в XIX веке Фридрих Шлейермахер, который, как и Л. Венути, отдал предпочтение форенизации, поскольку эта стратегия более корректна в отношении авторских прав, менее жесткая по отношению к оригинальному тексту (Lindemann, 2015: 117–120).

А. Берман считает форенизацию необходимым условием создания диалога между исходной и целевой культурами. Он подчёркивает необходимость присутствия в тексте перевода таких иностранных элементов, которые способны привлечь внимание читателя, встряхнуть его. По его мнению, если все элементы переводного текста известны читателю, то эффект перевода теряется (Berman, 1995).

Существует и противоположная точка зрения, согласно которой перевод должен быть максимально близким целевой аудитории, то есть выполнен в доместикации. При этом форенизация считается некачественно выполненной работой. Например, в отечественном языкознании долгое время был принят постулат о том, что перевод должен быть сосредоточен на передаче смысла, и дословный перевод противопоставлялся смысловому, поэтому официально признавались и публиковались именно доместицированные переводы. Однако сегодня центральные издания стали публиковать все больше форенизированных переводов прозы.

В каждом конкретном случае выбор стратегии остаётся за переводчиком – ему решать, быть ли незаметным при доместикации или же получать критику в свой адрес за неудачную форенизацию. Однако помимо личности переводчика, есть множество других факторов (политические, религиозные, моральные, лингвистические), которые влияют на выбор стратегии. В меньшей литературной

культуре принято выполнять перевод в стратегии форенизации, так как новые элементы могут привнести свежие идеи и направления в целевую культуру.

Различные аспекты литературного текста, от имён персонажей до жанров, могут быть форенизированы. Сохраняя иностранные элементы переводчик способен подчеркнуть или поставить под вопрос ценности принимающей культуры. Встречая в переводном тексте иностранный элемент, читатель получает возможность путём сравнения двух культур по-другому увидеть и лучше понять их ценности (Venuti, 2004).

К. Мэнлав указывает на то, что полная доместикация текста перевода лишает читателей возможности самостоятельно решать, как реагировать на иностранные элементы. Вместо этого переводчики сами делают за читателей этот выбор, предлагают им пассивное чтение, когда аудитории остаётся понять и принять то, что решили дать им переводчики (Manlove, 2003).

Для восприятия и понимания форенизированного перевода читателю может потребоваться больше усилий, определенные фоновые знания, в том числе лингвистические и социокультурные, так как читатель становится активным участником в процессе восприятия всего нового, странного и непонятного, что несёт в себе текст оригинала. Форенизация может привести к новым открытиям, однако, если новые элементы в тексте превосходят способности читателя, то текст становится непонятным. Так, проблемы, связанные с применением стратегии форенизации, часто возникают тогда, когда целевой аудиторией являются дети. В этом случае переводчику нужно адаптировать текст таким образом, чтобы не зависить читательскую компетенцию адресата.

Возможно, с точки зрения удобовосприимчивости текста читателями оптимальным вариантом является

перевод, в равной степени сочетающий элементы доместикации и форенизации.

Научные результаты и дискуссия.

Романы о Гарри Поттере изобилуют неологизмами. В ходе исследования на материале оригинальных текстов семи романов была составлена выборка, в которую вошли 78 английских неологизмов. Среди них – выдуманные британской писательницей заклинания, названия магических видов спорта, спортивного инвентаря и игровых позиций в этих видах спорта, существительные, называющие статус человека в зависимости от наличия или отсутствия у него магических способностей, названия магических объектов, растений и животных. Выборка также включает варианты перевода неологизмов на русский и французский языки, зафиксированные в опубликованном издательством «Росмэн» переводе М. Д. Литвиновой и И. В. Оранского, в опубликованном издательством «Махаон» переводе М. В. Спивак, а также в переводе на французский язык, выполненном Ж.-Ф. Менаром.

Анализ выборки показал, что М. Д. Литвинова и И. В. Оранский при переводе неологизмов используют преимущественно стратегию форенизации. Для перевода большинства атрибутов магического мира Гарри Поттера переводчики выбрали приёмы транскрипции и транслитерации (73% – у И. В. Оранского и 54% – у М. Д. Литвиновой). Данный приём позволяет сохранить некую завесу тайны и волшебства фантастического мира, созданную в романе автором. Кроме того, наличие незнакомых слов побуждает читателей к анализу прочитанного произведения, его осмыслению и желанию узнать больше, возможно, провести своё «исследование» на эту тему:

1) заклинание *Alohomora*, открывающее любые двери было переведено с помощью транслитерации: *Алохомора!*

Дж. К. Роулинг также создала большое количество магических заклинаний по мотивам латинских слов, используя окончание «*um*». Все они были переведены с помощью транслитерации: *Expecto Patronum* – Экспекто Патронум;

2) *muggle* (человек, не обладающий магическими способностями), самый частотный неологизм всей саги, был транскрибирован на русский язык: маггл;

3) М. Д. Литвинова сделала выбор в пользу сохранения таинственности даже в случае с переводом пароля от башни Гриффиндора – *Flibbertigibbet*. Слово имеет прямой перевод с английского – «сплетница». Однако такой перевод не укладывается в атмосферу магии и таинства пароля, поэтому в переводе от издательства «Росмэн» пароль остался в своём первоначальном виде: Флиббертигиббет;

4) магические монеты *galleon* и *sickle* – это семантические неологизмы, которые появились в книге путём придания существующим словам нового значения, поскольку прямое значение существительного *galleon* – морское судно, а *sickle* – серп. Назвав монету, автор Дж. К. Роулинг хотела показать номинал, значительную весомость галлеона по сравнению с остальной валютой в волшебном мире, а *sickle* имеет форму серпа, полумесяца;

5) *boggart* – злой дух в английском фольклоре. Дж. К. Роулинг придала этому слову несколько иное значение. В романе она представляет боггарта привидением, которое может прятаться в любом тёмном закоулке, начиная со шкафа и заканчивая футляром от напольных часов. Пока боггарт не столкнулся с людьми, он бесформен, и лишь при контакте с человеком он может приобрести форму самых худших страхов. Транслитерация помогает переводчикам сохранить облик магического слова, не теряя значения, заложенного автором;

6) *Quidditch* – название озера в Англии, однако в магическом мире Гарри

Поттера неологизм используется как номинация особого вида спорта на метлах. Во многих частях романа *квиддич* – один из наиболее частотных неологизмов, в тексте представлено множество сцен с описанием игры в квиддич. На протяжении всей саги его употребление в тексте насчитывает более 450 случаев.

Таким образом, для передачи авторских неологизмов в романе фэнтези в рамках стратегии форенизации переводчиками широко используются приемы транслитерации и транскрипции. Все эти названия атрибутов магического мира создают неповторимую волшебную атмосферу Вселенной Гарри Поттера и не могут быть опущены при переводе на другой язык.

Калькирование – способ перевода неологизмов в рамках стратегии форенизации, когда эквивалент создается путём перевода отдельных частей слова и последующего их сложения в одно слово переводного языка. В выборке, составленной на материале переводов М. Д. Литвиновой, калькированные неологизмы составили 39,4 %; в выборке из переводов И. В. Оранского – 24,7%.

1. Дж. К. Роулинг придумала новый напиток *butterbeer*. Слово появилось в результате сложения «*butter*» (масло) и «*beer*» (пиво). В русском переводе зафиксирована калька – сливочное пиво.

2. Неологизм *Clankers*, образованный от глагола «*clank*» – греметь, лязгать, путем функционирует в переводе как *Звякалки*. Калькирование помогло переводчику создать аналогичную по форме и мотивированности значения лексему.

3. Когда одно из привидений Хогвартса, сэр Николас, собирается отпраздновать юбилей дня своей смерти, в тексте романа появляется неологизм – *deathday*, образованный по аналогии со словом «*birthday*». Чтобы сохранить ироничность и торжественность события, И. В. Оранский использовал кальку *смертенины*, полученную путём сложения слов «смерть» и «именины».

4. *Fainting Fancies* – это разновидность сладостей, придуманная братьями Фредом и Джорджем Уизли. В переводе от издательства «Росмэн» калькирование удачно переносит как образ названия сладости, так и суть ее назначения: *Тошнотосласти*.

Результаты коммуникативно-прагматического анализа вариантов перевода неологизмов позволяют сделать вывод о том, что М. Д. Литвинова и И. В. Оранский, стремясь сохранить авторский стиль Джоан К. Роулинг, чаще всего отдают предпочтение стратегии форенизации. Однако переводчики не всегда придерживались исключительно данной стратегии, так как в тексте романов фэнтези встречаются и такие неологизмы, которые требуют адаптации для адекватного восприятия их иностранной аудиторией:

1) *put-outer* – знаменитая *гасилка* Дамблдора, которой он выключал фонарное освещение улиц;

2) для передачи средствами русского языка окказионализма *de-gnome the garden* переводчики обратились к описательному переводу: «Ступай в сад, *пора выдворить гномов*. Они опять все заплотонили»;

3) для перевода на русский язык неологизма *Polyjuice Potion* (зелье, позволяющее принять образ другого человека) ни И. В. Оранский, ни М. Д. Литвинова не смогли остаться в рамках стратегии форенизации и изменили его на *Оборотное зелье*;

4) *Remembrall* (магический предмет, служащий для напоминания всего того, что было забыто) также был передан при помощи функциональной замены – *напоминалка*. При дословном переводе название звучало бы как «помнить всё».

Автор «народного» перевода книг о Гарри Поттере М. В. Спивак попыталась сделать свой текст максимально близким и понятным русской читательской аудитории. Для этого она использовала стратегию доместикации.

1. *Squib* (человек, рождённый в семье волшебников, но не обладающий магическими способностями) адаптирован для русского читателя как *шваха*. Возможно, таким неологизмом переводчица стремилась передать отрицательную коннотацию оригинального слова.

2. Неологизм *Flame-Freezing Charm* получил у М. В. Спивак описательный перевод – *Пламезамораживающее заклятие*.

3. Несмотря на то, что *boggart* – это реально существующее английское слово, М. В. Спивак решила заменить его своим неологизмом *вризрак*.

4. Если переводчики издательства «Росмэн» воспользовались приёмом транскрипции вкупе с приёмом описательного перевода для передачи неологизма *doxy* (волшебное существо-паразит, внешне имеющее сходство с феями), то М. В. Спивак предлагает в переводе новый неологизм: *мольфейки*.

5. Неологизм *Leg-Locker Curse* (заклинание, которое может обездвижить противника, соединив вместе его ноги) заменен на *Кандальное проклятие*.

6. Чтобы сохранить содержательный компонент оригинального неологизма *Auror* (должность волшебников, специализирующихся на борьбе с тёмной магией), М. В. Спивак вводит свой собственный неологизм *мракоборец*.

7. Для передачи неологизма *Sneakoscope* (магический предмет, помогающий обнаруживать опасность) переводчица постаралась максимально точно передать назначение данного магического предмета, наделив его калькированным названием горескоп.

Следует отметить, что в отдельных случаях М. В. Спивак все же прибегает к транскрипции и транслитерации, например, для передачи названий волшебных монет, отдельных магических существ, некоторых заклинаний латинского происхождения.

В рамках данной работы нами также были проанализированы переводы романов о Гарри Поттере на французский язык, выполненные французским писателем и переводчиком, сотрудничающий с издательством «Галимар», Жан-Франсуа Менаром. Проведенное исследование показало, что в процессе перевода романов фэнтези Ж.-Ф. Менар, как правило, отдает предпочтение стратегии доместикации, чтобы перевод фантастического произведения был максимально понятным для французской публики.

1. Для перевода неологизма *muggle* на французский язык Ж.-Ф. Менар создал новый неологизм *moldu*. Его выбор объясняется схожестью по звучанию и тем, что это странное слово для обозначения простаков, значение которого остаётся до конца не ясным.

2. *Mudblood* (грязнокровка, обидное обзывательство для тех, кто был рождён в семье маглов, но обладает магическими способностями). В переводе Менар использовал посыл о чистоте крови, заложенный в оригинальном слове, и, по аналогии с ним, создал французский вариант *Sang-de-Bourbe*.

3. Неологизм *squib* со значением «человек, родившийся в семье волшебников, но не обладающий магическими способностями» образован британской писательницей от английского существительного с прямым значением «фейерверк, который не разорвался». Ж.-Ф. Менаром создан французский составной неологизм *cractol* с основой «срас» – «щёлк». Он ассоциируется с pejorативным прилагательным *cramol* и хорошо передаёт смысл оригинального слова.

4. В основе неологизма *Dementor* (жуткое магическое существо, являющееся стражником тюрьмы для волшебников) – латинский глагол «*demento*», означающий «сводить с ума». В переводе Ж.-Ф. Менар взял за основу эквивалент латинского глагола во французском языке (*détraquer*) и получил кальку *Détraqueur*.

5. При переводе неологизма *boggart* (зловещий призрак, принимающий облик того, чего человек боится больше всего) у Ж.-Ф. Менара получилось создать новый неологизм на основе функциональной замены. За основу переводчик взял чувство, которое порождает боггарты своим появлением, и, рассмотрев разные синонимы, остановился на слове «*l'épouvante*», и от него образовал *Epouvantard*.

6. *Gillyweed* – водоросли, помогающие дышать под водой в течение долгого времени (*жабросли*). В переводе на французский это *Branchiflore*, смесь кальки и функционального эквивалента.

7. Неологизм *Remembrall* (магическая стеклянная сфера с белым дымком внутри, дымок становится красным, если человек что-то забыл) образован путём сложения двух слов и Ж.-Ф. Менар использовал приём калькирования, что позволило ему получить *Rapeltout*.

8. Для перевода неологизма *sneakoscope* (магическое устройство, сигнализирующее об опасности) Ж.-Ф. Менар заменил английский глагол «*to sneak*» его французским эквивалентом «*scruter*», сохраняя при этом латинский суффикс *-scope*, получился *scrutoscope* – новый неологизм, сохраняющий смысл оригинала, и даже частично сохранивший звучание.

9. *seeker* – одна из семи позиций в магической игре Квиддич. На русский язык позиция переведена как *ловец*. Французский переводчик пошёл тем же путём, что и российские: *seeker* становится *attrapeur* от *attraper* (хватать).

10. Функциональной заменой *Crucio* (заклинание, причиняющее нечеловеческие страдания) в переводе на французский становится *Endoloris*, образованное от прилагательного «*endolori*» (наболевший).

В процессе перевода неологизмов произведений о Гарри Поттере на французский язык Ж.-Ф. Менар сделал выбор в пользу стратегии доместикации,

чтобы перевод фантастического произведения был максимально понятным для французской публики. В процессе анализа перевода неологизмов было констатировано использование приёмов калькирования, функциональной замены и создания переводческого неологизма. Следует отметить серьёзную работу Ж.-Ф. Менара по анализу происхождения и уточнению значения неологизма с целью его адаптации к нуждам французской читательской аудитории. Кроме того, высокое качество перевода Ж.-Ф. Менара можно объяснить тем, что по своим структурным особенностям французский язык имеет немало схожих черт с английским языком.

Заключение. Художественный перевод фэнтези требует от переводчика передачи главных жанровых особенностей произведения, события которого разворачиваются в мире магических элементов. Для обозначения последних создаются авторские неологизмы. В рамках проведенного исследования была разработана методика изучения особенностей перевода неологизмов, которая предполагает анализ функций неологизма в оригинальном тексте, определение приема перевода, коммуникативно-прагматический анализ причин выбора стратегии и приема передачи неологизма, качества его перевода, степени адаптированности романа фэнтези к нуждам целевой читательской аудитории.

Сопоставительный анализ вариантов перевода авторских неологизмов свидетельствует не только о применении разными переводчиками неидентичных методов перевода неологизмов, но и о выборе ими различных глобальных стратегий выполнения специфических преобразований, раскрывающих игру авторского воображения средствами языка перевода.

По результатам анализа выборки сделаны выводы об использовании стратегии форенизации в переводах

М. Д. Литвиновой и И. В. Оранского, которые чаще используют для передачи неологизмов приёмы транслитерации, транскрипции и калькирования. В переводах М. В. Спивак прослеживается тенденция к доместикации неологизмов: переводчица отдаёт предпочтение приёмам адаптации и функциональной замены, а также приёму создания переводческого неологизма. В результате анализа выборки перевода неологизмов на французский язык установлено, что Ж.-Ф. Менар чаще всего применяет приёмы функциональной замены и создания переводческого неологизма, что свидетельствует об использовании им стратегии доместикации.

Однако, следует отметить, что использование исключительно одной из возможных стратегий при переводе авторских неологизмов возможно лишь в теории. В процессе выполнения художественного перевода, лингвист может использовать различные приемы передачи авторских неологизмов, принимая решение в каждом конкретном случае и учитывая различные лингвистические и экстралингвистические факторы. Например, для морфологического неологизма, независимо от общей стратегии переводчики обычно применяют калькирование. Для перевода семантического неологизма, созданного автором путем изобретения нового значения для общеупотребительного слова, переводчику сложно обойтись без доместикации, без подбора функциональной замены или создания переводческого неологизма. То есть способы создания неологизмов автором романа фэнтези также определяют в некоторой степени выбор переводчиком стратегии и приемов перевода.

Сопоставление вариантов перевода серии романов фэнтези позволило сделать вывод о достаточно высоком качестве переводов, ставших материалом настоящего исследования. Прежде всего, это связано с тем, что переводчики уделяют серьёзное внимание подготовительной

работе с неологизмами, их этимологическому анализу.

По своим структурным особенностям французский язык имеет больше схожих черт с английским языком, чем русский, что в некоторой степени облегчает работу французских переводчиков. Современный французский язык характеризуется тенденцией к аналитизму, он активно использует продуктивные словообразовательные модели, которые присущи для современного английского языка, например, словосложение. Русский язык, как язык синтетический, обладает своими специфическими особенностями морфологии и словообразования, другими продуктивными словообразовательными моделями, отличными от англоязычных, что значительно затрудняет, например, калькирование неологизмов английского языка.

Таким образом, в процессе перевода романа фэнтези, с одной стороны, автор-переводчик должен адаптировать неологизмы для читательской аудитории переводного языка и, с другой стороны, попытаться не потерять специфику авторского стиля и целостность произведения.

Французская традиция художественного перевода основана на использовании в большей степени стратегии доместикации. Переводчики проявляют лингвистическую креативность, стремясь натурализировать оригинал, создавая функциональные замены авторских неологизмов, выдумывая собственные переводческие неологизмы. В России в практике перевода доместицированные переводы фэнтези также имеют свою читательскую аудиторию; в то же время популярностью пользуются и переводы, ориентированные на форенизацию.

Список литературы

Комиссаров В. Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990. 251 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Дары Смерти. Перевод М. Д. Литвиновой. М.: Росмэн-Пресс, 2007. 640 с.

Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Дары Смерти. Перевод М. Спивак. М.: Махаон, 2015. 704 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня. Перевод М. Д. Литвиновой. М.: Росмэн-Пресс, 2002. 667 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня. Перевод М. Спивак. М.: Махаон, 2015. 704 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. Перевод И. В. Оранского. М.: Росмэн-Пресс, 2004. 832 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса. Перевод М. Спивак. М.: Махаон, 2015. 896 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-полукровка. Перевод И. В. Оранского. М.: Росмэн-Пресс, 2005. 685 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-полукровка. Перевод М. Спивак. М.: Махаон, 2015. 672 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и тайная комната. Перевод М. Д. Литвиновой. М.: Росмэн-Пресс, 2001. 473 с.

Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната. Перевод М. Спивак. М.: Махаон, 2014. 480 с.

Службина А. Г. Лексико-стилистические проблемы перевода книг жанра фэнтези // Актуальные проблемы переводоведения и практики перевода, 2018. URL: <https://www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2018/sluzhbina-2018.html> (дата обращения 12.08.2019).

Berman A. Pour une critique des traductions. Paris: Gallimard, 1995. 365 p.

Lindemann V. Friedrich Schleiermacher's Lecture "On the Different Methods of Translating" and the Notion of Authorship in Translation Studies // Rereading Schleiermacher: Translation, cognition, culture, 2015. С. 115–122. URL:

https://link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-662-47949-0_10 (дата обращения 31.08.2019)

Manlove, C. From Alice to Harry Potter: Children's Fantasy in England. New Zealand: Cybereditions, 2003. URL:

<http://bookfi.net/book/1186232> (дата обращения 14.08.2019)

Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. London: Bloomsbury, 1998. 326 p.

Rowling J. K. Harry Potter and the Deathly Hallows. London: Bloomsbury, 2007. 329 p.

Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. London: Bloomsbury, 2000. 453 p.

Rowling J. K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. London: Bloomsbury, 2005. 670 p.

Rowling J. K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. London: Bloomsbury, 2003. 471 p.

Rowling J. K. Harry Potter et la Chambre des Secrets. Traduit par Jean-François Ménard. Paris: Gallimard, 1999. 323 p.

Rowling J. K. Harry Potter et la Coupe de Feu. Traduit par Jean-François Ménard. Paris: Gallimard, 2000. 453 p.

Rowling J. K. Harry Potter et le Prince de Sang-Mêlé. Traduit par Jean-François Ménard. Paris: Gallimard, 2005. 670 p.

Rowling J. K. Harry Potter et les Reliques de la Mort. Traduit par Jean-François Ménard. Paris: Gallimard, 2007. 329 p.

Rowling J. K. Harry Potter et l'Ordre du Phénix. Traduit par Jean-François Ménard. Paris: Gallimard, 2003. 369 p.

Venuti L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. New York: Taylor & Francis e-Library, 2004. 353 c. URL: https://www.researchgate.net/publication/50246234_Lawrence_Venuti_The_Translator's_Invisibility (дата обращения 02.08.2019)

References

Komissarov, V. N. (1990). *Teoria perevoda: lingvisticheskie aspekty* [Theory of translation: linguistic aspects], Moscow, Russia: Vysshaya Shkola (in Russian).

Rowling, J. K. (2007). *Garri Potter i Dary Smerti* [Harry Potter and the Deathly Hallows], Translated by M.D. Litvinova, Moscow, Russia: Rosmen-Press (in Russian).

Rowling, J. K. (2015). *Garri Potter i Dary Smerti* [Harry Potter and the Deathly Hallows], Translated by M. Spivak, Moscow, Russia: Mahaon (in Russian).

Rowling, J. K. (2002). *Garri Potter i Kubok ognia* [Harry Potter and the Goblet of Fire], Translated by M. D. Litvinova, Moscow, Russia: Rosmen-Press, (in Russian).

Rowling, J. K. (2015). *Garri Potter i Kubok ognia* [Harry Potter and the Goblet of Fire], Translated by M. Spivak, Moscow, Russia: Mahaon, (in Russian).

Rowling, J. K. (2004). *Garri Potter i Orden Feniksa* [Harry Potter and the Order of the Phoenix], translated by I. V. Oranskiy, Moscow, Russia: Rosmen-Press, (in Russian).

Rowling, J. K. (2015). *Garri Potter i Orden Feniksa* [Harry Potter and the Order of the Phoenix], translated by M. Spivak, Moscow, Russia: Makhaon, (in Russian).

Rowling, J. K. (2005). *Garri Potter i Prints-polukrovka* [Harry Potter and the Half-Blood Prince], translated by I. V. Oranskiy, Moscow, Russia: Rosmen-Press, (in Russian).

Rowling, J. K. (2015). *Garri Potter i Prints-polukrovka* [Harry Potter and the Half-Blood Prince], translated by M. Spivak, Moscow, Russia: Makhaon (in Russian).

Rowling, J. K. (2001). *Garri Potter i Taynaya komnata* [Harry Potter and the Chamber of Secrets], translated by M. D. Litvinova, Rosmen-Press, Moscow, Russia: Makhaon (in Russian).

Rowling, J. K. (2014). *Garri Potter i Taynaya komnata* [Harry Potter and the Chamber of Secrets], translated by M. Spivak, Makhaon, Moscow, Russia (in Russian).

Sluzhbina, A. G. (2018). "Lexical and stylistic problems of translation of fantasy books", *Actual problems of translation studies and translation practice*. Retrieved from: www.alba-translating.ru/ru/ru/articles/2018

Berman, A. (1995). *Pour une critique des traductions*, Paris, France :Gallimard, (in French).

Lindemann, V. (2015). "Friedrich Schleiermacher's Lecture "On the Different Methods of Translating" and the Notion of Authorship in Translation Studies", *Rereading Schleiermacher: Translation, cognition, culture* [Electronic], pp. 115–122. Retrieved from: www.link.springer.com/chapter/10.1007%2F978-3-662-47949-0_10

Manlove, C. (2003). *From Alice to Harry Potter: Children's Fantasy in*

England .Retrieved from:
www.bookfi.net/book/1186232

Rowling, J. K. (1998). *Harry Potter and the Chamber of Secrets*, Bloomsbury London, England.

Rowling, J. K. (2007). *Harry Potter and the Deathly Hallows*, London, England: Bloomsbury.

Rowling, J. K. (2000). *Harry Potter and the Goblet of Fire*, London, England: Bloomsbury .

Rowling, J. K. (2005). *Harry Potter and the Half-Blood Prince*, London, England: Bloomsbury .

Rowling, J. K. (2003). *Harry Potter and the Order of the Phoenix*, London, England: Bloomsbury.

Rowling, J. K. (1999). *Harry Potter et la Chambre des Secrets* [Harry Potter and the Chamber of Secrets], Translated by J.-F. Ménard, Paris, France: Gallimard.

Rowling, J. K. (2000). *Harry Potter et la Coupe de Feu* [Harry Potter and the Goblet of Fire], Translated by J.-F. Ménard, Paris, France: Gallimard.

Rowling, J. K. (2005). *Harry Potter et le Prince de Sang-Mêlé* [Harry Potter and the Half-Blood Prince], Translated by J.-F. Ménard, Paris, France: Gallimard.

Rowling, J. K. (2007). *Harry Potter et les Reliques de la Mort* [Harry Potter and the Deathly Hallows], Translated by J.-F. Ménard, Paris, France: Gallimard.

Rowling, J. K. (2003). *Harry Potter et l'Ordre du Phénix* [Harry Potter and the Order of the Phoenix], translated by J.-F. Ménard, Paris, France: Gallimard.

Venuti, L. (2004). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*, Taylor & Francis e-Library, New York, USA. Retrieved from:
www.researchgate.net/publication/50246234 (Accessed 2 August 2019).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Дондик Людмила Юрьевна, заведующая кафедрой иностранных языков, теории и методики обучения, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Dondik Lyudmila Yurievna, Head of the Department of Foreign Languages, Methods and Theory of Teaching, Cand. Sci (Philology), Associate Professor, Russian State Professional Pedagogical University.

УДК 81'22

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-6

Курбанов Б. Ш.

Непроизводные и производные омонимы
русского и узбекского языков

Узбекский государственный университет мировых языков, научный отдел,
ул. Малая кольцевая, Г-9а квартал, 21а, м-в Чиланзар,
Учтепинский район, г. Ташкент, 100138, Узбекистан.

E-mail: kurbanov.baxram@bk.ru

ORCID iD: 0000-0002-5303-0794

*Статья поступила 25 ноября 2019 г.; принята 15 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы относительно непроизводных и производных омонимов на примере глаголов русского и узбекского языков. В поле зрения находятся проблемы разграничения полисемии и омонимии, критерии определения их границ. Основу исследования составляют вопросы изучения внутренней структуры слова. Представлена классификация непроизводных и производных глаголов-омонимов русского и узбекского языков с учетом способов их образования, производности и непроизводности лексем в зависимости от их взаимодействия в словообразовательном гнезде. Приведены примеры словообразовательных типов, в частности, аффиксальных способов словообразования, присущих образованию глагольных омонимов в сопоставляемых русском и узбекском языках.

В статье также речь идет об особенностях и отличительных свойствах лексических, словообразовательных омонимов, приведены примеры отраженной омонимии в системе словообразовательных гнезд. Словообразовательные гнезда рассматриваются как основной критерий определения производности и непроизводности глагольных омонимов русского и узбекского языков.

Приведены примеры составления словообразовательных гнезд глаголов в узбекском языке с учетом возможности образования наибольшего количества дериватов в структуре гнезд. Следовательно, продемонстрированы фрагменты относительно организации отраженной омонимии как в русском, так и в узбекском языках.

Результаты анализов свидетельствуют о том, что явление омонимии в русском и узбекском языках имеет регулярный и системный характер. Доказана регулярность взаимоотношений и взаимодействий лексических парадигм сопоставляемых языков в образовании производных, в частности, отраженных омонимов. Важное место при этом отводится омонимии, возникающей благодаря омонимии основ и аффиксов.

Ключевые слова: омонимия, непроизводные и производные омонимы, словообразовательное гнездо, исходное слово.

Для цитирования: Курбанов Б.Ш. Непроизводные и производные омонимы русского и узбекского языков // Научный результат. Вопросы теоретической и

прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 58-68. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-6

Bakhram Sh. Kurbanov

**Non-derivative and derivative homonyms
in the Russian and Uzbek languages**

Uzbek State University of World Languages, Department of Science,
G-9a Block, 21a Malaya Koltsevaya St.,
Chilanzar Area, Uchtepa District, Tashkent, 100138, Uzbekistan.
E-mail: kurbanov.baxram@bk.ru
ORCID iD: 0000-0002-5303-0794

Received 25 November; accepted 15 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The article discusses some questions regarding non-derivative and derivative homonyms using an example of verbs of the Russian and Uzbek languages. The article discusses the problems of distinguishing polysemy and homonymy, the criteria for determining their boundaries. The basis of the study is the study of the internal structure of the word. The classification of non-derivative and derivative verbs-homonyms of the Russian and Uzbek languages is presented with consideration of the ways of their formation, derivative and non-derivative lexemes depending on the place in the family of words. Examples of word-formation types, in particular, affix word-formation methods inherent in the formation of verbal homonyms in the compared Russian and Uzbek languages are given.

The article also deals with the features and distinctive properties of lexical, derivational homonyms, and provides examples of reflected homonymy in the system of the family of words. Families of words are considered as the main criterion for determining the production and non-production of verbal homonyms of the Russian and Uzbek languages.

The classification of non-derivative and derivative homonyms of the Russian and Uzbek languages is developed. Examples of compiling families of words of verbs in the Uzbek language are given, taking into account the possibility of the formation of the largest number of derivatives in the structure of the families. Consequently, fragments are shown regarding the organization of reflected homonymy in both Russian and Uzbek.

The analyses results indicate that the phenomenon of homonymy in the Russian and Uzbek languages is regular and systemic. The regularity of relationships and interactions of lexical paradigms of the languages being compared in the formation of derivatives, in particular, reflected homonyms, is proved. An important place in this is given to homonymy, arising due to the homonymy of stems and affixes.

Key words: homonymy; non-derivative and derivative homonyms; family of words; source word

How to cite: Kurbanov, B. Sh. (2019). Non-derivative and derivative homonyms in the Russian and Uzbek languages. *Theoretical and Applied Linguistics*, V.5(4), 58-68, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-6

Введение. Актуальность исследования заключается в том, что в настоящее время перспективным направлением лингвистики остается комплексное изучение лексических парадигм в межъязычном аспекте. Типологическое изучение проблем открывает принципиально новые возможности в обучении языкам. Изучение вопросов омонимии, в частности, причины возникновения омонимов, проблемы разграничения омонимии от полисемии остаются незавершенными. Традиционно вопросы разграничения омонимов от полисемии сводятся к таким причинам как заимствование, расширение или сужение значений, семантическая деривация, или иначе – распад полисемии, различие в наборе грамматических категорий, разное членение, генетическая связь слов, омонимия основ, омонимия аффиксов и т. д. Также общепринятыми являются причины, «приводящие к возникновению полисемии в языке: расширение значения слова, дифференциация значений, заимствования, вхождение в обиход с новым значением некогда устаревшего слова, перенос значений (метафорический и метонимический)» (Хасанов, 2016: 71-73).

Целью исследования является определение роли словообразовательных гнезд в образовании глагольных омонимических парадигм в русском и узбекском языках.

Материалами исследования служат лексические парадигмы, приведенные в толковых, омонимических, а также словообразовательных словарях русского и узбекского языков.

Методы: эмпирический, сопоставительный, метод классификации, метод компонентного анализа.

Теоретический обзор. Большинство ученых изучают явление омонимии в связи с лексикографией, морфологией и словообразованием, ибо изучение языковых явлений невозможно без учета

взаимосвязи и взаимоотношений языковых уровней.

Следует отметить мнение Л. А. Новикова относительно омонимии: «На фоне полисемии с регулярностью, повторяемостью, пропорциональностью (и следовательно, в значительной степени предсказуемостью отношений ее ЛСВ (семем), омонимия выступает в целом как категория негативная.

При омонимии семантические отношения выступают как изолированные, единичные, исключительные, трудно предсказуемые, не укладывающиеся в рамки регулярных отношений, свойственных лексико-семантическим вариантам одного слова» (Новиков, 1982: 209).

По этому поводу А. И. Головня пишет: «Что касается омонимии производных слов, то регулярность и предсказуемость отраженной омонимии менее высока, чем регулярность и предсказуемость отраженной синонимии, но все же достаточно высока, как и регулярность и предсказуемость словообразовательной формантной омонимии. Большинство лингвистов в настоящее время омонимия рассматривается как системная категория языка» (Головня, 2007: 132).

На наш взгляд, омонимия, и словообразовательная омонимия в целом, как явление системное и регулярное, достаточно полно отражается, анализируется, классифицируется в научных работах ученых-лингвистов.

По мнению Е. Ю. Бережных, лексическая омонимия затрагивает только семантическую сторону языковых фактов, а словообразовательная омонимия, помимо семантики, учитывает и структурную сторону соответствующих образований, и является результатом взаимодействия морфемной и семантической деривации. Он делит омонимы на два типа: 1) семантическая деривация происходит в сфере морфологически производных слов, в результате омонимия морфологи-

чески не интерпретируется, оставаясь на уровне лексической; 2) семантическая деривация разворачивается в пределах морфологического словообразовательного типа, в результате чего возникающие омонимы сохраняют соотнесенность с производящим их производящего, морфологически интерпретируются (Бережных, 2019: 192-195).

А. Н. Тихонов, изучая проблемы омонимии, называет ее одной из сложных лексикологических, словообразовательных и лексикографических проблем. Важнейшим критерием разрешения проблем омонимии он считает внутреннюю структуру слова (Тихонов, 1985: Т. 1, 33).

А. С. Пардаев считает нецелесообразным изучение лексических и словообразовательных омонимов в отрыве от исследования структуры омонимических гнезд. В этой связи он предлагает следующую классификацию омонимов:

1. Непроизводные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда.
2. Производные омонимы в пределах одного гнезда.
3. Непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд.

4. Отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд (Пардаев, 2015: 64).

О. С. Ахманова справедливо отмечает системный характер лексико-семантических отношений в образовании омонимов и делит их на следующие типы:

I. Слова с выраженной морфологической структурой.

1. Омонимия основ.
2. Омонимия аффиксов.
3. Разная степень членимости.
4. Различие внутренней структуры.
5. Несовпадение (различие) по принадлежности к частям речи.

II. Исконно разные слова.

III. Разошедшаяся полисемия (Ахманова, 1974: 6-8).

О. Л. Рублева выделяет лексические, словообразовательные и семантические омонимы и отмечает следующие причины возникновения лексических омонимов: а) в результате заимствования одного из компонентов (*брак I-II*), б) в результате параллельного заимствования из разных языков (*гриф I-III*), в результате различных фонетических изменений внутри языка (*лук I-II*) (Рублева, 2004: 87).

А. С. Пардаев большое внимание уделяет системе производных омонимов, главным образом связывая изучение проблемы с деривационными процессами. Критерий производности и непроизводности является одним из важных факторов в разграничении омонимии и полисемии, ибо набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах являются материальным выражением лексико-семантических отношений между парадигмами. Поэтому «важным средством разграничения полисемии и омонимии непроизводных слов является набор производных и семантические связи в словообразовательных гнездах» (Пардаев, 2016: 68-72).

Научные результаты и дискуссия.

Непроизводные омонимы – это простые, лексические омонимы. Непроизводные омонимы являются исходными словами словообразовательных гнезд. Они возглавляют гнезда.

Рассмотрим несколько примеров непроизводных омонимов из «Словаря омонимов русского языка» О. С. Ахмановой и проведем анализ данных омонимов по «Словообразовательному словарю русского языка» А. Н. Тихонова относительно их соотнесенности к словообразовательным гнездам. В словообразовательном гнезде (СГ) размещаются однокоренные слова, отражается их внутренняя структура и состав производных, что является одним из важных критериев определения омонимии. По отношению к системе словообразовательных гнезд русского языка можно

выделить следующие основные типы **непроизводных** омонимов-глаголов:

1. Непроизводные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда. Исходные слова таких омонимов возглавляют либо разные, либо одно СГ в зависимости лексико-семантических отношений между парадигмами:

а) Глаголы-омонимы, возглавляющие **разные** словообразовательные гнезда, например: *болтать I (приводить в движение) и болтать II (пустословить); валить I (заставлять падать) и валить II (двигаться в массе, во множестве); верстать II (располагать набор) и верстать II (брать на военную службу).* Данные омонимические парадигмы являются исходными словами разных словообразовательных гнезд, что свидетельствует об их разном происхождении.

б) Глаголы-омонимы, возглавляющие **одно и то же** словообразовательное гнездо. Такие омонимы возникают на базе многозначных слов, главным критерием порождения таких омонимов является семантическая деривация: *баловать I (детей) и баловать II (от баловаться); бить I (молотком), бить II (ключом) и бить III (тревогу).*

2. Непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд. Непроизводные глаголы-омонимы такого типа вступают в омонимические отношения с производными словами, являющимися дериватами другого словообразовательного гнезда. Например: *блудить I (распутничать) и блудить II (дериват от блуждать); бродить I (дериват от брести), бродить II (дериват от брод) и бродить III (находиться в брожении); бухнуть I (дериват от бух) и бухнуть II (набухать); вешать I (дериват от вес) и вешать II (делать висящим).*

3. Межчастеречные непроизводные омонимы. Омонимы такого типа возглавляют разные

словообразовательные гнезда. Характерной чертой таких омонимов является то, что в их образовании «спорадически встречаются разные типы межчастеречной омонимии: глаголов и существительных, наречий и существительных, междометий и существительных, междометий и наречий (Мирзаева, 2016: 71-73). Однако, главным образом в организации таких омонимов участвуют глагол и существительное: *выть I (глагол) и выть (сущ.); мочь I (глагол) и мочь II (сущ.); пасть I (глагол) и пасть II (сущ.); есть I (глагол), есть II (имеется), есть III (буква) и есть IV (межд. Будет выполнено); знать I (глагол) и знать II (сущ.); печь I (глагол) и печь (сущ.); бить (глагол) и бить (сущ.).*

Более разнообразной и разносторонней представляется организация **производных** омонимов русского языка. Всякое производное слово, в том числе производные омонимы – результат деривационных процессов. Производные омонимы – это словообразовательные омонимы или просто членимые слова, независимо от их морфематического строения и словообразовательной структуры.

Важную роль в организации производной омонимии выполняют словообразовательные гнезда. Как отмечает А. Н. Тихонов, «словообразовательные гнезда участвуют в системной организации всех единиц лексики, в координации их отношений. С ними связаны все отраженные явления в лексике – «отраженная синонимия», «отраженная омонимия», «отраженная антонимия», «отраженная полисемия» («отраженная метафора», «отраженная метонимия») и др. (Тихонов, 1989: 4).

В традиционном языкознании словообразовательную омонимию часто используют наравне с лексическими и морфологическими омонимами, часто относят к ним просто производные и членимые слова. Следует ограничивать

словообразовательные омонимы от производных омонимов, созданных на базе лексических омонимов, а также омонимов, имеющих разное членение. Закономерно, что производное слово состоит из двух составляющих частей – производящей основы и словообразующего аффикса. Внутренняя структура слова всегда «подсказывает» о семантической и морфологической близости омонимических слов. Имея совпадающие внешние части, словообразовательные омонимы обладают разной словообразовательной структурой. Словообразовательные омонимы должны иметь совпадающие омонимические компоненты. Иначе они не могут быть отнесены к словообразовательным омонимам, например, нельзя относить к словообразовательным омонимам, как отмечает А. Н. Тихонов, следующие парадигмы: *составить (акт) и со-составить (что-либо с чего-н.)*, *за-жить (начать жить) и зажить (рана зажила)*, *вы-глядеть (высмотреть) и выглядеть (хорошо)*, *пере-бить (посуду) и перебить (собеседника)*, *до-нести – до-носить (до дома) и донести – доносить (сделать донос на кого-н.)* (Тихонов, 1989: 48). У этих омонимов не совпадают по структуре ни производящие основы, ни словообразовательные аффиксы.

Следовательно, словообразовательными следует считать омонимы, если у них совпадают обе части слова или одна из них – основа или словообразующий аффикс, что способствует появлению корневой и аффиксальной омонимии производных слов. Если в парадигмах *за-брызгать (начать брызгать) и за-брызгать (покрыть брызгами)* представляется омонимия префиксов, то в парадигмах *вы-жать (сок) и вы-жать (рожь)* омонимичными являются основы слов, а также в соотношениях *за-топить (печь) и за-топить (погреб водою)* омонимичными являются обе части производных глаголов.

Исходя из множества особенностей явления омонимии глаголов в русском языке, А. Н. Тихонов выделяет несколько типов производных омонимов: 1) омонимы, возникшие на базе лексических омонимов; 2) омонимы, созданные на базе однокоренных слов; 3) омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, основы которых совпадают, когда они участвуют в словообразовании (Тихонов, 1989: 49).

Нами в целом принимается классификация словообразовательных омонимов русского языка, разработанная А. Н. Тихоновым, однако с некоторыми терминологическими и фактическими уточнениями. В частности, омонимы, созданные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, производящие основы которых совпадают в процессе деривации, являются важным звеном омонимов в системе языковых единиц русского языка.

По предлагаемой нами классификации **производные** глагольные омонимы делятся на следующие типы: 1) отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд; 2) производные омонимы в пределах одного гнезда; 3) омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов.

Омонимы этих групп главным образом образуются от основ производных омонимов, возглавляющих словообразовательные гнезда, а также от производных омонимов, противопоставленных производным в составе разных гнезд. Кроме того, все производные омонимы этих двух типов отражают омонимичность своих производящих, которые относятся к одной и той же части речи.

4. Отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд. К этой группе относятся производные глагольные омонимы, производящими которых являются

исходные слова разных словообразовательных гнезд: *болтнуть I* (однокр. к *болтать I*) и *болтнуть II* (однокр. к *болтать II*), *заболтать II* (размешать что-либо в жидком) и *заболтать III* (на своем языке).

Сюда же относятся омонимы, производящими которых являются непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд: *заблудить I* (от *блудить I*) и *заблудить II* (*блудить II* от *блуждать*), *выбродить I* (*бродить I* от *брести*), *выбродить II* (*бродить II* от *брод*) и *выбродить III* (*вино*, от *бродить III*).

5. Производные омонимы в пределах одного гнезда. К этой группе относятся производные омонимы, производящим для которых служит один и тот же глагол, являющийся исходным словом гнезда. Омонимия при таких парадигмах возникает благодаря омонимичности основ, аффиксов или одновременно – основ и аффиксов. Приведем примеры омонимии **основ**, например: *выдрать I* (*страницу*) и *выдрать II* (*мальчишку розгами*), *побудить I* (*разбудить*) и *побудить II* (*склонить к чему-либо*), *привить I* (*пересадить часть одного растения на другое*; *ввести вакцину*) и *привить II* (*свивая, прикрепить к чему-либо*).

Особенно продуктивен этот тип благодаря омонимии аффиксов, в частности, для глаголов с **приставками за-, по-, на-, с-, про-, пере-** и др. Например: *забить I* (*начать бить*) и *забить II* (*глубоко вбить; убить*), *заболтать I* (*начать болтать*) и *заболтать II* (*размешать что-либо в жидком*), *забрызгать I* (*начать брызгать*) и *забрызгать II* (*запачкать*), *завалять I* (*начать валять*) и *завалять II* (*запачкать*), *навалять I* (*сделать небрежно*) и *навалять II* (*валять во множестве*).

Нужно подчеркнуть важность омонимических парадигм, которые возникает благодаря омонимии слово-

образующих **суффиксов**: *верстаться I* (типограф.) и *верстаться II* (награждаться), *важивать I* (от *везти*) и *важивать II* (от *вести*).

Особое место в образовании омонимических парадигм, имеющих отношение к отраженной омонимии, занимают глаголы поливершинных асимметричных гнезд. Как отмечает Р. Р. Атаева, «наиболее активны в словообразовательном отношении лексические варианты-глаголы фонематического типа *хватать // хватить, сажать // садить, тонуть // топнуть, тускнеть // тускнеть, шнырять / шнырить, цепенеть // цепенить*, которые могут содержать и до 70 производных в первом подгнезде и 4 – 5 во втором» (Атаева, 2019: 23-31).

Эти глаголы образуют множество омонимических парадигм, способных представлять омонимию, имея в качестве исходных слов лексические варианты глаголов. Например, в гнезде поливершинных глаголов *хватать // хватить* образованы следующие омонимические парадигмы: *захватывать I* и *захватывать II*, *захватываться I* и *захватываться II*, *перехватывать I* и *перехватывать II*, *расхватывать I* и *расхватывать II* и т. д.

6. Производные омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов. По классификации А. Н. Тихонова это единственный тип словообразовательных омонимов, возникающих в результате случайного совпадения членения производных основ относительных прилагательных: *метельный I* (от *метла*) и *метельный II* (от *метель*); *душевой I* (от *душ*) и *душевой II* (от *душа*); *кремнистый I* (от *кремень*) и *кремнистый* (от *кремний*) (Тихонов, 1989: 52).

На наш взгляд, сюда следует отнести глагольные производные омонимы, производящими которых являются созвучные, но не омонимичные глаголы русского языка, например: *кусать* и *кушать*, *месить* и *мешать I-II*, *местить* и

метать I-II. В словообразовательных гнездах данных парадигм образуется множество омонимичных слов. Однако они не имеют отношения к отражению в силу отсутствия омонимичности исходных слов их гнезд.

В узбекском языке **непроизводные** глагольные омонимы образуются главным образом от основ глаголов. Известно, что инфинитив в узбекском языке выражается при помощи суффикса **-мок**, что соответствует русскому показателю инфинитива **-ть**. Однако, в словаре омонимов узбекского языка Ш. Рахматуллаева, который является единственным словарем омонимов общего характера, глаголы приведены в форме повелительного наклонения, например, *оз* вместо *озмок* (Рахматуллаев, 1984: 92).

Непроизводные омонимы узбекского языка, по классификации Ш. Рахматуллаева, делятся на два основных вида: 1) омонимия как результат совпадения плана выражения; 2) омонимия как результат расширения лексического значения. Совпадение плана выражения предусматривает возникновение трех разных видов омонимии: 1) омонимия между узбекскими лексемами; 2) омонимия между узбекскими и заимствованными лексемами; 3) омонимия между заимствованными лексемами.

Ш. Рахматуллаев делит производные омонимы узбекского языка на два вида:

1. Омонимы, состоящие из непроизводной и производной лексем.
2. Омонимы, состоящие из производных лексем.

Омонимы второй группы делятся на два подвида:

- 1) Омонимы, образованные от одной лексемы;
- 2) Омонимы, образованные от разных лексем.

Обе последние группы омонимов следовательно делятся на подгруппы по участию в их образовании одних и тех же

или разных аффиксов (Турсунов, 1992: 133).

На наш взгляд, одним из основных критериев определения границ омонимии и полисемии служат лексикографические описания словообразовательных гнезд. Взаимоотношения лексем узбекского языка в словообразовательных гнездах представлены в «Учебном словообразовательном словаре узбекского языка» Б. Менглиева (Менглиев, 2008).

Предлагаемая нами классификация, применяемая по отношению глагольным омонимам как русского, так и узбекского языков, предусматривает следующие виды непроизводных и производных омонимов.

1. Непроизводные омонимы, возглавляющие омонимические гнезда. Сюда можно включить омонимические парадигмы, возглавляющие разные или одно и то же словообразовательные гнезда:

а) Глаголы-омонимы, возглавляющие **разные** словообразовательные гнезда: *бела I* (укладывать в узбекскую колыбель) и *бела II* (запачкать, выпачкать в чем-то), *бит II* (кончаться, заканчиваться), *бит III* (уродиться) и *бит IV* (написать), *бўл I* (делить, разделять) и *бўл II* (быть).

б) Глаголы-омонимы, возглавляющие **одно и то же** словообразовательное гнездо. Главным критерием порождения таких омонимов является семантическая деривация: *бер I* (давать, предоставлять) и *бер II* (вспом. глаг. значения завершенности; продолжительности действия), *бич I* (кроить) и *бич II* (кастрировать, холостить).

2. Непроизводные омонимы, противопоставленные производным в составе разных гнезд. Непроизводные глаголы такого типа омонимизируются с производными омонимами, являющимися дериватами другого словообразовательного гнезда: *яра I* (*ёр* – разделить на два + *а* – суффикс суц.) – *яра II* (годиться); *тезла I* (от *тез* «ускорять») и *тезла II* (от *тезла* «ремонттировать»).

3. Межчастеречные производные омонимы.

В составе парадигм могут быть омонимы, имеющие разное частеречное происхождение, что главным образом приводит к появлению межчастеречных омонимов. Межчастеречные омонимы составляют большую часть парадигм словаря омонимов узбекского языка. Они образуются от существительного, глагола, прилагательного, наречия и других частей речи: *от I (лошадь), от II (имя, наименование) и от III (кидать); сол I (плот), сол II (класть во внутрь) и сол III (вспомогательный глагол), ел I (ветер(ок), ел II (водяной рак, нома) и ел III (мчаться); оч I (голодный), оч II (светло-) и оч III (открывать), уч I (кончик), уч II (числ. три) и уч III (летать) и т. д.*

Производные глаголы-омонимы в узбекском языке образуются как от основ глаголов, так и от основ именных частей речи. Производные глагольные омонимы в основном образуются путем присоединения к основе суффикса **-ла, -а**. Следует отметить универсальное для русского и узбекского языков явление отраженной омонимии, ибо в узбекском языке, как и в русском, производные глагольные омонимы отражают омонимичность своих производящих.

4. Отраженные словообразовательные омонимы в составе омонимических гнезд. К этой группе относятся производные глагольные омонимы, образованные на базе лексических омонимов, производящими которых являются **исходные слова разных** словообразовательных гнезд: *газла I (мерить) и газла II (газировать), бўша I (опораживаться) и бўша II (расслабнуть), дастала I (придывать ручку, рукоятку) и дастала II (собирать в пучки, в букет), кўкла I (прорасти) и кўкла II (намётывать, прошивать крупными стежками), сиркала I (гнида) и сиркала (мариновать), товла I (греть) и товла II (скрутить), чогла*

I (прикинуть) и чогла II (приподнять, улучшить).

5. Производные омонимы в пределах одного гнезда. К этой группе относятся производные омонимы, производящим для которых служит один и тот же глагол, являющийся исходным словом гнезда. Омонимия при таких парадигмах возникает благодаря омонимичности основ, аффиксов или одновременно – основ и аффиксов: *бетла I (осмелиться, сметь) и бетла II (пронумеровать страницы рукописи), бошла I (начинать), бошла II (спец., поставить новые союзники) и бошла III (вспом. глаг., приступить к действию, означаемому основным глаголом), дамла I (тушить) и дамла II (заваривать).*

6. Производные омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных слов. Сюда следует отнести омонимические парадигмы производных глаголов, образованных от созвучных, но не омонимичных слов. Об отсутствии омонимии производящих слов таких парадигм свидетельствует их разное членение: *ўт-а-моқ I (очищать от сорняков) и ўта-моқ II (исполнять), яраш-моқ I (мириться) и яра-ш-моқ II (быть к лицу), уюш-моқ I (объединяться) и ую-ш-моқ II (затекать, неметь).*

Заключение. Таким образом, явление омонимии в русском и узбекском языках имеет регулярный и системный характер. Особенно регулярны взаимоотношения и взаимодействия в образовании производных, в частности, отраженных омонимов. Важное место занимает при этом омонимия, возникающая благодаря омонимии основ и аффиксов. Если производность глагольных омонимов русского языка характеризуется активным участием префиксов и суффиксов, то в узбекском языке производные глагольные омонимы в основном образуются при помощи суффиксов **-ла, -а**. В отличие от русского, в узбекском языке образование производных

омонимов префиксальным способом является непродуктивным.

Список литературы

Атаева Р. Р. Структурное своеобразие русских поливершинных словообразовательных гнезд асимметричного типа // Вестник Челябинского университета, 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 23-31.

Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: Русский язык, 1974. 448 с.

Бережных Е. Ю. Словообразовательная омонимия в словах со значением цвета (на материале русского и испанского языков) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2009, № 6 (2). С. 192-195.

Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск: БГУ, 2007. 132 с.

Мирзаева Ш. Р., Усманова С. Ю. Омонимы русского языка в частеречном аспекте. Русский язык и литература в Узбекистане – 2016 // Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова. Ташкент: НУУз, 2016. С. 71-73.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

Пардаев А. С., Кодирова З. А. Словообразовательные гнезда как критерий разграничения непроеизводных омонимов в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы традиционного Республиканского семинара в рамках Узбекистанской научной школы русского словообразования. Ташкент: НУУз, 2016. С. 68-72.

Пардаев А. С., Курбанов Б. Ш. Типология омонимов и омонимические словообразовательные гнезда в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд: СамГУ, 2015. с. 64-68.

Рублева О. Л. Лексикология современного русского языка. Владивосток. ДВГУ, 2004. 255 с.

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. М.: Русский язык, 1985. Т. I. 856 с. Т. II. 886 с.

Тихонов А. Н., Пардаев А. С. Роль гнёзд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. Ташкент: Фан, 1989. 141 с.

Хасанов Э. Р. Факторы, определяющие развитие полисемии. Русский язык и литература в Узбекистане – 2016 // Материалы Республиканской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова. Ташкент: НУУз, 2016. С. 133-134.

Менглиев Б., Бахриддинова Б., Холиёров Ў., Зарипова М., Хушвактов М. Ўзбек тилининг сўз ясашиши ўқув лўғати. Тошкент: Янги аср авлоди, 2008. 174 б.

Турсунов У., Мухторов А., Рахматуллаев Ш. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Тошкент: Ўзбекистон, 1992. 399 б.

Рахматуллаев Ш. Ўзбек тили омонимларининг изоҳли лўғати. Тошкент: Ўқитувчи, 1984. 215 б.

References

Ataeva, R. R. (2019). Structural identity of Russian polypex families of words of asymmetric type, *Bulletin of the Chelyabinsk University, Philological sciences*, 117, DOI 10.24411 / 1994-2796-2019-10603 (in Russian).

Akhmanova, O.S. (1974). *Slovar' omonimov russkogo jazyka* [Dictionary of homonyms of the Russian language], Moscow, Russia: Russkij yazyk (in Russian).

Berezhnyh, E. Ju. (2009). Word-building homonymy in words with the meaning of color (based on the Russian and Spanish languages), *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named N.I. Lobachevsky*, 6 (2) (in Russian).

Golovnya, A. I. (2007). *Omonimiya kak sistemnaya kategoriya yazyka* [Homonymy as a systemic category of the language], Minsk,

Belorussia: Belorussia state university (in Russian).

Mirzaeva, Sh. R., Usmanova, S. Yu. (2016). Homonyms of the Russian language in the frequency aspect, *Russian language and literature in Uzbekistan – Materials of the Republican scientific-practical conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of M. A. Bulgakov*, 71-73. (in Russian)

Novikov, I. A. (1982). *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian language], Moscow, Russia: Vysshaya shkola,

Pardaev, A. S., Kodirova, Z. A. (2016). Families of words as a criterion for distinguishing non-derivative homonyms in the Russian language, *Actual problems of Russian word-formation. Materials of a traditional republican seminar in the framework of the Uzbek scientific school of Russian word formation*, 68-72 (in Russian)

Pardaev, A. S., Kurbanov, B. Sh. (2015). Typology of homonyms and homonymic families of words in the Russian language, *Current problems of Russian word-formation, Samarkand State University*, 64-68 (in Russian).

Rubleva O. L. (2004). *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of the modern Russian language], Vladivostok, Russia: DVGU (in Russian).

Tikhonov, A. N. (1985). *Slovoobrazovatel'ny slovar' russkogo jazyka* [Word formation dictionary of the Russian language], Moscow, Russia: Russky yazyk. (in Russian).

Tikhonov, A. N., Pardaev A. S. (1989). *Rol gnyozd odnokorenykh slov v sistemoj organizatsii russkoj leksiki. Otrazhennaya sinonimiya. Otrazhennaya omonimiya. Otrazhennaya antonimiya* [The role of nests of root words in the systemic organization of

Russian vocabulary. Reflected synonymy. Reflected homonymy. Reflected Anthony], Tashkent, Uzbekistan: Fan.

Khasanov, E. R. (2016). Factors determining the development of polysemy, *The Russian language and literature in Uzbekistan – 2016. Materials of the Republican scientific-practical conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of M. A. Bulgakov*, 133-134 (in Russian).

Mengliev, B., Banriddinova, B., Holijorov, O., Zaripova, M., Hushvaktov, M. (2008). *O'zbek tilining so'z yasalishi o'quv lug'ati* [Word-formation dictionary of the Uzbek language], Tashkent, Uzbekistan: publ. Yangi asr avlodi,

Tursunov, U., Muxtorov, A., Raxmatullaev, Sh. (1992). *Hozirgi o'zbek adabiy tili* [Modern Uzbek literary language], Tashkent: Uzbekistanpubl. Uzbekistan (in Uzbek).

Rakhmatullayev, Sh. (1984). *O'zbek tili omonimlarining izohli lug'ati* [Explanatory dictionary of homonyms of the Uzbek language], Tashkent, Uzbekistan: publ.Oqituvchi,(in Uzbek).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Курбанов Бахрам Шукриевич, аспирант, Узбекский государственный университет мировых языков – научный отдел,

Bakhram Sh. Kurbanov, Post-graduate Student, Uzbek State University of World Languages, Department of Science.

УДК 81'32

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Пинягин Ю. Н.

Трансляция национально-культурного пространства англичан

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614990, Россия.

E-mail: yu.pinyagin2011@yandex.ru

ORCID iD: 0000-0003-3251-5706

*Статья поступила 7 декабря 2019 г.; принята 21 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация

Актуальность темы исследования определяется необходимостью анализа национально-культурного пространства в контексте глобализации и тенденции к нивелированию национальной специфики культур. В условиях, когда значимость феноменов культуры подвергается сомнению, представляется особенно важным выделение своеобразных черт конкретного этнокультурного сообщества. Объектом исследования является феномен национально-культурного пространства, а предметом – особенности трансляции принадлежащих национально-культурному пространству компонентов с английского языка на русский. Цель исследования состоит в определении специфики трансляции английского национально-культурного пространства на русский язык. Задачей является попытка выделения основных компонентов национально-культурного пространства и, на основании переводческого анализа, определения особенностей его трансляции в целом. Выбор материала исследования обусловлен возникновением интереса к внутренним и внешним политическим процессам в Великобритании, которые привели к значительным переменам в общественном сознании и сконцентрировали внимание англичан на проблеме национальной идентичности, принадлежности индивида к определенной культуре. На материале выполненного нами перевода текста главы “Illiberal Democrats” из книги Дж. Баггини “Welcome to Everytown” (Baggini, 2008) мы раскрыли основополагающие свойства британской идентичности и охарактеризовали этнопсихологический тип жителей Великобритании. Используемые методы и методики исследования отражают современные подходы к пониманию перевода и опираются на понятие национально-культурного пространства с использованием когнитивно-дискурсивной методики перевода. Перевод рассматривается как многогранная деятельность переводящей личности по репрезентации типологических свойств исходного текста. Мы пришли к выводу, что в тексте оригинала всегда содержатся зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых у реципиента перевода возможно возникновение ассоциаций, не запланированных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией.

Ключевые слова: национально-культурное пространство; типологические свойства; когнитивно-дискурсивный подход.

Для цитирования: Пинягин Ю.Н. Трансляция национально-культурного пространства англичан // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 69-88. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Yuri N. Pinyagin | Linguistic representation of the British cultural background

Perm State National Research University
15 Bukirev Stю, Perm, 614990, Russia.
E-mail: yu.pinyagin2011@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-3251-5706

Received 7 December; accepted 21 December 2019; published 30 December 2019

Abstract

The article is devoted to the analysis of the problems which a translator comes across, trying to convey the national cultural notions when the globalization process is under way, and it can make many of them meaningless, if not at all existing. In such situation the translator is to attract the attention of potential readers to the notions of the cultural background which are to be conveyed to them. Such translation process presupposes the reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. The subject matter of the analysis is the phenomenon of the national cultural background and the ways of representing it to the Russian readers. For this reason, it is necessary to identify the elements of the British cultural background which are to be conveyed. The choice of the source language (SL) text for translation was motivated by the political processes in the British society which have caused many changes in its mentality and have concentrated the attention of the public on national identity.

For this reason, we have chosen the chapter “Illiberal Democrats” from the book by J. Baggini “Welcome to Everytown” (Baggini, 2008) and in the process of translation we have made an attempt to disclose the principle features of British identity. The methodology of the analysis is based on the notions of cultural background and cognitive approach to translation process. They presuppose translator’s reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. The cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the SL text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language (TL) text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allow us to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. We have come to the conclusion that any SL text always contains obvious and not obvious cultural assumptions, which may cause wrong understanding and associations of a potential TL reader, who, either cannot derive the right connotations of the original, or attributes to it the connotations which he thinks the text contains.

Keywords: cultural background; typological features; cognitive approach to translation process.

How to cite: Pinyagin, Yu. N. (2019). Linguistic representation of the British cultural background. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 69-88, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-7

Введение

Вследствие рассмотрения науки о переводе в аспекте деятельностной онтологии и понимания перевода как процесса, составляющего основу человеческого общения и взаимопонимания, переводоведение сегодня характеризуется большим разнообразием теоретических концепций и методов исследования. В результате возрастающего интереса к феномену перевода предлагаются разнообразные модели представления сущности переводческого процесса и подходы к решению различных переводческих проблем (Landers, 2001; Scollon, 2012; Hatim, 2006).

В рамках когнитивного подхода к переводу Т.А.Фесенко была разработана и описана структура интегративной модели концептуального перевода, которая включает весь спектр основных ментальных операций и специфику их кодировки на языковом уровне сознания. Концептуальная модель процесса перевода, детерминируемая наличием определенных констант перевода, обретает свое существование в результате кодировки ментальных операций с когнитивными структурами в границах вербальных систем определенных лингвокультурных сообществ (Фесенко, 2002б: 131).

Опираясь на ряд специфических особенностей процесса перевода, она констатирует существование следующих констант переводческого процесса: концептуальной, коммуникативной, социокультурной, лингвистической и текстовой. В рамках концептуальной константы автором дается определение концепта, который понимается как некий образ фрагмента или элемента реальной действительности, проецируемый “транслятором” после “когнитивной обработки” в языковой уровень сознания (Фесенко, 2002а: 66). Так как все концепты обладают национально-культурной маркированностью, концептуальная система

формируется знаниями человека и его социокультурной средой. В процессе концептуализации, суть которой заключается в осмыслении информации исходного текста, переводчиком определяется образ цели и интенция автора, анализируется коммуникативная среда высказывания. В ходе когнитивной переработки знания репрезентируются как ментальные пространства, взаимодействующие друг с другом. Новая информация, в свою очередь, каждый раз сопоставляется с уже имеющимися знаниями и систематизируется. Переводу подвергаются не вербальные формы, а стоящие за ними концепты. Таким образом, в рамках данной концепции, перевод репрезентируется целым рядом когнитивно-лингвальных проекций, обусловленных психосемиотическими характеристиками переводчика, и является лингвальной проекцией ментальных структур переводчика (Фесенко, 2002б: 132-138). Сходные идеи можно встретить и у других авторов, например: “far from being prescriptive, theories, which describe what we know in a general sense, can become part of what an individual translator knows, thus opening the way for greater awareness and also greater creativity in the act of translation” (Boase-Beier, 2006: 8).

Коммуникативная константа отражает динамический аспект перевода, поскольку в процессе коммуникативной деятельности раскрываются интерпретативные варианты перевода, которых может существовать довольно много. Данной константой обуславливается “согласованность содержания, укладываемого в оригинал его автором, и семантической информации, извлекаемой переводчиком, что обеспечивает воздействие текста перевода на те же когнитивные структуры реципиента, на которые оказывает влияние оригинал” (Фесенко, 2002: 142). Это, по мнению (Pöchhacker, 2009: 12), “shows how writers try to be polite, relevant and cooperative, the distinctions they make

between, what their readers may already know and what is likely to be new to them, what is presupposed and what is openly affirmed, how they refer to things and make their discourse coherent, how issues may be hedged or attempts made to produce the desirable effect”.

Лингвистическая константа перевода формируется языковыми и речевыми нормами и вербальными системами ИЯ и ПЯ. Текстовая константа отражает жанрово-стилистическую специфику текста, а также нормы и традиции построения текста в ИЯ и ПЯ (Фесенко, 2001: 61). Когнитивные структуры сознания индивида соотносятся с предметным содержанием текста, как отражением части реального мира, при этом реализуется семантический компонент текста. В рамках коммуникативного аспекта вербализуется предметное содержание текста, чем определяется прагматический его компонент. Ввиду своего дуалистического характера, текст “выступает средством и продуктом реализации коммуникативной задачи, которая формирует у автора ИТ и переводчика собственные прагматические установки” (Фесенко, 2001: 152).

Согласно социокультурной константе перевода, “первоочередная задача переводчика заключается в овладении ядерными элементами той культуры, носителем которой выступает автор ИТ, ибо содержание сознания каждого индивида напрямую зависит от объема присвоенной культуры и от объема освоенных вербальных описаний культурных предметов” (Фесенко, 2002а: 71]. Социокультурная константа актуализирует реалии культуры определенного социума, национальные особенности восприятия экстралингвистической реальности, концептуализации и номинации, что в значительной степени определяет этноноречевые аспекты коммуникации.

Теоретический обзор

Ввиду того, что концептуальная сфера любого индивида является культурно-детерминированной, можно заключить, что и перевод также может рассматриваться как явление культуры. Как отмечает Л.В. Кушнина, “в процессе перевода происходит взаимодействие и взаимное проникновение текстов и культур, поскольку каждый текст является, с одной стороны, результатом накопленного человеческого опыта, его порождения, с другой стороны, способствует порождению новых текстов, приводит к установлению новой культуры” (Кушнина, 2003: 11). Сходная позиция характерна для многих европейских исследователей проблем перевода: “the role of translation – in its many forms – is enabling and mediating global cultural exchange. As modes of communication and textual production continue to evolve, the field of translation studies has an increasingly important role in exploring the ways in which words, sounds and images are translated and reinterpreted in new socio-cultural contexts” (Wilson, Maher, 2012: 13).

Перенос внимания с лингвистики языка на лингвистику текста помог по-новому взглянуть на переводческие проблемы, обусловленные культурологической спецификой. В тексте оригинала особенности национальной культуры закреплены в виде культурно-маркированных единиц-реалий, но этим влияние данного фактора не ограничивается. “Успех перевода, как лингвокультурной трансляции, во многом зависит от понимания имплицитно выраженных в тексте смыслов, разделяемых всеми членами лингвокультурной общности и основанных на культурных ценностях” (Тимко, 2011: 152).

Таким образом, любой текст будет содержать вербализованные отсылки к определенным ценностям культуры, отражать события, произошедшие в ее контексте, идеи и убеждения членов

данного лингвокультурного сообщества. Н.В. Тимко отмечает, что если мир переводного текста не принадлежит известной читателю культуре, то возникает “культуральная дистанцированность” (Тимко, 2011: 154]. В тексте оригинала всегда будут содержаться зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых у реципиента возможно возникновение ассоциаций, не запланированных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией, вследствие отсутствия *аккультурации* *инофона* (Шустова, Розенкова, 2017: 103). В таких ситуациях переводчик будет выступать в качестве эксперта обеих культур, и его задача будет состоять в том, чтобы сделать текст перевода понятным читателю, но при этом необходимо сохранить культурную маркированность оригинала: “the author of translation text adapts linguistic approaches and methods in such a way that they may be usefully employed in the practice of literary translation. He develops a more cultural approach through text analysis and cross-cultural communication studies” (Snell-Hornby, 2006: 10).

Рассмотрение процесса перевода с учетом фактора культуры в когнитивном аспекте требует системного подхода. В рамках своей концепции Т.А. Фесенко предлагает рассматривать многоаспектные отношения культуры и человека в переводе через призму национально-культурного пространства.

Изучение национально-культурного пространства в аспекте когнитивной лингвистики и перевода началось относительно недавно. В концепции В.В. Красных национально-культурное пространство определяется как форма существования культуры в сознании человека. “Это информационно-эмоциональное поле, виртуальное, и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и

функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями другой культуры” (Красных, 1998: 100–101). Такое пространство подразумевает совокупность всех индивидуальных и коллективных когнитивных пространств, и представляет собой “определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которой обладают все личности, входящие в тот или иной социум” (Красных, 1998: 45).

Согласно концепции Т.А. Фесенко, можно говорить о существовании двух моделей репрезентации национально-культурного пространства: реальной и ментальной. В реальном пространстве наличествуют тела культурных знаков, определенная система ценностей, национально-культурных стереотипов, воззрений и норм – все, что в совокупности маркирует национально-культурную специфику конкретного лингвокультурного сообщества и составляет социокультурную основу национального характера и национального самосознания. К реальному культурному пространству относятся национальное сознание, особенности, менталитет, стереотипы, культурно-специфические явления. В ментальной форме культурного пространства, в свою очередь, существует отраженная в сознании индивида национальная культура. Ментальное культурное пространство “инкорпорирует все качественно редуцированные инварианты восприятия культурных предметов и сущностей, включенных в реальное культурное пространство” (Фесенко, 2002б: 166).

В то время как реальное культурное пространство представляет собой обусловленную национальной культурой целостную систему знаний, ментальное пространство, принадлежащее конкретному человеку, являющемуся частью данной культуры, никогда не будет равным по объему реальному пространству. Эту

идею поддерживает Э. Гроссман, которая отмечает, что “translation always helps us to know, to see from a different angle, to attribute new value to what once may have been unfamiliar. As nations and as individuals, we have a critical need for that kind of understanding and insight. The alternative is unthinkable” (Grossman, 2010: 12). Индивид распределяет элементы национально-культурного пространства в своей ментальной модели, основываясь на степени значимости феноменов конкретной культуры для него самого, и результатом концептуализации реального культурного пространства выступает его ментальная модель, структурированная в человеческом сознании с учетом иерархии системных отношений и отражаемых культурных феноменов. Информация в национально-культурном пространстве “кодируется” и хранится в форме когнитивных структур, которые образуют более сложные структуры знания – концепты. Наполняющие культурное пространство концепты трактуются Т.А. Фесенко как “некий образ фрагмента реальной действительности, проецируемый после когнитивной обработки, в языковой уровень сознания” (Фесенко, 2002б: 175).

Будучи культурно маркированными, концепты обладают широким ассоциативным потенциалом, по содержанию они значительно объемнее одноименных языковых единиц. Вербально концепты реализуются в языке в виде слов или словосочетаний. В трактовке Н.К. Рябцевой концепт, в отличие от значения слова, – это совокупность всех значений слова, целостный смысловой образ, ассоциируемый с данным словом (Рябцева, 1997: 44). Таким образом, для переводческого процесса в контексте данного национально-культурного пространства ключевую роль приобретает *интерпретация* концептов, так как важно не столько отличие вербальных знаков, сколько различие в концептуальных системах

автора ИТ и переводчика (Янссен-Фесенко, Вайгель, 2013: 66–67).

Несмотря на то, что выбор элементов из реального культурного пространства носит индивидуальный характер, нельзя утверждать, что ментальное пространство строится бессистемно. Д.Б. Гудков отмечает, что ментальная модель национально-культурного пространства обладает ядром, где содержатся общие для данного лингвокультурного сообщества элементы, и периферией. Центральные элементы национально-культурного пространства крайне редко подвергаются рефлексии, в связи с чем, представителю другого национально-культурного пространства может быть сложно понять и осмыслить ключевые элементы иной национальной культуры. В то же время, общие для всех культур, универсальные элементы, также могут быть включены в пространство, но не обязательно в центральную его часть (Гудков, 1999: 30), поэтому объективно существующее национально-культурное пространство в своих инвариантах будет каждый раз принадлежать конкретному индивиду.

Качественно, инварианты ментальной модели также будут отличаться друг от друга. Выбор элементов определяется, с одной стороны, национальной культурой, как таковой, а с другой, когнитивными структурами индивида. В качестве регулятора социального и речевого поведения, в таком случае, выступает когнитивная база, которая определяется В.В. Красных, как “определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета, все говорящие на том или ином языке” (Красных, 1998: 45). Т.А. Фесенко обращает внимание на то, что при вхождении в определенное

лингвокультурное сообщество индивид не только “присваивает” общую когнитивную базу данного социума, но и на ее основе формирует собственное когнитивное пространство, которое интерпретируется, как представляемая различными когнитивными структурами совокупность знаний, образов и представлений индивида, имеющая национальную детерминированность (Фесенко, 2002б: 176).

Отличия в национальных сознаниях людей проявляются в специфике представлений о том или ином явлении. Так, английский концепт “*fair*” и связанные с ним сочетания “*fair share*”, “*fair whack*”, “*fair play*” отражают представление англичан о справедливости, указывают на значимость этого понятия для данного этнокультурного сообщества, определяют представление о том, как именно нужно поступать и вести себя в различных ситуациях. Как считает К. Норд, выбор варианта перевода в таких случаях представляет “*a detailed study of the extratextual and intratextual factors and their interaction in the text*” (Nord, 2005: 10). Изначально существовавшая исключительно в английском культурном пространстве, подобного рода “поведенческая установка” была перенята представителями других лингвокультурных сообществ через спортивную терминологию: в мировом спорте возникло движение “Фейр-плей”, предложившее и поддерживающее свод моральных и этических законов для спортсменов, основанных на благородстве, честности и справедливости. Возник ряд комитетов с таким названием, отстаивающих эти идеи в спорте, был учрежден “Приз справедливой игры”. Тем не менее, это понятие, как представление о кодексе поведения человека, возникшее в Великобритании во времена В. Шекспира, продолжает оставаться одним из формообразующих для английской культуры и сегодня.

Выступая в качестве “эксперта” двух культур, переводчик обладает совмещенными ментальными пространствами. Через взаимодействие двух ментальных пространств, это интегральное пространство формируется в его ментальной реальности посредством взаимодействия когнитивных структур. Интегральное ментальное пространство переводчика также является уникальным и непосредственно влияет на качество выполнения перевода: “чем шире участки пересечения ментальных сфер автора ИТ, переводчика и реципиентов, тем обширнее актуализированные у переводчика и реципиентов “зоны понимания”, отвечающие за извлечение и реконструкцию заложенного автором ИТ смыслового содержания” (Фесенко, 2002а: 59).

Таким образом, автор оригинала, в процессе создания текста реализует свою концептосферу, которая была сформирована его социокультурной средой, тем самым репрезентирует свое национально-культурное пространство. Переводчик, в свою очередь, ставя своей целью осуществить перевод ИТ наиболее эффективным образом, должен актуализировать интенциональные смыслы концептуальной системы автора ИТ. В процессе интерпретации переводчик соотносит собственные когнитивно-денотативные структуры с понятийно-денотативной структурой ИТ и ищет соответствующий концепт, репрезентируемый единицей ПЯ. Выбор оптимального выражения концепта определяется, помимо языковой компетенции переводчика, степенью интегрированности ментального пространства переводчика в национально-культурное пространство автора.

Материалом исследования послужила глава “*Illiberal Democrats*” из книги Дж. Баггини “*Welcome to Everytown. A Journey into the English Mind*”, предпереводческий анализ которой позволил получить совокупность экстралингвистических сведений о переводимом тексте и его авторе.

Джулиан Баггини – британский философ, доктор философских наук, популяризатор науки, публицист и создатель журнала “The Philosophers’ Magazine”. Его колонки регулярно выходят в газетах “the Guardian” и “the Independent”. Помимо “Welcome to Everytown” он является автором целого ряда книг, среди которых: «Atheism: A Very Short Introduction» (2003), “The Ego Trick” (2012), “Philosophy: All that Matters” (2012), “Freedom Regained: The Possibility of Free Will” (2015) и “The Pig that Wants to be Eaten and 99 Other Thought Experiments”, единственная книга, переведенная на русский язык.

Впервые “Welcome to Everytown. A Journey into the English Mind” была издана в 2008 году и представляет сборник независимых, но связанных между собой общей линией повествования эссе, раскрывающих различные аспекты жизни англичан. Дж. Баггини раскрывает общую цель книги таким образом: “Эта книга – попытка понять основные ценности и убеждения англичан сегодня путём рассмотрения фактов и через проживание в типичном английском городе” (Baggini, 2008: 10). Автор предпринимает попытку составить портрет среднестатистического англичанина, выделить ключевые особенности и проблемы английского общества, рассмотреть жизнь англичан как бы “со стороны”.

В главе “Illiberal Democrats” раскрываются особенности взглядов и убеждений англичан в политическом аспекте. Текст представляет собой рассуждения автора, в ходе которых дается разнообразная аргументация, примеры и истории из жизни. Тексту свойственна личная семантика подлежащего, повествование от первого лица: “*I read many accounts of the English and British while researching this book, but I found that the most accurate portraits of the national psyche came from comedians*”. Помимо этого, в тексте можно выделить другие признаки,

характерные для художественного текста, так для выражения своей позиции автор использует эмоционально-окрашенные слова и выражения: *ignorant rants, nasty Muslim cleric*, разговорную лексику: *riff-raff, bang ’em up, being a mug*.

Для текста характерно использование метафор, тропов и идиоматических выражений:

“...*differences which make imposing a one-size-fits-all value system on both impossible*”. (метафора)

“...*they were too concerned with making sure he could parrot their diversity agenda back to them and not enough on whether he’d do a good job*”. (метафора)

“*It’s not so much a case of whether you see the glass as half full or half empty*”. (устойчивое выражение)

“*But charity begins at home*” (устойчивое выражение)

Однако помимо черт художественного стиля, в тексте присутствует ряд признаков, характерных для научного текста, таких как логичность изложения, смысловая точность и связность, что свидетельствует об интертекстуальности повествования. Автор постоянно делает отсылки к различным явлениям культуры, подтверждает свои мысли фактами и статистикой:

“*A BBC poll showed that 39% disapprove of homosexuals in high office, and only 48% approve*”.

Кроме этого, в тексте используется ряд социологических и политологических терминов: *communitarian, PA system, marginalization, post-Enlightenment, ISA, the CPS*. Среди понятий, используемых автором, выделяются такие, которым он сам придает особый смысл, например, понятие “англичане” – он не разделяет британцев и англичан, о чем не раз говорится в книге: “Most facts I would discover would not be drawn from the nation as a whole, and not just England. Why then it is not a journey into the British Mind? Any

differences in Wales, Scotland and Northern Ireland are diluted or lost” и “Remember that since the English make up nearly 85% of the British, such surveys are largely about England”. В качестве критерия различия автор выделяет, отличные от общепринятых, принципы дифференциации. Так, в интервью газете “the Guardian” – “We’re all English now” использование термина обосновывается следующим образом: “Tellingly, black and Asian respondents overwhelmingly preferred to think of themselves as British than English. The very vagueness of Britishness is its greatest attraction, as its bagginess makes it an easier label to wear than Englishness. But what does it mean to be English?” (Manzoor, 2007: 27).

Таким образом, выделяя концепт “англичане”, автор определяет объектом своего исследования тех, с кем идентифицирует себя, “коренных” англичан, т.е. репрезентативное большинство современного общества. Концепт “британцы” для него ассоциируется по большей части с гражданством, в то время как концепт “англичане” связывается с национальной идентичностью, всем особенным и культурно специфичным.

Принимая во внимание стилевые черты и языковые средства, используемых автором, мы склонны относить этот текст к жанру эссе, так как это очерк, трактующий литературные, философские, социальные и другие проблемы в свободной форме. Это жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным стилем изложения. Жанр эссе часто определяют через его пограничное положение между научной статьёй и литературным очерком, что объясняет наличие в тексте черт художественного и научного стилей.

Исходя из полученной экстралингвистической информации о тексте, можно

заключить, что национально-культурное пространство англичан будет репрезентироваться в тексте, как через их реальный ценностный мир, так и через авторский ментальный инвариант реального культурного пространства.

Выявление переводческих трудностей, возникающих в процессе перевода ИТ, способствует раскрытию значимости элементов национально-культурного пространства, так как при трансляции образов сознания одной культуры в образы сознания индивида, принадлежащего другой культуре, раскрывается ряд концептов, специфических для исходного культурного пространства. В таком случае возникновение “зон непонимания” становится неизбежным, а их устранение – одной из основных задач переводчика.

Для того, чтобы выразить смысл высказывания на ПЯ наиболее полным образом, переводчик может использовать ряд приемов в рамках выбранной им стратегии. Так, например, Л. Венути предлагают две базовые стратегии перевода текста в отношении культурных элементов: *доместикация* – адаптация ИТ к нормам принимающей культуры и *форенизация* – сохранение максимально возможного количества информации при усложнении восприятия текста читателями другой культуры (Venuti, 1995: 20). На наш взгляд, придерживаться только одной точки зрения, и максимально или минимально дистанцировать текст перевода, будет являться неэффективной стратегией, поэтому особенности трансляции элементов культурного пространства будут определяться в зависимости от степени соотнесенности концептов в двух национальных культурах.

Научные результаты и дискуссия

Основываясь на смысловом содержании лексических единиц, представляется возможным охарактеризовать *этнопсихологический тип англичан*, представить ряд базовых и периферийных

специфических черт, составляющих их национально-культурное пространство.

Так, среди отмеченных нами концептов, ключевую роль играет концептуальная структура “*fair*”, так как в тексте главы было отмечено всего 22 случая использования данного прилагательного, включая однокоренные слова и словосочетания:

“British people’s sense of fairness and fair play”.

“Британское чувство справедливости и честной игры”.

Смысловое содержание прилагательного “*fair*” в русском языке выражают лексемы “порядочный”, “честный”, “справедливый”, “чистый”, “ясный”. Семантика концепта “*fair play*”, в свою очередь, может рассматриваться как языковое клише, штамп сознания англичан, который репрезентирует их отношение к социальной справедливости и порядочности человека. В русском когнитивном пространстве существует клише “играть по правилам”, которое, тем не менее, не входит в английскую концептуальную структуру, в которой “играть честно” и “играть по правилам” – разные понятия. В связи с этим, вариант перевода “*честная игра*” обусловлен существованием аналогичной концептуальной структуры – “играть честно”, которая будет репрезентировать заданный автором оригинала смысл, хотя и не в полной мере. В то же время, в когнитивном пространстве англичан существует целый ряд связанных с этим концептом понятий:

“I’ve paid more than my fair share of tax in my time. More than my fair share”.

“В свое время я заплатил достаточно налогов и профсоюзных взносов. Больше, чем нужно”.

“*Fair share*” – это экономический термин для компенсации услуг профсоюза, его возникновение связано с историей Великобритании и особенностями развития взаимоотношений работодателей и тред-юнионов на территории страны.

Это взнос в профсоюзный фонд работников, которые не являются членами профсоюза, но используют преференции, которых добилась для работников профсоюзная организация, что считается “*несправедливым*”, в связи с чем, и была введена такая обязательная форма оплаты. Появление подобного рода терминов демонстрирует развитие данного понятия в лингвокультурном пространстве англичан, его активное положение и важную роль.

Другим концептом, отражающим важность честности и справедливости в британской лингвокультуре, является понятие “*cheating*”:

“By the time the consensus had settled against not cheating, it was too late to take part honestly anyway”.

“Но когда мы, наконец, договорились не жульничать, играть честно было в любом случае уже поздно”.

В зависимости от контекста концептуальная структура “*cheating*” может иметь следующие ситуативные смыслы: “обманывать”, “жульничать”, “списывать”, “изменять”, поэтому инвариант перевода данного понятия будет изменяться и зависеть от соответствия “широкого” концепта “*cheating*” описываемой ситуации:

“I felt as if I was back at school cheating in a maths test”.

“У меня было чувство, будто я списываю в школе на контрольной по математике”.

С идеей соблюдения правил и норм для достижения справедливости соотносится еще один концепт, встретившийся в тексте:

“It sounds fair from the point of view of the fare dodger, but it would clearly not be an equitable system if we all unilaterally adopted the policy of simply paying what we thought we could afford”.

“С точки зрения безбилетника звучит вполне справедливо, но система точно не станет честнее, если мы все в одностороннем порядке стали бы

платить столько, сколько считаем нужным”.

Концепт “*fare dodger*” означает “a person who tries to travel on public transport without paying the fare”, что в русском переводе может вербализироваться как “заяц” или “безбилетник”. Тем не менее, в английском языке данный концепт является стилистически нейтральным, в связи с чем, русская смысловая репрезентация “заяц” не будет соотноситься с данным понятием.

Как можно заметить, смысловое содержание данных концептов обусловлено использованием характерных только для англичан особенностей языкового и понятийного мышления, усвоения ими специфической системы ценностей и языковых средств их словесного выражения. Исходя из этого, можно заключить, что понятия *справедливости и честной игры* занимают наиболее значимые позиции в английском национально-культурном пространстве так как это ключевые понятия, с помощью которых можно объективно охарактеризовать этнопсихологический тип англичан.

Отношение к правам и свободам человека также можно выявить через формообразующие для английского сознания понятия:

“*This may be the home of liberty, ‘mother of the free’, but what freedom means to the English is not what the disparagingly called ‘civil liberties brigade’ think it is*”.

“Она может сколько угодно быть родиной свободы, “матерью свободных”, но то, что **свобода** означает для англичан – это совсем не то, что о ней думает так называемый “отряд по защите прав человека””.

Два концепта оригинала имеют разные ассоциативные поля. В то время, когда в английскую лингво-когнитивную модель концепт “*liberty*” входит как “законное право людей делать то, что они хотят, без вмешательства государства”, “*freedom*” означает “право и возможность

человека делать что угодно, без ограничений”, то есть не имеет отношения к законности и правам человека. Словосочетание “*mother of the free*” является цитатой из английской песни, некогда претендовавшей на роль национального гимна – “*Land of Hope and Glory*”. В русском переводе оба концепта можно представить вербальным вариантом “свобода”, который будет включать в себя компоненты “законной” и “личной свободы”.

Российская система налогообложения борется со скрытыми доходами, но не все граждане страны охотно платят налоги. Прогрессивная система британского налогообложения напрямую связана с регулярным декларированием, и это понятие входит в когнитивную базу каждого жителя Великобритании, поэтому неуплата налога воспринимается там как преступление, и англоязычное клише “*cash in hand*” концептуализирует образ скрытого дохода, с которого не уплачиваются налоги.

Для того, чтобы сохранить смысл типологического образного понятия автора ИТ, был выбран русский вариант – “зарплата в конверте”, который во многом соответствует существующему в английском сознании концепту:

“*Pete, for example, had taken early retirement and said, I wouldn’t even consider taking a job now unless it were cash in hand*”.

“К примеру, Пит рано вышел на пенсию, заявив: “Я даже не подумаю выйти на работу, если там не будут платить зарплату в конверте””.

Специфика взаимодействия человека и права в каждой стране, степень вовлеченности в него жителей страны также определяет особенности мировосприятия его представителей:

“*He’s clearly mocking the (true) line taken that the suicide bombers are a tiny minority of criminals who do not represent the Muslim community, implying is that this is PC*”

nonsense, and the majority of Muslims are no more peace-loving than the majority of Nazis”.

“Он явно насмехается над (весьма правдивой) фразой, что террористы-смертники являются незначительным меньшинством среди мусульман, намекая, что это все **политкорректный вздор**, и большинство мусульман не более миролюбивы, чем большинство нацистов”.

“РС” – это социологический термин, сокращение для “politically correct”, означающее политкорректность. Политическая корректность и толерантность англичан формируют своего рода социальный стереотип, идентифицируемый сознанием представителей других культур. Это понятие, наряду с термином “*толерантность*”, является одним из наиболее значимых в культуре англичан, но оно не всегда понимается адекватно представителями других политических культур, которые определяются иными константами. Британское понятие о правах и свободах, взаимодействии человека и государства во многом обуславливает специфику их национально-культурного пространства.

Очевидно, что национально-культурное пространство идентифицируется через специфические национальные черты, поэтому *внутреннее противопоставление* себя и других, “своих” и “чужих” можно также выделить как одну из ключевых черт, свойственных английской культуре:

“That means the ‘we’ which is the English mainstream has no problem with illiberal measures that infringe the liberties of ‘them’ for our sake”.

“Это значит, что **“мы”**, большинства англичан, никак не противоречит нелиберальным понятиям, которые дают возможность посягать на **“их”** права ради наших интересов”.

Члены английского лингвокультурного сообщества идентифицируют себя как

общность, противопоставляя себя как отдельной личности, так и всем другим:

“The conservative communitarianism of the English, reflected in the Mail and the Sun, is not the naked self-interest of ‘me, me, me’, but it is the parochial wider self-interest of ‘we, we, we’”.

“Консервативный коммунитаризм англичан, отражаемый в газетах the Mail и the Sun, является не проявлением эгоистичного **“я,я, я”**, а защитой местных интересов группы людей **“мы, мы, мы”**.”

Трансляция национально-культурного пространства через такие антиномии также является одной из важнейших задач переводчика. Помня о цельности воспринимаемого текста, переводчику необходимо их выделить, и проследить их развитие так, чтобы реципиент тоже был способен идентифицировать конкретный культурный маркер. Это то, что П. Ньюмарк назвал термином “naturalness» и утверждал, что: “naturalness is not something you want to acquire by instinct. You work towards it by small progressive stages, working from the most common to the less common features, like anything else rationally, even if you never quite attain it” (Newmark, 2008: 28).

Имена собственные, названия и бренды являются важной частью любого национально-культурного пространства. Функционируя в нем не статично, они постоянно обрастают новыми смыслами, и концепты, связанные с именами собственными, часто вызывают ряд ассоциаций в национальной лингвокогнитивной модели.

В тексте оригинала встретилось достаточно большое число антропонимов и топонимов, большинство из которых не требовали особого подхода к их передаче, хотя они обладали культурной детерминированностью. Однако некоторые из них несли смысловое содержание, образы которого переводчику необходимо было актуализировать и транслировать в сознании принимающей культуры. Более

того, через такие лингвистические единицы национально-культурное пространство ИТ часто манифестируется иносказательно:

"When the quizmaster came round – an affable bloke who never failed to greet me with his best Dick Van Dyke cockney voice – we told him that Andy's visiting friend was a trivia genius and so we were bound to win".

"Когда к нам подошел ведущий – приветливый парень, который никогда не забывал поздороваться со мной на кокни, самом характерном лондонском просторечии, что мог изобразить, мы сказали ему, что друг Энди был гением, и мы были просто обречены на победу.

"Кокни" – это самый известный тип лондонского просторечия, который является концептом в английском самосознании, и прочно связан с пренебрежительным отношением, насмешкой над недостаточно образованными слоями населения. Актер Дик Ван Дайк известен британцам по гипертрофированному кокни, на котором он говорил в фильме "Мэри Поппинс" в 1964 году. При буквальном варианте перевода содержание, вкладываемое автором, не будет согласовываться с извлекаемой реципиентом информацией и с содержанием текста в дальнейшем:

"I broke the bad news to him and said, 'Remember this next time you take the piss out of Londoners', to which he replied, 'You're a tosser for telling me!' (I'm not a Londoner anyway, but it's all the same south of Nottingham, isn't it?)"

"Наконец, я удивил его плохой новостью и заявил: "Помните об этом, когда в следующий раз будете потешаться над лондонцами!", на что он ответил "Ты, придурок, говоришь мне!" (я, впрочем, не из Лондона, но это все же к югу от Ноттингема, не так ли?)"

Информация о том, в каком регионе Великобритании человек родился, во многом определяет его поведение, убеждения и предпочтения, даже то, как он

говорит. Такая идентификация в рамках национального сознания позволяет выделять "своих" и "чужих" в контексте британской культуры. Поэтому во внутреннем культурном пространстве англичан также имеет место определенное противостояние не только "южан" и "северян", но и представителей других регионов. Таким образом, для переводчика становится крайне важным акцентировать специфику существующих в культурном пространстве англичан отношений, связанных с географическим положением.

Фонетические и грамматические особенности речи британцев ассоциируются с регионом, где родился говорящий, и характеризуют его личность в глазах других британцев самым непосредственным образом. При использовании диалектных слов и выражений автором у читателя актуализируются определенные стереотипы, представления о жителях различных частей страны. Передача всего комплекса этих представлений средствами другого языка является практически невыполнимой задачей для переводчика, но к ее решению надо стремиться:

"It's their mistake", said Pete, 'we've done nowt wrong. Nowt!'"

"Это же их ошибка, мы ниче плохого не сделали", -- сказал Пит. "Ниче плохого!"

Характерное для йоркширского диалекта сокращение слова "nothing" до "nowt" не только определяет говорящего, как родившегося в данном регионе, но и характеризует его образование и положение в обществе.

Социальная дифференциация и британская классовая система определяют и другие понятия, присущие когнитивному пространству жителей этой страны. Популярная культура, с одной стороны определяет многие элементы национально-культурного пространства, а с другой, является своеобразным идентификатором, "культурным маркером" того или иного

явления. Будучи ключевыми, “образующими” понятиями для национально-культурного пространства многие концепты не поддаются переводу и требуют определенной переводческой стратегии, например:

*“The rights and liberties held so dear by **mainstream** England are not abstract rights and liberties that apply to all”.*

*“Права и свободы, которые так дороги **большинству** англичан – это не абстрактные понятия, которые относятся ко всем”.*

*“The politics of the Sun-and-Mail-reading **mainstream** only appears to be totally incoherent if you assume a traditional liberal framework of universal rights and values which applies to everyone”.*

*“Позиция таких **популярных** газет как the Sun и the Mail только представляется абсолютно непоследовательной, если исходить из традиционных либеральных норм, всеобщих прав человека и универсальных человеческих ценностей”.*

Идеографическое поле лексемы “*mainstream*” включает такие компоненты как “*main believes*”, “*popular culture*”, “*accepted by most people*”, “*main tendency*”. В связи с тем, что в российском пространстве нами не было обнаружено соответствующего концепта, переводной вариант представляет собой “проекцию”, семантически не тождественную оригинальному понятию, но связанную с соответствующим образом культуры.

Многие явления *популярной культуры*, не могут иметь аналогов в иноязычном национально-культурном пространстве, и это означает, что они практически не могут быть представлены в полном объеме и с теми ассоциациями, которые так важны для читателей оригинала:

*“Towards the second half of my stay I appeared **on Richard and Judy**. Until then, I had only popped up in the likes of the Guardian or on Radio 4, so my somewhat slender ‘national media profile’ went*

*unnoticed. When you’re in a demographically typical area, it’s not being on Radio 4 with Melvyn Bragg which gets you noticed, it’s chatting on the couch **with Madeley and Finnigan**”.*

*“Ближе ко второй половине моего пребывания здесь я появился **на шоу Ричарда и Джуди**. До этого я только раз появлялся в газете the Guardian и на Радио 4 (“Radio 4”), так что мое скромное портфолио в средствах массовой информации оставалось незамеченным. В демографически типичной среде тебя делает заметным не появление на передаче Радио 4 с Мелвином Брэггом, а дружеская беседа на диване с **Ричардом Мэдли и Джуди Финниган** в телевизионном шоу”.*

Ричард и Джуди – известная в Великобритании пара ведущих телевизионного шоу с 1988 года. В английском национально-культурном пространстве их имена известны в такой степени, что не требуют дополнительных пояснений, поэтому переводчику, знакомому с когнитивной базой данного лингвокультурного сообщества, необходимо сделать эту культуру понятной для читателей перевода. Сходные мысли мы находим у Д. Робинсона: “The more “culturally literate” we become, the more and the less at-home we feel in foreign cultures. More, because we accept our difference, our alienness, our lack of belonging, and learn to live with it, even to cherish it, to love the extra freedom it gives us to break the rules and be a little more idiosyncratic than the natives. Less, because that freedom is alienation; that idiosyncrasy means not belonging” (Robinson, 2012: 194).

Одна из особенностей текста оригинала состоит в использовании автором довольно резких разговорных выражений, которые, с одной стороны, не свойственны произведениям данного стиля и жанра, а с другой, являются своеобразным авторским приемом для

достижения эмоциональной выразительности.

*“Many people do cheat the system as a matter of routine, so if you stick entirely to the rules all the time, you’re **being a mug**”.*

“Многие люди обходят систему постоянно, так что если вы все время безоговорочно следуете правилам, то вы просто **глупец**”.

“*To be a mug*” – выражение британского сленга, означающее глупого и неблагодарного человека. Его возникновение связано с устойчивым словосочетанием для обозначения бессмысленного, заведомо безрезультатного действия, например, “*a mug’s game*”. В идеографическое поле этого выражения входят такие компоненты как “*vain*”, “*aimless*”, “*adrift*”, “*nugatory*”, “*futile*”, негативная оценочная характеристика которых закреплена в прагматическом сознании английского социума. Таким образом, словарный эквивалент понятия “*mug*” – “простофиля” будет вызывать иные ассоциации у читателя перевода, так как предусматривает такие смысловые признаки как “доверчивость”, “глупость”, “рассеянность”, которые не определяют сугубо отрицательный контекст этого понятия в российских этнокультурных установках. Вариант перевода “глупец” с одной стороны позволяет сохранить стилистическую жесткость высказывания, а с другой в нем выражается негативное отношение автора к описываемому явлению.

При сравнении различных языков и культур в процессе перевода обнаружение переводчиком культурно-специфических сущностей и явлений становится неизбежным. Тем не менее, как отмечает А.Г. Минченков, это не означает, что “эквивалент” существующего понятия отсутствует, так как в контексте комбинация лексических единиц актуализирует смысл, который часто может совпадать с необходимым объемом значения (Минченков, 2016: 49).

*“There was a clear example of this at the **pub quiz** one night. The Travellers’ **quiz** was a somewhat half-hearted affair. In most **pub quizzes**, there would be a **quizmaster** reading out the questions over a PA system, while the teams filled in their answers”.*

“Отличным примером этому является **викторина**, проходившая в пабе *The Travellers* в один из вечеров. **Викторина** шла достаточно вяло. Как и в большинстве таких **конкурсов**, **ведущий** читал в микрофон вопросы, в то время как команды писали свои ответы”.

“*Pub quiz*” – это часть мероприятия, называемого “*quiz nights*” или “*trivia nights*”, которое регулярно проводят в пабах Великобритании. Изначально возникшее для того, чтобы привлечь к посещению пабов людей различных социальных слоев, в том числе тех, кто обычно не ходит в подобные заведения, это мероприятие стало традицией и важной частью жизни простых англичан. Чаще всего в ходе вечера ведущий “*quizmaster*” задает серию вопросов, на которые предстоит ответить командам, располагающимся за столиками. В зависимости от контекста термин “*quiz*” может иметь несколько потенциальных значений. Концепт “*quiz*” обладает различными ситуативными осмыслениями: “экзамен”, “тест”, “опрос”, “конкурс” или “викторина”, концепт, который существует в русском этнокультурном сознании, в связи с чем, с его помощью можно выразить смысл этого высказывания.

Важные события любой культуры всегда остаются в сознании ее носителей и накладывают отпечаток на их “картину мира”. Даже в случае, если события вызывают международный отклик, знания о них и их лингвистическое оформление далеко не всегда могут тождественно идентифицироваться в когнитивных пространствах представителей различных лингвокультурных сообществ:

“After 7/7, for instance, the Sun’s letters page was full of letters from the likes of

Mr Evans of Swansea, who wrote that 'political correctness must now be rescinded'.

“К примеру, после взрывов в Лондоне 7 июля 2005 года страница с корреспонденцией в газете “Сан” (*the Sun*) была полна писем от таких, как мистер Эванс из графства Суонси, который написал, что “политкорректность” сейчас должна быть аннулирована”.

Трагические события закрепляются в исторической памяти народа и вызывают целый ряд ассоциаций, существующих в национальном сознании. События в Лондоне 7 июля 2005 года концептуализировались в сознании англичан как 7/7, и задача переводчика состоит в актуализации смысла этих событий, их трагичности и эмоциональных коннотаций для иноязычного читателя.

Значимые для лингвокультурного сообщества виды деятельности раскрывают их ценностную систему и определяют значимость этих феноменов в жизни людей. Так, *благотворительность* всегда являлась одним из важнейших понятий, с ней связан целый ряд событий и мероприятий, поскольку социальная ответственность и добровольная помощь играют важную роль в жизни англичан:

“As Reg put it, talking about the Live 8 concerts to ‘make poverty history’, ‘Don’t get me wrong,’ he said severely, ‘I hate to see anyone starving’.

“Как говорил Рег о серии благотворительных концертов Live 8 в странах большой восьмерки: “Не поймите меня неправильно, мне ненавистно видеть, как кто-либо голодает”.

Понятие благотворительности закреплено в английском этическом сознании лингвокогнитивной моделью и отражается в афористике языка, например:

“But charity begins at home”.

“Кто думает о родных, не забудет и чужих”.

Переводу и деривации метафор посвящено много работ, и некоторые современные исследователи трактуют метафору как одну из форм вербальной репрезентации концептов (Мишланова, Пермякова, 2004). Ввиду того, что метафоризация является мыслительным процессом индивида, формирование метафор обусловлено спецификой когнитивных структур и имеет национальную детерминированность:

“The second answer reiterated the myths of the bulldog: ‘Britain’s defiance of Nazi Germany in 1940”.

“Второй ответ подтвердил так называемый миф об английском бульдоге: “вызов нацистской Германии в 1940”.

Представление о Британии как об английском бульдоге возникло благодаря известной цитате из речи Уинстона Черчилля в 1940 году, где он сравнил национальный характер британцев с особенностями поведения собаки породы “английский бульдог”. Ассоциируя английский боевой дух с силой и боевыми качествами собаки этой породы, У. Черчилль создал метафору, которая из авторской переросла в общенародную, понятную всем членам данного лингвокультурного сообщества. Задача переводящей личности состоит в идентификации и интерпретации такой метафоры для понимания инокультурными реципиентами. Авторская метафора может быть способом оценки, концептуализации и объяснения мира:

“There may be values which are shared between someone raised in an American Amish community and someone else brought up in Catholic Ireland, but there will also be important differences, which make imposing a one-size-fits-all value system on both impossible”.

“Конечно, есть ценности, которые будут общими в общине амишей в США и в католической Ирландии, но всегда будут иметь место различия, которые делают

навязанную систему универсальных ценностей для всех невозможной”.

“One-size-fits-all” – определение, изначально возникшее в рекламе одежды универсального размера, подходящей всем. В англоязычном культурном пространстве этот концепт имеет ассоциацию “универсальный, но на самом деле не подходящий никому”, однако в русскоязычном пространстве такой смысл не закреплен в культуре и не будет идентифицирован реципиентами. В контексте религиозных ценностей эта метафора является тропом, акцентирующим противоречие духовного, внутреннего и потребительского, массового в культуре. Таким образом, в процессе осмысления представляется возможным, утратив авторскую метафору, сохранить интенциональный смысл оригинала, отразив эмоциональную коннотацию через набор других лексем.

Заключение

Анализ трансляции национально-культурного пространства, которое трактуется как форма существования культуры в социуме и сознании человека, выявил особенности перевода элементов текста, включающих репрезентацию пространства английского социума, интерпретация которых осложнена особенностями языкового и понятийного мышления представителей разных культур. Текст оригинала содержит вербализованные отсылки к определенным ценностям культуры, отражает события, произошедшие в ее контексте, идеи и убеждения членов англоязычного лингвокультурного сообщества. Если мир языка и текста перевода не имеет параллелей и пересечений с культурой оригинала, то возникает определенная “культуральная дистанцированность” (Тимко, 2011: 151).

В тексте оригинала, как мы убедились, всегда содержатся зримые и незримые мировоззренческие установки, из-за которых возможно возникновение у реципиента ассоциаций, не запланирован-

ных автором, и, наоборот, у читателя перевода может не появиться коннотаций, заложенных авторской интенцией. В таком случае переводчик выступает в качестве эксперта относительно обеих культур, и его задача заключается в том, чтобы сделать текст понятным читателю, но при этом сохранить его культурную маркированность. Понимание и воспроизведение “картины мира” оригинала на языке перевода происходит в первую очередь за счет конструирования переводчиком *смысла* текста оригинала в ходе создания перевода. Выбор варианта перевода обуславливается не функциональной ролью лексики текста оригинала, а прагматическими установками переводчика, его лингвистической и культурной компетенцией.

При переводе концептов, за которыми стоят уникальные явления культуры, на первый план выходит их понимание потенциальным реципиентом текста перевода. В таких случаях переводчиком анализируется идеографическая сфера концепта и выбирается вариант перевода на основании выделенных ассоциативных полей рассматриваемого понятия и стиливых особенностей текста, а трансляция концептов, обладающих комплексом значений, осуществляется через определение ключевого семантического компонента и ситуативное осмысление.

Список литературы

- Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского университета, 1999. 149 с.
- Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Кушнина Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт - синергетический подход. Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. 252 с.
- Ленк Х. Этика спорта как культура честной игры / пер. с нем. М.Сокольская // Неприкосновенный запас. 2004. Вып 3(35) URL:

<http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html>
(дата обращения 03.05.2018)

Минченков А.Г., Минченков А.Г. (мл.) К
понятию реалии в современной теории
перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы
языкознания и педагогики. Пермь, 2016.
Вып. 2. С.46-59.

Мишланова С.Л., Пермякова Т.М.
Современная концептосфера: направления и
перспективы, 2004 URL:
www.psu.ru/psu2/files/0451/19_Mishlanova.doc
(дата обращения 05.05.2018).

Рябцева Н. К. Теория и практика
перевода: когнитивный аспект // Перевод и
коммуникация. ИЯ РАН. М., 1997. Вып. №8.
С.42-63.

Тимко Н.В. Способы осуществления
лингвокультурной трансляции в процессе
перевода художественного текста // Ученые
записки. Электронный научный журнал
Курского государственного университета.
Курск, 2011. Вып. 17. С. 151-157 URL:
<https://elibrary.ru/item.asp?id=15606044&> (дата
обращения 27.04.2018)

Фесенко Т. А. Лингвоментальная модель
процесса перевода // Язык, сознание,
коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып.
20. 140 с.

Фесенко Т.А. Перевод в зеркале
когнитивной науки // С любовью к языку.
Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002а. 492 с.

Фесенко Т. А. Специфика национального
культурного пространства в зеркале перевода.
Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002б.
228

Шустова С.В., Розенкова Х.Е. Лингво-
культурный код: определение, проблема
классификации, роль в межкультурной
коммуникации // Евразийский гуманитарный
журнал. 2017. № 2. С. 101–104.

Янсен-Фесенко Т.А., Вайгель А.Л.
Перевод в структуре ментального простран-
ства: концептуальный подход // Язык и
культура. Томск, 2013. Вып. 4 (24). С.66-76.

Baggini, J. (2008), Books About Me.
[Online], available at: URL:
<http://www.microphilosophy.net/books/> (Accessed
14 May 2018).

Baggini, J. (2008), Welcome to Everytown:
A Journey into the English Mind, London, Granta
Books, UK.

Boase-Beier, J. (2006), Stylistic
Approaches to Translation, in Hermans, T. (ed.)
St. Jerome Publishing.

Grossman, E. (2010), Why Translation
Matters, Yale University Press, 2010.

Hatim, B. (2006), Communication Across
Cultures. Translation Theory and Contrastive Text
Linguistics, University of Exeter Press, UK.

Katan, D. (2004), Translating Cultures. An
Introduction for Translators, Interpreters and
Mediators, Manchester: St. Jerome Publishing,
UK.

Landers, C. E. (2001), Literary Translation.
A Practical Guide, Multilingual Matters LTD.

Manzoor, S. (2007), We're all English now
[Online], available at: URL:
<https://www.theguardian.com/books/2007/mar/10/society> (Accessed 10 May 2018).

Newmark, P. (2008), A Textbook of
Translation, Harlow: Pearson Education Limited,
UK.

Nord, Ch. (2005), Text Analysis in
Translation: Theory, Methodology and Didactic
Application of a Model for Translation-Oriented
Text Analysis, 2nd ed, Rodopi.

Pöchhacker, F. (2009), Introducing
Interpreting Studies, Routledge.

Robinson, D. (2012), Becoming a
Translator. Routledge.

Scollon, R., Scollon, S. W. and Rodney,
H. J. (2012), Intercultural Communication: A
Discourse Approach, 3rd ed., Wiley-Blackwell,
UK.

Snell-Hornby, M. (2006), Translation
Studies: An Integrated Approach, revised edition,
John Benjamins Publishing Company.

Venuti, L. (1995), The Translator's
Invisibility: A History of Translation. London &
New York: Routledge.

Verdonk, P. (2010), Stylistics, in
Widdowson, H.G. (ed.), Oxford University Press,
UK.

Words, Images and Performances in
Translation, (2012), in Wilson, R. and Maher,
B. (ed.), Continuum International Publishing
Group.

References

Gudkov, D.B. (1999). *Pretsedentnoe imya i
problemy pretsedentnosti* [Precedent Name and
the Problems of Precedents], Moscow, Russia:

Izdatelstvo Moskovskogo universiteta (in Russian).

Krasnyh, V.V. (1998). *Virtual'naya real'nost' ili real'naya virtual'nost'* [Virtual Reality or Real Virtuality], Moscow, Russia: Dialog-MGU (in Russian).

Kushnina, L. V. (2003). *Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtal't - sinergeticheskij podkhod* [The Dynamics of the Translation Strata: Geschtalt – Synergetic Approach], Perm, Russia: Izd-vo PGU, (in Russian).

Lenk, H. (2004). *Etika sporta kak kul'tura chestnoi igry* [Sport Ethics as Fair Play Culture] / transl. from German by M.Sokol'skaya // *Neprikosnovennyj zapas*, Vyp 3(35). Retrieved from:

<http://magazines.russ.ru/nz/2004/35/lenk21.html>

Minchenkov, A.G. and Minchenkov, A.G. (ml.) (2016). “The notion of realias in modern translation theory”, *Vestnik PNIPU, Perm, Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2, 46-59 (in Russian).

Mishlanova, S.L. and Permyakova, T.M. (2004). *Modern Concept Sphere: Directions and Perspectives*, Retrieved from: www.psu.ru/psu2/files/0451/19_Mishlanova.doc

Ryabtseva, N. K. (1997). “Theory and Practice of Translation: Cognitive Aspect”, *Perevod i kommunikatsiya*. IYA RAN, 8, 42-63 (in Russian).

Timko, N.V. (2011). “The Means of Conveying Cultural Information in the Process of Translation of Literary Text”, *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 17, 151-157, Retrieved from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15606044&> (in Russian)/

Fesenko, T.A. (2001). “Lingual and Mental Model of Translation Process”, *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. M.: MAKSS Press, 20,140 (in Russian).

Fesenko, T.A. (2002a). “Translation as Reflection of Cognition”, *S lyubov'yu k yazyku*, Moskva-Voronezh: IYA RAN, VGU, 492 (in Russian).

Fesenko, T.A. (2002b). *Spetsifika natsional'nogo kul'turnogo prostranstva v zerkale perevoda* [Specific Features of the National Cultural Background in the Process of

Translation], Tambov, Russia: Tambov University Publishing House (in Russian).

Shustova, S.V. and Rozenkova, H.E. (2017). “Lingvocultural Code: Definition, Problem of Classification, Role in Intercultural Communication”, *Evrasijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2, 101–104 (in Russian).

Yanssen-Fesenko, T.A. and Vajgel', A.L.(2013). “Translation in the Structure of Mental Space: Conceptual Approach”, *Yazyk i kul'tura*, 4 (24), 66-76.

Baggini, J. (2008). *Books About Me*. Retrieved from: <http://www.microphilosophy.net/books/>

Baggini, J. (2008). *Welcome to Everytown: A Journey into the English Mind*, London, UK:Granta Books.

Boase-Beier, J. (2006). *Stylistic Approaches to Translation*, in *Hermans, T. (ed.) St. Jerome Publishing*.

Grossman, E. (2010). *Why Translation Matters*, Yale University Press.

Hatim, B. (2006). *Communication Across Cultures. Translation Theory and Contrastive Text Linguistics*, UK: University of Exeter Press.

Katan, D. (2004). *Translating Cultures. An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators*, Manchester,UK: St. Jerome Publishing.

Landers, C. E. (2001). *Literary Translation. A Practical Guide*, Multilingual Matters LTD.

Manzoor, S. (2007). *We're all English now* Retrieved from: <https://www.theguardian.com/books/2007/mar/10/society>

Newmark, P. (2008). *A Textbook of Translation*, Harlow,UK: Pearson Education Limited.

Nord, Ch. (2005). *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*, 2nd ed, Rodopi.

Pöchhacker, F. (2009). *Introducing Interpreting Studies*, Routledge.

Robinson, D. (2012). *Becoming a Translator*. Routledge.

Scollon, R., Scollon, S. W. and Rodney, H. J. (2012). *Intercultural Communication: A Discourse Approach*, 3rd ed., UK: Wiley-Blackwell,

Snell-Hornby, M. (2006). *Translation Studies: An Integrated Approach*, revised edition, John Benjamins Publishing Company.

Venuti, L. (1995). *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London & New York: Routledge.

Verdonk, P. (2010). *Stylistics*, in Widdowson, H.G. (ed.), UK: Oxford University Press,

Words, Images and Performances in Translation, (2012). in Wilson, R. and Maher, B. (ed.), Continuum International Publishing Group.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Пинягин Юрий Николаевич, доцент кафедры лингвистики и перевода, кандидат филологических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Yuriy Nikolayevich Pinyagin, PhD (Philology), Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State National Research University

811.111:811.161.1: [81'373.72]

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-8

Федуленкова Т. Н.

**Сопоставительное исследование фразеологической вариантности
в английском и русском языках (на материале фразеологических
единиц с компонентом *give / давать*)**

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600026, Россия

E-mail: fedulenkova@list.ru

ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

*Статья поступила 4 ноября 2019 г.; принята 10 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация. Целью данной работы является сопоставительное исследование вариантности современных английских фразеологизмов с глаголом *give* и фразеологических единиц современного русского языка с компонентом *давать*. В основу исследования положен метод фразеологической идентификации, предложенный А.В. Куниным, и разработанная ученым концепция вариантности. В работе используется также метод сопоставительного анализа фразеологических единиц, метод контекстуального анализа фразеологизмов, метод количественного анализа ФЕ. В процессе сопоставительного исследования глагольной фразеологии в современном английском и современном русском языках **выявляется ряд фразеологических вариантов**, а именно: а) лексико-субстантивные варианты ФЕ, лексико-адъективные варианты ФЕ и лексико-препозитивные варианты ФЕ с соответствующими варьирующимися лексемами-компонентами; б) грамматико-морфологические варианты ФЕ, грамматико-синтаксические варианты ФЕ и смешанные лексико-синтаксические варианты ФЕ; в) количественно-лексические варианты ФЕ и количественно-синтаксические варианты ФЕ; г) смешанные варианты ФЕ. **Результаты** исследования приводятся в конце работы в таблице, дающей общее представление о количественном соотношении выявленных вариантов ФЕ и их видов в изучаемом языковом материале.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, фразеологические единицы, варианты, английский, русский.

Для цитирования: Федуленкова Т.Н. Сопоставительное исследование фразеологической вариантности в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц с компонентом *give / давать*) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, №4. С. 89-105. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-8

Tatiana N. Fedulenkova

**Comparative research of phraseological variability
in English and Russian (in phraseology with the component
to give/ davat')**

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs,
87 Gorky St., Vladimir, 600026, Russian Federation
E-mail: fedulenkova@list.ru
ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

Received 5 November; accepted 10 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The paper is aimed at the comparative research of variability of phraseological units (PUs) in modern English with the component '*to give*' and of variability of phraseological units in modern Russian with the component '*davat*'. The research is based on the phraseological identification method proposed by A.V. Kunin, and the concept of variation developed by the scientist. The work also uses the method of comparative analysis of phraseological units, the method of contextual analysis of phraseological units, and the method of quantitative analysis of phraseological units. In the process of a comparative study of verbal phraseology in modern English and modern Russian, a number of phraseological variants were revealed: a) lexical-substantive variants of PU, lexical-adjectival variants of PU and lexical-prepositional variants of PU with corresponding variable lexemes-components; b) grammatical-morphological variants of PU, grammatical-syntactic variants of PU and mixed lexical-syntactic variants of PU; c) quantitative-lexical variants of PU and quantitative-syntactic variants of PU; d) mixed variants of PU. The results of the study are presented at the end of the work in a table that gives a general idea of the quantitative ratio of the identified variants of phraseological units and their types in the studied language material.

Keywords: comparative analysis; phraseological units; variants; English; Russian

How to cite: Fedulenkova, T.N. (2019). Comparative research of phraseological variability in English and Russian (in phraseology with the component *to give/ davat'*). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 89-105, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-8

Введение

Проблема вариантности – одна из наиболее актуальных проблем во фразеологии, поскольку вариативность фразеологизма есть важнейшее и самое распространенное средство обновления фразеологического фонда (Fedulenkova, 2003). Возможность употребления ФЕ в виде различных отклонений от их стабильной структуры и традиционной семантики постоянно привлекает к себе внимание

специалистов в области фразеологии (Fedulenkova, 2015).

Изучаемые глагольные фразеологизмы демонстрируют вариантность двух типов: простую и сложную. Под простой вариантностью понимаем один тип вариантности в рамках одного фразеологизма: лексическую, грамматическую, позиционную или количественную вариантность. Под сложной вариантностью понимаем сочетание двух или более типов вариантности в рамках одной ФЕ: лексико-

грамматическую, лексико-квантитативную и др. виды комбинированной вариантности.

Результаты исследования и их обсуждение

Собранный методом сплошной выборки и подвергнутый комплексному сопоставительно-типологическому анализу (Fedulenkova, 2014: 91) языковой материал позволяет выделить следующие типы вариантов глагольных фразеологических единиц с компонентом *give* / давать в каждом из изучаемых языков.

1. Лексическая вариантность ФЕ

Основываясь на концепции А.В. Кунина, под лексической вариантностью ФЕ понимаем «разновидности фразеологической единицы, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе» (Кунин, 1996: 67).

1) Лексические варианты ФЕ с вариативностью компонентов-глаголов

Анализ исследуемого фразеологического материала английского языка выявляет единичные случаи ФЕ, в которых варьируются глаголы-синонимы: *give (lend) credence to smth* – делать что-л. достойным доверия, ср.:

(1) But then, the thought darted across his mind that it was barely eleven o'clock; and that many people were still in the streets: of whom surely some might be found to give credence to his tale. (Dickens, 2019).

(2) This sudden storm lends credence to the weathermen's warning. (Courtney, 1986).

Основной объем ФЕ рассматриваемого вида вариантности представлен фразеологизмами с варьированием глаголов, которые не являются синонимами: *give (have, take) a crack at smth* – попытаться что-л. сделать, попробовать силы в чем-л., рискнуть, отважиться, *give (put, set) an edge to smth* – обострять, усиливать, стимулировать что-

л, *give (bear) evidence* – представлять доказательства, свидетельствовать о чем-л., подтверждать, показывать что-л., *give (lose) ground* – уступать, идти на уступки, сдавать свои позиции, *give (bear) a hand* – помочь кому-л., содействовать чему-л., ср.:

(1) *It was dark on the river, the moon obscured behind the Wall's north-western edge. Ben jumped ashore and tied the rowboat up to the small, wooden jetty, then turned to give a hand to Peng Yu-wei who stood there, cradling a sleeping Meg in one arm.* (BNC)

(2) *This usually happened after lunch on the day following their arrival. They relaxed and started doing their own things. One would hear, 'I'm going blackberrying. Anyone want to come?' or, 'I saw a fallen branch over the road this morning. Want to bear a hand to drag it in?' and, 'Where's the mushroom basket? <...>.* (BNC)

В русском языке лексические варианты образуются посредством несинонимичных глаголов: *дать (наделать, наставить, поднести, сделать, сыпать/ насыпать, подсыпать) рыжики кому-л.* – новг., пск. шутол. изменить в любви кому-л., *дать (подать) повестку кому-л.* – жарг. угол. предупредить кого-л. о чём-л., *дать (накласть) песен* – кар. много и с удовольствием попеть, *давать/ дать (отвесить) пенделя (пенделей) кому-л.* – разг. сильно бить ногой, *давать пинка кому-л.* (Мокиенко, Никитина, 2007):

(1) *Верно! Есть ли большее удовольствие для шпаны, чем вдогон **дать пенделя** носком подкованного сапожка жертве, которая в панике роняет что ни попадя, сама подставляется. – Сама, значит?! Кувыркнувшись, он отследил, как над ним пролетает один из бойцов с нелепо взметнувшейся ногой, не попавшей по «мишени».* (Измайлов, 2001)

(2) *Пожалев, что не могу **отвесить** ему сзади хорошего **пенделя**, я приготовился красиво завершить наше шоу.* (Ефимов, 2012)

2) Лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми субстантивными компонентами

В рамках субстантивной вариантности взаимозаменяемые существительные, обнаруживая принадлежность к одному и тому же тематическому полю, могут отличаться оттенками значения: *give smb a warm welcome (reception)* – организовать горячий (радушный) прием, теплую встречу, *give smb a ring / a tinkle* – позвонить, звякнуть кому-л., напр.:

(1) *We look forward to seeing you again, madam. When you do come in, don't hesitate to let me know. I'd welcome your views on our service then; <...>. We are confident that next time you purchase one of our products there will be no problem. Perhaps you'd give a ring and let me know I'd welcome your feedback.* (BNC)

(2) *You'll be all right now, said the kindly neighbour from the flat upstairs. But if you want anything or don't feel well just give me a tinkle and I'll be right down.* (BNC)

Среди анализируемых английских фразеологизмов встречаются также ФЕ, которые обнаруживают различную стилевую принадлежность и имеют по три-четыре субстантивных варианта, как, например, в неформальной ФЕ *give someone a bang (a charge, a kick)* – доставлять кому-л. удовольствие:

(1) *John always gives me a bang.* (Spears, 1991).

(2) *The whole afternoon, with all its silliness, gave me a charge anyway.* (McGraw-Hill's, 2007)

(3) *'Look, I said, pointing to the west, 'a good sunset always gives me the hell of a kick.* (Braine, 2019)

В ФЕ, принадлежащих к урону аргю и сленга, варьируемые субстантивные компоненты, как правило, несинонимичны: *give smb the ax (gate, sack)* – жарг. уволить с работы, *give smb the boot* – сленг рассчитать, лишит работы, напр.:

(1) *I had to give three people the ax yesterday. We are having to reduce our office-staff.* (Spears, 1991)

(2) *Not only was he not friendly, he gave me the gate.* (Spears, 1991)

(3) *I gave Tom the sack, and he has to find a new job.* (Spears, 1991)

(4) *I wish you'd give him the boot before he drops you.* (Lessing, 1959)

В русском языке субстантивные варианты ФЕ образуются синонимами и словами одного тематического ряда: *давать / дать волю словам (языку)* – говорить то, о чем думаешь, что волнует, беспокоит и т. п., *давать / дать бой (сражение)* – вступить в бой, воевать, *давать / дать взбучку (головомойку, нагоняй, трепки)* – разг. делать выговор, ругать, ср.:

(1) Пусть сами попросятся. Конечно, ему хотелось **дать взбучку** новичкам. Он поступал так всегда, чтобы лучшие слушались. Но лишняя ссора со мной ему тоже не выгодна. (НКРЯ)

(2) «Трешка», которую можно спокойно называть флагом «Мазды», обязана была стать чем-то больше, чем еще один конкурент Focus и Astra. Она должна была **дать трепку** этим завсегдашним пьедестала симпатий всея Руси! Отношение к Mazda 3 внутри компании чувствуется издали. Существенные силы брошены на поддержание информационного облака. (НКРЯ)

(3) И этот парнишка, сопляк, отпустил такое с забора, что Михайлов уже хотел было рывкнуть и **дать нагоняй**, и плевать, что пойдут разговоры. А жена готовит ужин, руки у неё немеют, но она добросовестно и не без скрытого упрёка делает своё повседневное женское дело. Больная жена – это совсем новый человек, тихий и слезливый. (НКРЯ)

(4) Тут нет никакого противоречия: разве вы, например, не любите свою старую няню, но смеет ли она думать о равенстве с вами? Можно любить собачку, картину, куклу – это не

подлежит сомнению; можно любить своего лакея, крестьянина, подчиненного – это не подлежит сомнению; и при всем том можно собачку выгнать, картину продать, куклу разбить, лакея выпороть, подчиненному **дать головомойку** – это не подлежит сомнению. (НКРЯ)

3) Лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами

К данной группе принадлежат всего четыре фразеологические единицы, которые обнаруживают варьирование компонента-прилагательного: *give a fine (good, reasonable) account of oneself* – быть на высоте, справиться с чем-л., *give free (full) swing to smb, smth* – предоставить полную свободу действий, дать волю кому-л., чему-л., *give free (full) rein to smth* – дать возможность чему-л. развернуться вволю, *give due (full) weight to smth* – взвесить все за и против, внимательно отнестись к рассмотрению чего-л., ср.:

(1) *By the end of the 1980s, easterners were watching the West's economies accelerate out of sight. Another treats the upheaval as a crusade for liberty led by a few heroic dissidents. This is why many books on the big change in Eastern Europe read either like privatisation brochures or 'The Lives of the Saints'. In his finely written record, Mark Frankland **gives due weight** to all these factors.* (BNC)

(2) *The circular is a mere twelve paragraphs long, but it represents a dramatic change in policy. There is a clear message from Marsham Street that 'the government intends to shift the balance away from the encouragement of agricultural productivity, and **give full weight** to the environment and economic implications of rural development'. Such a short statement for such a large change of policy does, however, raise some questions of political aptitude.* (BNC)

Среди глагольных фразеологизмов русского языка ФЕ с взаимозаменяемыми адъективными компонентами не обнаружены.

4) Лексические варианты ФЕ с взаимозаменяемыми препозитивными компонентами

Это такие разновидности анализируемых ФЕ, которые имеют в своем составе варьирующиеся компоненты-предлоги: *give a handle for (to) smth* – дать повод для чего-л., *give the green light to (for, on) smb, smth* – развязать руки кому-л., *give smb (smth) a new lease of (on) life* – вдохнуть новую жизнь в кого-л., во что-л., ср.:

(1) *THE dramatic arrival of Dean Saunders **has given** Dalian Atkinson a **new lease of life** at Aston Villa. Atkinson's Ayresome Park performance showed he is relishing the chance to play alongside the 2.3 million new boy. Yet Atkinson revealed he was on the verge of quitting during a never-ending battle against injury last season. 'I got to the point where I didn't want to play again,' he said. 'I had one injury after another <...>.* (BNC)

(2) *Ex-prisoners **are given new lease on life** by an unusual theatre group, says Sue Wilson # THE closed world of special hospitals has been exposed to unusual public scrutiny since last year's outcry over conditions at Ashworth, Merseyside. The experience of women confined to 'specials', often for years, is the subject of a new play, Head-Rot Holiday, on this week at the Traverse in Edinburgh.* (BNC)

В русском языке лексическая вариантность компонента-предлога встречается гораздо чаще, чем в английском языке: *давать/ дать повод / основание к чему-л., для чего-л.* – предоставлять возможность думать что-л., поступать каким-л. образом, *дать под санкции (по санкциям) кому-л.* – вложить, сиб. сильно ударить кого-л. в челюсть, *давать/ дать в (на) лапу кому-л.* – прост. неодобр. давать взятку кому-л., напр.:

(1) *Никто лучше него не мог ответить, почему газовые плиты и кто в горсовет заведует квартирным вопросом; сколько **дать в лапу** управдому и*

где найти приличных маляров; что подарить ректору с просьбой о каком-нибудь балбесе и сколько берут за урок пения; где проживает балзамировщик и как отвязаться от военкомата; сколько стоит осетрина у бакинских проводников и как решить вечный вопрос текущего бачка. (НКРЯ)

(2) Цитирую официальный документ: «С сентября 2001 года в сметы на предпроектные работы (Управлением главного архитектора) включаются расходы на согласование и визирование документов городскими службами». Иными словами, если раньше при подготовке всевозможных проектов нужно было «дать на лапу» пожарным, санэпидемстанции и др., чтобы получить подпись на бумаге, то теперь вас вроде бы освобождают от этой неприятной процедуры. Все включено. (НКРЯ)

2. Грамматическая вариантность фразеологических единиц

Вслед за А.В. Куниным, под грамматическими вариантами понимаем, «разновидности ФЕ, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант, но отличающиеся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении» (Кунин, 1964: 457).

1) Морфологическое варьирование субстантивных компонентов ФЕ

В современном английском языке показателем морфологической вариантности ФЕ с компонентом *give* является варьирование формы единственного и множественного числа субстантивного компонента: *give sign (signs) of smth* – обнаруживать признаки чего-л., *give the final touch (touches) to smth* – придавать окончательную форму чему-л., *give hostages (позже a hostage) to fortune* – довериться судьбе, ср.:

(1) *Nevertheless, the conclusion must be that, down to 1982, Mrs Thatcher was*

anxious not to give many hostages to fortune by breaking too openly with the one-nation traditions of Butler and Macleod. She bowed to Scots nationalists over Ravenscraig steelworks and to Welsh nationalists over the Welsh television channel, <...>. This same pragmatism showed itself also in many aspects of Commonwealth and foreign policy. (BNC)

(2) *It is surprising to hear that Mill doesn't hold this view that he thinks that <...> the moral health of the citizens is of concern to the government and it actually gives, although he doesn't seem to recognize this, this gives a hostage to fortune to his conservative critics because of course they can say, did say that liberalism was very damaging of er morality of the public and so we need a far more restrictive type of regime than Mill allows us.* (BNC)

Варьирование единственного и множественного числа субстантивного компонента свойственно и для изучаемых глагольных ФЕ русского языка: *давать / дать сеанс (сеансы)* – жарг. заниматься проституцией, *давать / дать (надавать) звоня (звонарей) кому-л.* – волог., избивать, колотить кого-л., *давать / дать бал (балы)* – организовать (танцевальный) вечер (Молотков, 1987). Приведем контекстуальные примеры:

(1) *Поскольку в начале зимнего сезона уже становилось известным, кто и когда будет давать бал, кавалеры заранее ангажировали дам на тот или иной танец.* (Беловинский, 2014)

(2) *Сэр Роланд пообещал, что часть будущей зимы мы проведем в Лондоне. Будем давать балы. Он хочет сделать это для меня.* (Лейкер, 2013)

Наблюдается также варьирование начальной формы субстантивного компонента ФЕ и его уменьшительной формы: *давать / дать слабину (слабинку) кому-л.* – разг. неодобр. 1) проявлять в чём-л. слабость, поступаться своими принципами. 2) делать кому-л. послабления, снижать требовательность, проявлять

излишнюю снисходительность к чему-л., *давать/ дать под зад коленом (коленкой) кому-л.* – *прост.* грубо прогнать, выдворить кого-л. откуда-л., *давать/ дать петуха (петушка) кому-л.* – *жарг.* угол. протягивать, давать руку кому-л. для рукопожатия (Молотков, 1987) ср.:

(а) *Они слабака за километр чуют. С ними нельзя **давать слабину**. С ходу учуют, кто слаб в коленках, кто прогинается.* (НКРЯ)

(б) *Так бывает, **дашь слабинку** себе и беда, караулившая у ворот, быстро берёт жертву в плен.* (Сурская, 2011)

Варианты, вызванные варьированием субстантивных компонентов в различных падежных формах характерны только для русского языка: *давать встрёпку (встрёпки) кому-л.* – *сиб.* наказывать кого-л., *дать толк (толку) кому-л.* – *яросл.* научить кого-л. чему-л., растолковать кому-л. что-л., *дать (поднести) шабёра (шабёру) кому-л.* – *пск.* ударить кого-л., *давать/ дать разгон (разгону)* – *прост.* заставлять двигаться кого-л., что-л. (Федоров, 1995: 162).

2) Морфологическое варьирование субстантивных компонентов ФЕ в их сочетаниях с артиклем и без артикля

В ходе структурно-семантического анализа фразеологических единиц с ведущим глагольным компонентом *give* было выявлено лишь несколько ФЕ, в которых варьированию подвергаются артикли: *give (with) the vocals* – распевать песни, *give (a) free rein to smth* – дать волю чему-л. (чувству, полету мысли и т.п.), *give smb a (the) green light* – предоставить кому-л. свободу действий, *give a (the) lead* – подавать пример, увлекать проявленной инициативой, ср.:

(1) *Clearly, further education is now well represented within the Welsh Office and the central authority in Wales is beginning to **give a lead** to its future development. Inevitably, major developments in the administrative structure and financial management of further education in the*

country as a whole have applied to Wales, though often with considerable variations. (BNC)

(2) *“No one in the Labour Party”, wrote Cripps, “wants to encourage the forming of any sort of combined Opposition if it can be avoided – that is to say, if the Labour Party can show itself strong enough to **give the lead** to the anti-National Government forces and to be a real and effective Opposition to that Government”. He had become alarmed by the attempts of a group in the Conservative Party to form a New Progressive Group with 100,000 supporters.* (BNC)

Для морфологических вариантов ФЕ русского языка характерным является наличие видовой вариативности глагольного компонента *давать / дать*. Изменение по видам заключается в том, что один и тот же оборот имеет две грамматические разновидности – одну для совершенного вида, другую – для несовершенного. При образовании видов большую роль играют приставки: *дать / подать голк* – *свердл.* издать звук, подать голос; *дать / поддать леца кому-л.* – *прост.* наносить кому-л. сильный, хлесткий удар, *жарг.* угол. наносить кому-л. удар ребром ладони по почкам; *дать / надавать по рогам кому-л.* – *жарг.* угол. мол. ирон. 1. сбить спесь, проучить кого-л. 2. избить кого-л., ср. (Федоров, 1995: 169):

(1) – *Он мог кому-нибудь **дать «по рогам»**, но чтобы убить?! (НКРЯ)*

(2) Любой конфликт ими воспринимался как маленькое занятное приключение, о котором впоследствии можно будет рассказать приятелям за бутылкой пива. Всего-то очередной мужичок, которому следовало **надавать по рогам**. (Сухов, 2007)

3. Синтаксическая вариантность фразеологических единиц

Синтаксические варианты ФЕ наиболее характерны в двух случаях:

(а) для ФЕ с трехкомпонентной структурой «give + косвенное дополнение

+ прямое дополнение» → «give + прямое дополнение + предложное дополнение»: *give smb a lecture / give a lecture to smb* – делать выговор кому-л., *give smb a chance / give a chance to smb* – дать еще один шанс, *give smb a line / give a line to smb* – завести кого-л. в заблуждение, *give smb a lift / give a lift to smb* – подвезти кого-л., ср.:

(1) <...> *Oliver was amazed by the sight and smells of so many animals, and by the huge crowds of people, all pushing and swearing and shouting. But Bill Sikes marched on without stopping. Later in the day they were **given a lift** in a horse and cart from west London out into the country. Night fell, and after walking a few more miles down country roads, they finally arrived at an old house standing alone by a river.* (BNC)

(2) *Having checked that they are heading for Prague, I **give a lift to** the two young men at the head of the queue. Neither speaks French or German but one has a few words of English, so he sits in the front.* (BNC)

(б) для ФЕ с четырехкомпонентной структурой «give + косвенное дополнение + прямое дополнение с препозитивным определением» → «give + + прямое дополнение с препозитивным определением + предложное дополнение»: *give smb a blank stare / give a blank stare to smb* – тупо уставиться на кого-л., *give smb a bum steer / give a bum steer to smb* – направить кого-л. по ложному пути, *give smb a fat lip / give a fat lip to smb* – ударить кого-л. по физиономии, *give smb the lie / give the lie to smb* – указать на лживость чего-л. Ср.:

(1) *The Government's efforts to reduce unemployment have **given the lie to** Opposition charges of callous indifference.* (Cowie, 2000)

(2) *...the fact that his son is in prison for debt **gives the lie to** your story about his kindness and generosity.* (Urdang, 1996)

В русском языке синтаксических вариантов в изучаемых ФЕ с компонентом *давать/дать* не обнаружено.

4. Лексико-синтаксическая вариантность фразеологических единиц

В фразеологических единицах с лексико-синтаксической вариантностью объединяются два вида варьирования: лексическое варьирование, то есть замена компонента в составе ФЕ и синтаксическое варьирование, то есть изменение синтаксической конструкции, или порядка компонентов внутри ФЕ: *give smb a/the green light // give a/the green light to smb, smth* – открыть путь, *give smb a back // give/make a back to/ for smb* – подставить спину (в чехарде), *give smth free (full) rein // give free (full) rein to smth* – дать волю чему-л., дать возможность чему-л. развернуться вовсю, *give (show) smb the cold shoulder // turn the cold shoulder on smb* – проявить неприязнь к кому-л., ср.:

(1) *When Quaker tea merchant Joseph Fry went bankrupt <...> his monthly meeting disowned him. His Quaker wife, the famous prison reformer Elizabeth Fry, felt members of her own family were also **giving him the cold shoulder** when they heard he was being 'investigated' by the Ratcliff and Barking monthly meeting.* (BNC)

(2) *She got to dislike me at once and to **show me the cold shoulder**.* (Thackeray)

(3) *Very few doctors, if any, wish to work in rural clinics, anyway. Doctors need to recognise PHCNs as valuable additions to the health team and to aid in upgrading their clinical skills. Indeed, some of the doctors have recognised their value to the extent that they have created problems of rejection by fellow nursing colleagues. These doctors tend to look upon the PHCNs as people they could consult with and **give a cold shoulder to the rest** of the nurses. Thus, the relationship between doctors, PHCNs and other nurses needs to be continually evaluated.* (BNC)

(4) *In the bathroom Ruth's toothbrush and her little stick of deodorant were missing. Rachaela came out and sat down. What did she feel? As once before, nothing. She was not astounded. Of course, she had known what Ruth would do. <...>. He had only to offer*

*himself and wait. Rachaela had **turned on Ruth**, not just **the habitual cold shoulder**, but with a firework of dislike and alienation. And Ruth had packed her satchel quietly in the night, gone out and gone to him.* (BNC)

В русском языке лексико-синтаксических вариантов в изучаемых ФЕ с компонентом *давать / дать* не обнаружено.

5. Квантитативные варианты фразеологических единиц

Для квантитативных вариантов ФЕ характерно либо увеличение количества компонентов в составе ФЕ, либо их уменьшение. В современном английском языке такие варианты – весьма распространенное явление (Fedulenkova, 2003: 11): *give smb a (good) bawling out* – устроить кому-л. взбучку, *give smb a (good) dressing-down* – грубо отругать кого-л., *give smb a (good) talking to* – отчитывать кого-л., *give one's right arm (for smb, smth)* – отдать свою правую руку за кого-л., что-л., *give it to smb (straight)* – высказать что-л. кому-л. ясно и прямо, *give a new turn (to smth)* – представить что-л. в ином свете, ср.:

(1) *Henry Fielding was one of those who was annoyed by the poor's presumption in this regard. Noting the same ballad <...>, he argued that the Elizabethan Poor Law **had given a new turn to the minds of the mobility**. They found themselves no longer obliged to depend on the charity of their neighbours, nor on their own industry for a maintenance. They now looked upon themselves as joint proprietors in the land, and celebrated their independency in songs of triumph.* (BNC)

(2) *And that very legend was again **given a new turn**.* (Кунин, 2005)

Контекстуальный анализ показывает, что редукция компонентного состава ФЕ может происходить в несколько ступеней: *give smb a lick with the rough side of one's tongue* (отругать кого-л.) > *give smb the rough side of one's tongue* > *the rough side of one's tongue*, ср.:

(1) *I would...**give him a lick with the rough side of my tongue**.* (Scott, 2018)

(2) *After dinner that evening there was a battle royal. Freddie was a quick-tempered man, unused to opposition, and he **gave George the rough side of his tongue**.* (Maugham)

(3) *Sometimes I used to see the funny side of these sessions, but he was not one to tolerate flippancy and more than once I received **the rough side of his tongue**. But you knew exactly where you were with him and I had the utmost respect for his judgement and management of the cutters.* (BNC)

Контекст (2) иллюстрирует использование квантитативного варианта рассматриваемой ФЕ, утратившей 27,3% своего первоначального компонентного состава. Контекст (3) иллюстрирует использование квантитативного варианта рассматриваемой ФЕ, утратившей 45,5% своего первоначального компонентного состава.

Квантитативное варьирование ФЕ с компонентом *давать / дать* – широко распространенное явление и в русском языке: *дать руку / дать (свою) руку (и сердце) кому-л.* – согласиться стать женихом (невестой) кого-л., *дать возраст / дать (свой) возраст* – сиб. достичь зрелого возраста, *дать (задать) потерёбку / дать (задать) потерёбку (с выволочкой) кому-л.* – нижгор., новг., твер. побить, поколотить кого-л., *давать слово кому-л. / дать (честное) слово кому-л.* – твердо обещать что-л., ср.:

(1) *Сват приехал, царь **дал слово**.* (Пушкин, 2019)

(2) *Если бы Рябовский **не дал честного слова** художникам, что он проживет с ними здесь до 20 сентября, то можно было бы уехать сегодня же.* (Чехов, 2019).

а) Лексико-квантитативные варианты фразеологических единиц

В лексико-квантитативных вариантах сочетаются два вида вариантности: лексическая и квантитативная: *give (have, take) a crack / give (have, take) a crack (at smth)* – разг. попытаться, рискнуть, где

вторая ФЕ – есть, помимо лексического, количественно-расширенный вариант за счет предлога и переменного компонента. Приведем контекстуальные примеры:

(1) *We had a brilliant time and it's a pity you only get to do it once: Maybe we'll split up and reform under a different name – so we can **give a crack at** it next year. Headlining, of course.* (BNC)

(2) *You'd have to signal in advance which issues you regarded as a matter of confidence – for instance, the Tories might **have a crack at** coal privatisation but might not want to go to the country on it if they failed. The worst scenario of all is one in which no party feels confident of forming a government, leaving the Queen with no alternative but to grant a second dissolution.* (BNC)

(3) *If he has one regret it is that government never saw fit to offer him another major job as challenging as his chairmanship of British Steel when he gave it up in 1976. He confides that he would have liked to have **taken a crack at** another big public objective.* (BNC)

(4) *Bob Roberts himself is a monster never quite accessible to the cameras or us, vilifiable only by off-the-cuff remarks ('Don't **take a crack**, kids... it's a ghetto drug'), and opposed only by Bugs Raplin (Esposito), a wired outsider-hack linking him to every scandal of the '80s in a string of fact-filled rants. <...>'. (BNC)*

Количественно-расширенную вариантность за счет лишь артикля наблюдаем в ФЕ *give (breath, infuse) new (a new) life to (into) smth.*

Количественно-усеченная вариантность – помимо лексической вариантности (*lay down / give*) – наблюдается в библейской ФЕ *give (lay down) one's life* – пожертвовать жизнью. Оригинальный вариант библейской ФЕ *lay down one's life* включает четыре компонента, а в возникшем позже усеченном варианте *give one's life* – имеется три компонента. Сравним:

(1) *The actress says she must sell her home to pay. # I would die for Whitney # A FORMER British bobby is prepared to **lay down his life for** superstar Whitney Houston. Minder David Roberts would stand in front of a gunman to protect the singer, who has made her movie debut in The Bodyguard.* (BNC)

(2) *<...> political prisoner Mario Chanes de Armas, 65, who took part in the 1953 assault on the Moncada Barracks <...>, was released from prison on July 16, after serving 30 years for allegedly plotting to assassinate Castro. He maintained his innocence and claimed he had been willing to **give his life for** Castro but had never been a communist. He expressed a wish to go to the United States.* (BNC)

(3) *He distinctly remembered the Monday morning his father had gone out, dressed in the green uniform of the volunteers, carrying his rifle. A week later he was dead, but by that time they had both been shipped off to England. And while his mother may have forgotten Dublin and his father, who had **given his life** to make it a better place for his children to live in, Patrick had not. Initially, he had bucked against her restraints, often asking her direct questions about her previous life, about his father.* (BNC)

б) Синтактико-количественные варианты фразеологизмов

Данный вид вариантности ФЕ с компонентом *give* иллюстрируем следующими фразеологизмами: *give smb the (rough) edge of one's tongue* // *give the (rough) edge of one's tongue to smb* – резко говорить с кем-л., *give away the (whole) show* // *give the whole show away* – разг. выдать секрет:

(1) *Hour after hour we lay in silence, waiting for some movement from the enemy. If only they would open fire and **give the show away**.* (Cowie, 2000)

(2) *We tried to keep the party a surprise, but Jane **gave away the whole show** by bringing the wine into the kitchen.* (Courtney, 2000)

Вариантности подвержены не только однозначные, но и многозначные фразеологические единицы. В качестве примера приведем контекстуальные иллюстрации ФЕ *give smb his (marching) orders* // *give (marching) orders to smb*, которая имеет синтактико-квантитативные варианты и два значения: 1) выгнать, уволить с работы, 2) шутл. отказать жениху; дать от ворот поворот (Кунин, 2005):

(1) *By October local players were establishing themselves in the City reserves. These reserve games were not without incident. In a match at Elland Road Wainwright was **given his marching orders** for swearing after an offside decision – but refused to go.* (BNC) (значение 1)

(2) *<...> the first time in British history four players from one side have been given the red card. Sheffield referee Brian Coddington, who dismissed three Newcastle players at Derby last season, **dished out marching orders to** Andy Theodosiou, player-coach Greg Downs, David Titterton and Richard Jones.* (BNC) (значение 1)

(3) *Even my father wasn't too pleased about continually having to clean his porch roof, which our residents had covered in droppings and other nest debris. Eventually he decided to **give them their marching orders**, and one spring, just before the birds were due to arrive, he nailed wire netting and a large dustbin bag along the eaves to stop them building their nests in the usual place.* (BNC) (значение 2)

(4) *Then with only seconds remaining of normal time Hughes was **given his orders** for a foul on his tormentor Fillimonov. The Welshman kicked the ball away and referee Dangaard dismissed him for a second bookable offence.* (BNC) (значение 1)

Выявляем при этом, что при вариативности в каждом из имеющихся значений ФЕ взаимозаменяемость компонентов и структур не влияет на целостное значение ФЕ, что является показателем их тождества.

В русском языке данного типа вариантности не обнаружено.

6. Смешанная вариантность фразеологических единиц

Структурный анализ изучаемых глагольных фразеологизмов выявляет ряд ФЕ, в которых имеется совмещение различных видов вариантности. Используя терминологию А.В. Кунина, под смешанными вариантами понимаем совокупность разнотипных вариантов одной и той же фразеологической единицы (Кунин, 1964: 502). В качестве примера ФЕ со смешанными вариантами приводим оборот *give chase (to smb) / give (lead) smb a (fine, merry, pretty) chase* – вовлечь кого-л. в погоню. В данном обороте наряду с лексической вариантностью глагольного компонента варьированию подвергается и факультативный компонент: прилагательное, являющееся препозитивным определением к прямому дополнению. Инвариантом в данной ФЕ является компонент *chase*.

Значение ФЕ от увеличения её компонентного состава и семантического распространения путём добавления переменного компонента *smb* не меняется, но становится менее лаконичным и придаёт высказыванию в речи недостающую эмфатичность. Сравним:

(1) *The burglar fled, with the police **giving chase**.* (Кунин, 2005)

(2) *Suddenly, as we were walking on, we heard the dogs barking in that frantic, menacing way that could only mean they'd **given chase**. The men paused in their tracks, locating the sound, and within seconds we were hurrying back to a place that we'd passed where the sheer slope of the mountain was broken only by the deep rift of a water-course.* (BNC)

(3) *Oh, there you are young fellow-melad, – one of them exclaimed, striding towards Tony and grabbing his arm. – **Pretty chase you've given us!*** (Кунин, 2005)

Как видно из контекста (2), фразеологический оборот подвергается

стилистической инверсии, не нарушающей фразеологического тождества ФЕ.

Рассмотрим следующий ряд контекстов, который иллюстрирует смешанную вариантность, включающую четыре основных вида варианности: морфологическую, лексическую, количественную и синтетическую.

(1) <...> *an editorial in the official Communist party newspaper <...> declared that the decision had been 'unilateral', had broken historical and legitimate bilateral accords and was the equivalent of **giving a 'green light'** to the United States to carry out 'aggressive plans against Cuba'.* (BNC)

(2) *Lang **gives green light** for next regional elections # By Tom Morton # REGIONAL council elections will go ahead as planned in Scotland in May 1994, in spite of the councils' having less than two years to survive.* (BNC)

(3) *Mr Lamont also **gave the green light** for the Jubilee Line extension in London, but work will not start until a banking consortium has been set up to provide 400 million of private-sector money for the Pounds 1.8 billion project.* (BNC)

(4) *In the long term, Britain has to come into the next century with a partnership in Europe. Voice over The election is also **giving a green light** for policies about the environment.* (BNC)

(5) *The scheme offers the company the chance of a four-fold rise in audiences for a two-fold increase in money. Stockton Borough Council is expected to **give the green light** to the Forum move at the end of this week.* (BNC)

(6) *After all, days before the invasion surprised President Bush, his ambassador, presumably not speaking just for herself, told Saddam in so many words that Washington **gave him the green light** on Kuwait.* (BNC)

(7) *On the other hand, Japan must not assume that membership of the IWC means **a green light** to catch unlimited numbers of whales. The Japanese recognise that the whales in the oceans are not a limitless*

resource, and that these animals need time to breed and mature. (BNC)

(8) *To upbraid Eden for failing to **give the green light** to the Home Office's draft four-clause Commonwealth Immigrants Bill, is a bit harsh. The Cabinet was deeply divided on the issue, <...>.* (BNC)

(9) *THE European Commission **gave the green light** yesterday in Brussels for British Airways' takeover of Dan-Air, dismissing objections by rival carriers and the Belgian government.* (BNC)

(10) *A PAINT that fights bugs has been **given the green light** for use in 'sick' buildings. Approval from America's Environmental Protection Agency means that Portersept, made by Courtaulds Coatings in Louisville, Kentucky, can be applied for the first time to heating, ventilation and air conditioning (HVAC) systems.* (BNC)

(11) *Edward Carrington, with heavy heart but great determination, threw himself into his training as an agent. Like any bureaucracy **given a green light**, the Secret Intelligence Service grew like mushrooms in a wet field overnight.* (BNC)

(12) <...> *it is under the secretary general's guidance that difficult discussions on strengthening the movement's development and human rights awareness programmes must take place and where **the final green light** must be **given** for increasingly complex initiatives to intensify public pressure on governments.* (BNC)

Анализ рассматриваемого ряда контекстов дает следующие результаты:

Морфологическая вариантность заключается в варьировании неопределенного артикля в контекстах (1), (4), (7), (11), определенного артикля в контекстах (3), (5), (6), (8), (9), (10), (12), нулевого артикля в контексте (2).

Лексическая вариантность заключается в варьировании предложного компонента *to* в контекстах (1), (5), (7), (8), предложного компонента *for* в контекстах (2), (3), (4), (9), (10), (12), предложного компонента *on* в контексте (6).

Квантитативная вариантность заключается в количественном расширении компонентного состава ФЕ – по сравнению с базовой моделью (а) – за счет адъективного компонента *final* в контексте (12) и за счет добавления переменного компонента с предлогом *on* в контексте (6) и в количественном сужении компонентного состава ФЕ в контекстах (2), (7), (11).

Синтаксическая вариантность заключается в варьировании структурно-синтаксической модели построения компонентов ФЕ:

1) Модель V + (d) + Adj + N + Prep + θ в контекстах (1), (3), (4), (5), (8), (9), (10),

2) Модель V + (d) + Adj + N в контекстах (2), (11).

3) Модель V + θ + (d) + Adj + N + Prep + θ в контексте (6),

4) Модель (d) + Adj + N + Ptc + Inf в контексте (7),

5) Модель V + (d) + Adj2 + Adj1 + N + Prep + θ в контексте (12).

В русском языке наблюдается одновременная взаимозаменяемость глагольного и субстантивного компонентов в следующей ФЕ: *дать припарки – задать припарку (чему. кому.)* 1. *пск.* с силой, интенсивно действовать. 2. *пск.* энергично, напряжённо работать. 3. *прост.* пороть, наказывать кого-л. (Мокиенко, Никитина, 2007). Одновременная взаимозаменяемость глагольного и препозитивного компонентов наблюдается в ФЕ *дать в шею – надавать по шее (кому прост. бить, избивать кого-л.)*.

Результаты исследования

Итак, в результате структурного анализа выясняем, что значительная часть исследуемых фразеологических единиц с компонентом *give / давать* подвергается вариантности. В современном английском языке вариантность обнаруживается у 186 ФЕ из 391 анализируемых глагольных ФЕ. В русском же языке варьированию подвергаются 203 ФЕ из 813 ГФЕ анализируемых глагольных ФЕ.

В результате исследования вариантных глагольных фразеологических единиц выявлено 8 видов вариантов в английских ФЕ с глагольным компонентом *give*, процентное соотношение которых выражается в следующей последовательности: лексические варианты характерны для 66% изучаемых ФЕ, квантитативные – для 17%, лексико-квантитативные – для 4%, морфологические – для 4%, лексико-синтаксические – для 3%, синтаксические – для 2,5%, синтактико-квантитативные – для 2%, смешанный тип вариантности наблюдается у 2% фразеологических единиц.

В глагольных ФЕ русского языка, выявляем следующие виды вариантов: лексические варианты – 88% изучаемых ФЕ, морфологические – 5,4%, квантитативные – 3%, лексико-квантитативные – 2%, смешанный тип вариантности наблюдается у 2% фразеологических единиц.

Результаты исследования ФЕ с глагольным компонентом *give / давать* предоставляют возможность составить сводную таблицу и наглядно показать числовое соотношение видов вариантности изучаемых языковых единиц (таблица).

Результаты сопоставительного исследования избранной глагольной фразеологии приводят к выводу о том, что фразеологическим единицам русского языка не свойственны виды синтаксической вариантности, в отличие от ФЕ английского языка.

Исследование показывает, что вариантность, будучи важнейшим свойством структуры ФЕ, может рассматриваться в качестве фразеологической универсалии. Результаты исследования могут быть использованы для составления типологического паспорта (Аракин 1983: 34) фразеологии английского и русского языков.

Таблица

**Числовое соотношение видов вариантов фразеологических единиц
с глагольным компонентом *give / давать***

Table

**The numerical ratio of the types of variants of phraseological units with
the verb component *to give / davat'***

№ п/п	Вид вариантности фразеологических единиц	Количество фразеологизмов		Процентное соотношение	
		Английский язык	Русский язык	Английский язык	Русский язык
1.	Лексическая	102	182	66%	88%
2.	Морфологическая	6	11	4%	5,4%
3.	Квантитативная	27	6	17%	3%
4.	Лексико-квантитативная	6	4	4%	2%
5.	Синтаксическая	4	—	2,5%	—
6.	Лексико-синтаксическая	5	—	3%	—
7.	Синтактико-квантитативная	3	—	2%	—
8.	Смешанная	3	3	2%	2%
	Всего варьируемых фразеологических единиц	186	203	100%	100%

Список литературы

Аракин, В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

Кунин, А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Изд. 5-е. М.: Рус. яз. Медиа, 2005. URL: <https://www.libex.ru/detail/book71244.html> (дата обращения: 15.03.2019).

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высш. шк., Дубна : Феникс, 1996. 381 с.

Кунин, А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 1229 с.

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. 784 с. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/> (дата обращения: 15.03.2019).

Молотков, А. И. (ред). Фразеологический словарь русского языка. 4-е

изд. М.: Рус. яз., 1987. 543 с. URL: <https://www.libex.ru/detail/book228724.html> (дата обращения: 15.03.2019).

Федоров, А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского литературного языка конца XIII-XX вв. М.: Топикал, 1995. 608 с. URL: <https://www.libex.ru/detail/book597457.html> (дата обращения: 15.03.2019).

Courtney, R. Phrasal Verbs. Harlow: Longman Group Limited, 2000. <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?blang=ru&id=77129&lang=Ru&page=Book> (дата обращения: 18.11.2019).

Cowie, A.P., Mackin, R. Oxford Dictionary of Phrasal Verbs. Oxford: OUP. 517 p.

Fedulenkova, T. A new approach to the clipping of communicative phraseological units // Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002 / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2003. Vol. 36. Pp. 11–22.

Fedulenkova, T. Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units: Book of Abstracts of the 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August – 2 September 2014. Košice: University in Košice, 2014. Pp. 91–92.

Fedulenkova, T. On the Instantial Use of Phraseological Units. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse by Anita Naciscione, 2010, Amsterdam: John Benjamins, viii +292 pp., 978 9-027-21176-7. Hb, €95.00 // European Journal of English Studies. 2015. Vol. 19. № 2. Pp. 234–242.

McGraw-Hill's American Idioms Dictionary. 4th ed. New York: McGraw Hill, 2007. 743 p.

Spears, A.R. American Idioms Dictionary. Lincolnwood: NTC, 1991. 463 p.

Urdang, L. (ed.) Longman Dictionary of English Idioms. Harlow and London: Longman Group UK Ltd, 1996. 388 p.

НКРЯ = Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 19. 11.2019).

Беловинский, Л. Жизнь русского обывателя. От дворца до острога. 2014. URL: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=739934> (дата обращения: 17. 03.2019).

Ефимов, А. Требуется Темный Властелин. 2012. http://loveread.ec/read_book.php?id=14321&p=1 (дата обращения: 17. 03.2019).

Измайлов, А. Трюкач. М.: Вагриус, 2001. 430 с. URL: http://www.alib.ru/5_izmajlov_a_tryukach_w1t45008d3b1670506085ed7e30d55e19c8d99.html (дата обращения: 19. 11.2019).

Лейкер, Р. Сахарный дворец. 2013. URL: <https://www.razym.ru/literatura/romani/216555-leyker-r-saharnyy-dvorec-audiokniga-chitaet-t-telegina.html> (дата обращения: 17. 03.2019).

Пушкин, А. С. Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях. URL: <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/carewna.txt> (дата обращения: 17. 03.2019).

Сурская, Л. Оборотень. 2011. http://loveread.ec/read_book.php?id=16189&p=1 (дата обращения: 17. 03.2019).

Сузов, Е. Ассасин. 2007. URL: <https://book24.ru/product/assasin-1529920/> (дата обращения: 17. 03.2019).

Чехов, А. П. Попрыгунья. <http://ilibrary.ru/text/706/p.5/index.html> (дата обращения: 17. 03.2019).

Braine, J. Room at the Top. RoyalLib.Com, 2010-2019. URL: https://royallib.com/book/Braine_John/room_at_the_top.html (дата обращения: 18. 11.2019).

Dickens, Ch. Oliver Twist. 2010-2019. URL: https://royallib.com/book/Dickens_Charles/Oliver_Twist.html (дата обращения: 18. 11.2019).

Lessing, D. Each his own wilderness. 1959. URL: <https://knijky.ru/authors/doris-lessing> (дата обращения: 19. 11.2019).

Maugham, W.S. Complete short stories. London, Heinemann: Octopus, 1988. 937 p.

Thackeray, W. Lovel, the Widower 2011 <https://www.ozon.ru/context/detail/id/24655300/> (дата обращения: 18. 11.2019).

Scott, W. The Abbot. 2018. URL: <http://readanywhere.ru/scott-w/books/the-abbot> (дата обращения: 17. 03.2019).

References

Arakin, V. D. (1983). *Strukturnaia tipologiia russkogo i nekotorykh germanskikh jazykov (edinitsey sopostavitel'nogo i tipologicheskogo analiza jazykov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Structural typology of Russian and some German languages (units of the comparative and typological analysis of languages), abstract of D. Sc. Thesis. Moscow, Russia (in Russian).

BNC = British National Corpus, Retrieved from <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>

Belovinskiy, L. (2014). *Zhizn' russkogo obyvatel'ya. Ot dvortsa do ostroga* [Life of the Russian citizen. From palace to prison.] Retrieved from: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=739934> (in Russian).

Braine, J. Room at the Top. RoyalLib.Com, (2010-2019). Retrieved from: https://royallib.com/book/Braine_John/room_at_the_top.html

Chekhov, A. P. (2019). *Poprygun'ya* [Fidget]. Retrieved from: <http://ilibrary.ru/text/706/p.5/index.html> (in Russian).

Cowie, A.P., Mackin, R. (2000). *Oxford Dictionary of Phrasal Verbs*. Oxford, UK: OUP

Courtney, R. (2000). *Phrasal Verbs*. Longman Group Limited, Harlow, UK. Retrieved from: <http://urss.ru/cgi-bin/db.pl?blang=ru&id=77129&lang=Ru&page=Book>

Dickens, Ch. (2019). Oliver Twist. 2010-2019. Retrieved from: https://royallib.com/book/Dickens_Charles/Oliver_Twist.html

Efimov, A. (2012). *Trebuetsya temnyj vlastelin* [The Dark Lord is required]. Retrieved from:

http://loveread.ec/read_book.php?id=14321&p=1 (in Russian)

Fedorov, A. I. (red.). (1995). *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka konca XIII-XX vv.* [Phraseological dictionary of the Russian literary language of the end of XIII-XX centuries], Moscow, Russia: Topikal Retrieved from: <https://www.libex.ru/detail/book597457.html> (in Russian)

Fedulenkova, T. (2003). A new approach to the clipping of communicative phraseological units. In: *Ranam: European Society for the Study of English: ESSE 6 – Strasbourg 2002* / Ed. P. Frath & M. Rissanen. Université Marc Bloch, Strasbourg, France. Vol. 36, pp. 11–22.

Fedulenkova, T. (2014). Typological Relevance of Phraseology: A New Approach to the Study of Phraseological Units. In: *Book of Abstracts of the 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August – 2 September 2014*. University in Košice, Košice, Slovakia. Pp. 91–92.

Fedulenkova, T. (2015). On the Instantial Use of Phraseological Units. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse by Anita Naciscione, 2010, Amsterdam: John Benjamins, viii +292 pp., 978 9-027-21176-7. Hb, €95.00*. In: *European Journal of English Studies*. Vol. 19, No 2, pp. 234–242. [in English]

Izmajlov, A. (2001). Tryukach. [Juggler]. Vagrius, Moscow, Russia. Retrieved from: http://www.alib.ru/5_izmajlov_a_tryukach_w_1t45008d_3b1670506085ed7e30d55e19c8d99.html [in Russian].

Kunin, A. V. (2005). *Bol'shoj anglo-russkij frazeologicheskij slovar'* [Big English-Russian phraseological dictionary]. Izd. 5-e. Rus. yaz. Media, Moscow, Russia. Retrieved from: <https://www.libex.ru/detail/book71244.html> [in Russian]

Kunin, A.V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo iazyka* [A course on phraseology of Modern English]. Vyssh. shc., Dubna: Feniks, Moscow, Russia.

Kunin, A. V. (1964). *Osnovnye ponyatiia angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny i sozdanie anglo-russkogo*

frazeologicheskogo slovaria: dis. ... d-ra filol. nauk [Basic concepts of the English phraseology as a linguistic discipline and creation of the English-Russian phraseological dictionary: Abstract of Doctoral Thesis]. Moscow (in Russian)

Lejker, R. (2013). *Sakharnyj dvorets* [Sugar Palace]. Retrieved from: <https://www.razym.ru/literatura/romani/216555-leyker-r-saharnyy-dvorec-audiokniga-chitaet-t-telegina.html> (in Russian).

Lessing, D. (1959). Each his own wilderness. Retrieved from: <https://knijky.ru/authors/doris-lessing>

Maugham, W.S. (1988). Complete short stories. Octopus, London, Heinemann, UK.

Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of Russian] retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/new/>

McGraw-Hill's (2007). *American Idioms Dictionary*. 4th ed. McGraw Hill, New York, USA.

Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2007). *Bol'shoj slovar' russkih pogovorok* [Big dictionary of Russian sayings]. OLMA Media Grupp, Moscow, Russia. 784 p. Retrieved from: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/> (in Russian)

Molotkov, A. I. (red.). (1987). *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. 4-e izd. Rus. yaz., Moscow, Russia. 543 p. Retrieved from: <https://www.libex.ru/detail/book228724.html> (in Russian)

Pushkin, A. S. (2019). *Skazka o mertvoj tsarevne i o semi bogatyryah* [The fairy tale about the dead queen and about seven knights]. Retrieved from: <http://lib.ru/LITRA/PUSHKIN/carewna.txt> (in Russian)

Scott, W. (2018). The Abbot. <http://readanywhere.ru/scott-w/books/the-abbot>

Surskaya, L. (2011). *Oboroten'* [Werewolf]. Retrieved from: http://loveread.ec/read_book.php?id=16189&p=1 (in Russian).

Suhov, E. (2007). *Assasin* [Assasin]. Retrieved from: <https://book24.ru/product/assasin-1529920/> (in Russian).

Spears, A.R. (1991). *American Idioms Dictionary*. NTC, Lincolnwood, USA.

Thackeray, W. (2011). *Lovel, the Widower*.
Retrieved from:
<https://www.ozon.ru/context/detail/id/24655300/>

Urdang, L. (ed.) (1996). *Longman
Dictionary of English Idioms*. Longman Group
UK Ltd, Harlow and London, UK

Список условных сокращений:

амер. – американский вариант
арест. – из жаргона осуждённых,
отбывающих наказание в тюрьмах, ИТУ
волог. – вологодский
жарг. – жаргонный
ирон. – иронический
кар. – карельский
мол. – молодёжное
неодобр. – неодобрительный
нижгор. – нижегородский
новг. – новгородский
прост. – просторечие
пск. – псковский
разг. – разговорный
свердл. – свердловский
сиб. – сибирский

ср. – сравним
твер. – тверской
гол. – из речи уголовников
ФЕ – фразеологическая единица
шутл. – шуточный
яросл. – ярославский

***Конфликты интересов: у авторов
нет конфликта интересов для деклара-
ции.***

***Conflicts of Interest: the authors have
no conflict of interest to declare.***

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of
Philological Sciences, Professor,
Correspondent Member of RAN, Vladimir
State University named after A.G. and
N.G. Stoletovs

Федуленкова Татьяна Николаевна,
профессор, доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, Владимирский
государственный университет им. А.Г. и
Н.Г. Столетовых.

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
SECTION III. FOREIGN LITERATURE

УДК 821.111

DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-9

Elena S. Danilova

"This is a man's world": gender issues of leadership
in literature

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: elenasdanilova@rambler.ru
ORCID iD: 0000-0003-1556-3116

Received 15 November; accepted 15 December 2019; published 30 December 2019

Abstract. The potential of language in depicting objective reality is unquestionable today. Some authors refer to language as "the currency of knowing". Much information about the world and people is recorded in works of literature, and it is of value even if it is shown from the author's perspective. Works of literature have always been a source of knowledge for readers, characters becoming role models for some people. The article is focused on gender specifics of leadership as revealed in characters of some novels and fairy-tales published in English. The goal of the research is to identify features displayed by leaders in the literary works under study. Some of these features are traditionally considered to be masculine or feminine. Many sources show that women leaders have to develop masculine characteristics, which affects the way they are perceived by other people. The theoretical basis of the study was the work of modern psychologists and philosophers on the relationship between language and knowledge, as well as leadership styles. The paper also attempts to attribute specific leadership styles to the characters under study. The contexts for analysis were taken from the novels by M. Puzo and L. Weisberger, as well as P. Bazhov's tales published in English.

Key words: "objective reality", leadership style, professional behavior, autocratic, transformational leadership, task-oriented leader

How to cite: Danilova, E. S. (2019). "This is a man's world": gender issues of leadership in literature. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.5 (4), 106-114, DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-9

Данилова Е. С.

**“Мужчины правят миром”:
гендерные аспекты управления в литературных произведениях**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г.Белгород, 308015, Российская Федерация
E-mail: elenasdanilova@rambler.ru
ORCID iD: 0000-0003-1556-3116

*Статья поступила 15 ноября 2019 г.; принята 15 декабря 2019 г.;
опубликована 30 декабря 2019 г.*

Аннотация. Потенциал языка как средства отображения объективной реальности не вызывает сомнений. Некоторые авторы называют язык «валютой познания». Литература хранит большой объем информации об окружающей действительности, и она представляет ценность несмотря на то, что преподносится через призму авторских убеждений. Литературные произведения служили и служат источником знаний для читателей, а персонажи становятся ролевыми моделями. Работа посвящена изучению гендерных особенностей управленческих стилей, которые продемонстрированы в выбранных для анализа литературных произведениях, опубликованных на английском языке, в частности, романах и сказаниях. Целью исследования является выявление характерных черт лидеров на примере персонажей литературных работ. Эти черты считаются традиционно присущими мужчинам или женщинам. Источники показывают, что женщины-руководители вырабатывают мужские черты характера, в результате чего отношение к ним со стороны других может изменяться. Теоретической основой исследования послужили работы современных психологов и философов, посвященные соотношению языка и знания, а также стилям лидерства. В качестве источников фактического материала были выбраны англоязычные произведения М. Пьюзо, Л. Вайсбергер, а также сказы П.П.Бажова, опубликованные в переводе носителя английского языка.

Ключевые слова: объективная реальность; стиль лидерства; профессиональное поведение; авторитарный; трансформационный лидер; лидер, ориентированный на задания.

Для цитирования: Данилова Е.С. “Мужчины правят миром”: гендерные аспекты управления в литературных произведениях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т.5, N4. С. 106-114. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-9

Introduction. Works of literature have always been a source of knowledge for readers, summarizing the author's observations and experience. Apart from linguistic means used to describe book characters, there is always a background containing the writer's ideas and values which

may be expressed indirectly. Facts, actions, reflections and appearances described with the help of mere words altogether form an integral image of lifestyles, values and feelings of the main characters.

The potential of language in depicting objective reality is unquestionable today. This

issue was researched by Wilhelm von Humboldt and Ludwig Wittgenstein, and it still arouses interest of contemporary linguists and philosophers. According to Wittgenstein, "the logical picture of the facts is the thought" (Wittgenstein, 1921, 1961). This opinion is shared by philosophers and linguists today. Philosopher Jeff Carreira stresses that "reality (or at least a great deal of it) is an affair of language because it is language that ultimately defines what counts as real" (Carreira, 2011). Moreover, this author considers language to be "the currency of knowing" (ib.). Thus, language is an indispensable means of recording and preserving the information we obtain while perceiving the reality.

V. Zvegintsev stresses that "language, being a "monument" of a nation, a specific period in development, a particular epoch, a social entity, a local dialect, a literary school, a particular writer etc., is naturally in the same line with other "monuments": those of culture, literature, history and so on" (Zvegintsev, 2007: 150).

Works of art, including literature, are frequently perceived as objects designed to admire, and probably as something which helps the viewer abstract from reality, or even as an entertainment. Besides, inspiration is really necessary in order to begin a long and elaborate process of creating, correcting and editing. What triggers this process? To some extent, inspiration is an urge which emerges in a writer after something has impressed him or her so much that it needs to be shared. In fact, an author writes a new book with a view to depicting the political or cultural events he or she has witnessed, or to describe someone who makes a difference, someone who deserves to remain in history. Therefore, many of literary characters are based on real-life prototypes, or at least become collective images of prominent representatives of the times described. In fact, writers frequently depict "heroes of our time", as Mikhail Lermontov put it, which is "indeed a portrait, but not of one man" (Wisdom, Murray, 2008).

"Heroes of our time" are also in the focus of contemporary literature, though their lifestyles and views may have changed. In this respect, novels by a former fashion industry insider, Lauren Weisberger, present an important source of information on people, manners, values and careers. Miranda Priestly's character in the famous "Devil wears Prada" novel is based on a prototype, a true professional. This character may be an ambiguous personality, but it is certainly a product of our objective reality. Besides, a woman leader and a workaholic may well be considered a typical representative of professional life today.

This paper attempts to analyze the leadership styles described in works of literature of different time periods, including linguistic and extralinguistic means used by the authors.

Main part.

Materials and methods. Given the focus on gender equality, a correlation between gender characteristics and leadership potential are increasingly addressed by contemporary scholars in linguistics, psychology and sociology. Thus, Kaiser and Wallace (2016) speak on gender issues in management, while Holmes (2006) studies gender identity in workplace discourse. Nanjundeswaraswamy and Swamy (2014) refer to leadership styles as pre-requisites for advances in management (Nanjundeswaraswamy, 2014). Strong leaders described in fiction arouse an intense interest in managers and psychologists as potential role models. For instance, Miranda's leadership style in L. Weisberger's "Devil Wears Prada" has been analyzed by Indian and Hong Kong scholars (Ayyappan, 2018), (Lui, 2009), while Mohan Gopinath focuses on leadership features developing in Michael Corleone (Gopinath, 2018). Research by the above-mentioned authors makes the theoretical basis of the study.

The sources of linguistic material included a novel by L. Weisberger, "The Devil Wears Prada" (2006), "The Godfather"

by M. Puzo (first published in 1969) and the English version of P. Bazhov's tales (1965). Continuous sampling method and methods of contextual and semantic analysis have been used in this research.

Results and discussion. Researchers are interested in women's efficiency in administrative spheres, as well as in character changes that such jobs entail. Globally, it is closely connected with gender issues which are on the agenda today.

J. Holmes, and furtherly Jennifer Lui, describe the differences in feminine and masculine leadership styles, stating that women tend to use relational behavior, fewer directives, build relationship, use interrogatives and paralinguistic features like hesitation and pauses and to use transactional behavior, while men use directives and instructions, imperatives and need statement, they are authoritarian, task and goal oriented (Holmes, J. 2006.), (Lui, 2009).

This is a traditional approach to management. However, the specifics of our age, business competition, industry requirements, tight deadlines and virtually the need to survive result in women developing some masculine features.

Tough business competition is an integral part of our objective reality. Some authors even refer to our time as the Age of competition (Snow, 2015: 433-442) and global competitive environment (Nanjundeswaraswamy, 2014). Its influence on people's characters, values and attitudes induces researchers to study the correlation between competition and aggression. Considering the dependence of aggressive behavior on competition, Alfie Cohn states that "competition of any kind is a sort of battle", and "competition is a kind of aggression". (Cohn, 1986: 43). As a team's competitive ability usually depends on the leader, it is an indirect evidence of the need to develop masculine characteristics in leaders of both genders, requiring that they apply tactics and strategy like military commanders do.

The role of a leader in a team's success should never be diminished. Suffice it to recall the famous idea by Alexander the Great saying that an army of sheep led by a lion will defeat an army of lions led by a sheep.

There are several leader types in business, including positive leaders placing emphasis on rewards, negative ones relying on threats and fear. Based on management styles, Sharanya Ayyappan specifies autocratic leaders who "centralize power, make decisions on their own and exercise full authority and full responsibility of their own decisions", as well as consultative leaders and participative ones. Another criterion enables leadership styles to be divided into considerate (concerned about human needs and teamwork) and structured task-oriented ones "getting tasks done by keeping people busy" (Ayyappan, 2018: 482-483).

An analysis of Miranda Priestly's professional behavior reveals her authoritarian character, laconism, her ability to work hard and to put business above all, readiness to sacrifice others and requirement of professionalism in her employees. This may be illustrated with some facts and contexts from the novel. For instance, her assistants use causative structures in rendering her instructions: "*she wants the Thursday hair and makeup confirmed*" (Weisberger, 2006: 222). It reveals her habit of "having things done", where people are just a nut in a mechanism performing a specific function.

An indirect indication to Miranda's straightforwardness may be found in the following context:

"Miranda thought Cara might be happier working for someone else," Emily said in what I'm sure was much more diplomatic phrasing than Miranda herself had used" (Weisberger, 2006: 222).

Postures and gestures typical of this character contribute to the image. An impression of an aggressive person is built with the help of a simile "appearing ready to strike": "*She was hovering over me,*

appearing ready to strike" (Weisberger, 2006: 199).

Generally, it is not direct descriptions and epithets, but rather references to Miranda's behavior and manner of communication that shape her whole image in the novel. Still, examples of epithets may also be found, for instance, "discriminative": *"They know how discriminating Miranda is"* (Weisberger, 2006: 223).

Evidently, this woman leader is shown to be autocratic and task-oriented, paying no attention to human needs and even sacrificing her marriage. She plays people like chess, easily sacrificing Nigel who had been promised a promotion.

On the other hand, Nanjundeswaraswamy specifies transformational and transactional leadership styles, where "managers with transformational leadership style concentrate on the growth and development of value system of employees, their inspirational level and moralities" (Nanjundeswaraswamy, 2014) and transactional leadership style is understood to be "the exchange of rewards and targets between employees and management". Rewards, though rarely, are practiced by Miranda (for instance, a trip to Paris Fashion week offered to her assistant). Despite the fact that she seldom praises her staff, their progress does not remain unnoticed (example). "Fine. This is fine. Certainly nothing groundbreaking, but fine" (Weisberger, 2006: 335). Though her manner of communication reveals a trend towards diminishing people's achievements, it is still a praise, which is hard to deserve from her.

Besides, she is the one who respects true professionalism and accept critics, though rarely: "I'd walked by the closet just in time to hear Nigel shouting: 'MIRANDA PRIESTLY! TAKE THAT RAG OFF THIS SECOND!' and "a quiet murmur of agreement" (Weisberger, 2006: 238).

Miranda does not seem to promote corporate culture directly, but the "inspirational level" and "value system" of

employees develop naturally. The personnel definitely "worships the magazine". This effect will take place irrespective of whether it is fashion industry or any other sphere, as to some extent Miranda leads by example. She is worshipped by many, working with her is prestigious, and "millions of girls would kill for this job". It was through hard work that she made her way to the top, becoming an icon of style, a professional whose opinion is the last resort, one with a pure taste. It is a controversial character who arouses in her staff fear and respect at the same time, sympathy at times and even admiration at her professionalism.

Evidently, this woman leader is shown to be autocratic and task-oriented, paying no attention to human needs and even sacrificing her marriage. The realia she faced early in her career and even those she faces later are quite similar to those any manager lives in. These include the need to organize the work of a big team, to ensure the company remains the best in its field, to stay updated and to anticipate developments, to take power decisions, and to look good. Actually, what she does inspires people. The other side of the story is a husband who lacks attention and may even feel jealous of his wife's professional success. Do we see a typical "hero of our time"? Many employed women today come across the same controversies, even if they are not high-fliers as Miranda Priestly.

Another stereotype of a woman leader found in literature is the Mistress of the Copper Mountain (or the Malachite Maid) described by P. Bazhov in his "Malachite Casket" tales. It should be stressed that Malachite Maid is a rather complicated and multi-faceted character which may be analyzed in terms of culture, ethnics, history and even religion. In this paper she is considered as another female leader type.

Analyzing this character, E. Kulikova says that "the mysterious image of the Malachite Maid makes people panic" (Kulikova, 2012: 161-164). It is similar to the effect that Miranda produces. The character is

shown to be extremely energetic: *"she is a real fidget, could not sit still a minute"* (Bazhov, 1965: 19) *Had ye though of them. It is also someone who appreciates professionalism and independent decisions in others. In the meeting with Danila the Craftsman (The Flower of Stone) she refuses to give him the stone suitable for carving exquisite flowers as he hasn't thought of the design himself: "yourself, I would have given you the stone, but now I cannot"* (Bazhov, 1965: 66).

For many workaholics and true professionals, elements of their vocation may be present in everyday situations, they actually *"live in what they do"*, *"their jobs are closely connected with their lifestyles"*, with the profession *"aura"* transferred into real life, involvement of the social environment (Danilova, 2019: 99). In the case with the Malachite Maid, this effect is achieved with lexemes denoting gems both in the description of her appearance (*"a robe of malachite"*, *"thin leaves of copper"* in her hair) and interiors of the Mountain.

Another feature common with Miranda is the urge to strive for perfection. She inspires workers to rely on themselves: *"Maybe you'll try once more with your own powers"* (Bazhov, 1965: 65). The very pursuit of the Flower of Stone undertaken by some characters in Bazhov's tales reveals their desire to *"expand the envelope"* and create a perfect product.

This female character refers to lizzards as *"soldiers"*: *"don't you step on my soldiers"* (Bazhov, 1965: 13). Thus, we can see a variant of a team organized in an autocratic, military style.

Another important detail in Malachite Maid's influence on people is involving them in the activities, giving inspiration which is again a sign of transformative leadership style: *"Ye won't let me leave the mountain? - Why not? the way is open. But they always come back to me"* (Bazhov, 1965: 65). Besides, this woman type is also hard-working and devoid of private life, or lacking

time for it as is the case with Miranda: *"Now fare ye well, Stepan Petrovich, and see ye don't remember me"*. *And there she was in tears"* (Bazhov, 1965: 17).

A comparison of the two women leaders, though described in different genres and at different times, reveals similar issues. Thus, women are faced with a controversy, either to pursue a career and forsake family and develop masculine characters, or to remain feminine and fail to survive in a business competition. Successful management is still associated in many with masculine behavior: *"Think manager, think male"* (Warrel, 2018). Margie Warrel says *"when we think of leadership strengths, we tend to think of male leadership strengths"* (ib.), which is the reason they *"hold back from pursuing leadership positions"*.

According to Blake's managerial grid, Miranda is rather concerned about the production than people-oriented. In terms of this grid, Sharanya Ayyappan (2018) identifies her style as *"produce-or-perish"*, which enables her to achieve high efficiency. But then a question emerges: given that our competitive environment makes us put efficiency above all, will it result in a values shift, whereby human value will keep falling and business objectives will become more of a priority?

While Miranda priestly lacks human skills, another leader represented in literature, Mario Puzo's Michael Corleone, developed the following leadership traits which brought him to success, namely: realization of the value of relationships, the importance of taking ruthless decisions quickly and without fear, and the importance of personality change in leadership development (Gopinath, 2018). The scholar chooses this character as a vivid example of a true leader who was not a born one, but rather developed gradually to become what he is. It is not by accident that Godfather values used for illustrating leadership style: *"true leadership, is building relationships and building on these relationships"* (Gopinath, 2018: 6). Mohan Gopinath focuses on

business ethics and "treating employees fairly" stating that this credo is "a recipe of business success" (Gopinath, 2018: 5).

On the other hand, the value of relationships may be realized after some challenging experience: "the potential leader has to be tried and tested in the furnace" (Gopinath, 2018: 6). This aspect corresponds to the requirement to withstand competition mentioned above.

Analyzing transformations in Michael's character, Mohan Gopinath stresses that "unsentimental decision making is a trademark of a good leader" (Gopinath, 2018: 8). Referring to gender differences in managerial styles, we can say that this is another evidence of masculine features prevalence in successful leadership.

This paper title quotes the famous song lyrics by James Brown, "This Is A Man's World", which also addresses gender roles. Again, the traditional approach is that men are responsible for production and bread-winning: "*man made the car to take us over the road, man made the train to carry heavy loads, man made electric light to take us out of the dark, man made the boat for the water, like Noah made the ark*", "*man makes money to buy from other man*" (Brown, 1966). It is comparable to the ideas contained in the proverb "Men make houses, women make homes".

The perception of women's leadership found in literature resonates with ideas of many mass media. Gender quality being in the focus of attention, journalists stress that women in power "should expect to be scrutinized no matter how they behave" and they "don't get the same chance as men to show their leadership talents" (Hymowitz, 2010). Carol Hymowitz refers to the example of Hillary Clinton who was "attacked for being too tough" during her presidential campaign (Hymowitz, 2010). Kaider and Wallace believe that "corporate leaders do not, and cannot, fit common popular stereotypes of femininity if they wish to successfully lead", and that women in

leadership roles that are thought to require characteristics such as assertiveness, dominance, ambition, and confidence (Kaiser & Wallace, 2016).

The cases analyzed herein belong to different time periods, genres and nations. However, they all appear to share the same opinion: men traditionally rule the world, as it requires strength and tough competition. Masculine characteristics, therefore, need to be developed in anyone who intends to become a leader. While such features are considered normal in men, they may affect women's image and relationships. Remarkably, this perception of traditional role models has not changed much, even though some of the sources analyzed date back to 1930s, when Bazhov created his tales, and 1960s (James Brown, Mario Puzo), while L. Wesberger's novel was written in our time (2003) and it still positions a woman leader as a "devil", though a very efficient and charismatic one. Probably women's role in the world should be seen as something deeper than a business function. It is the role of a mother, compared to "mother nature", like in Bazhov's tales, or a muse to inspire men for achievements, with management being just one of her many capacities.

Conclusion. Books and other works of art being a source of knowledge, fiction characters may become role models for readers. It activates the link between objective reality and literature: first, literature records information about objective reality and stores it with the help of linguistic units, and then, readers inspired by some characters follow their example.

The objective reality described by Lauren Weisberger based on specific professional environment poses several challenges which require consideration. First, it is the gender issue in management. There is a strong stereotype that top management is more suitable for men, or at least it requires that women should develop some masculine characteristics and learn to "think like a man". Second, it is hostility or even aggression that

inevitably develops in people in a competitive environment. This is closely connected with the third aspect, that is, striving for efficiency. Should the latter be a priority, a values shift is inevitable. Further multidisciplinary research of these issues is therefore possible, accompanied with real-life measures aimed at preserving basic values and keeping a gender balance.

References

- Ayyappan, Sh. (2018). *Analysis of the Leadership style of Miranda Priestly in the movie "Devil wears Prada"*. *International Journal of Creative Research Thought*. Retrieved from: <http://www.ijcrt.org/papers/IJCRT1892579.pdf>.
- Bazhov, P. (1965). *Malachite Casket. Tales from the Urals*. transl. Eve Manning. Moscow, Russia: Foreign Languages Publishing House.
- Brown, J. (1966). *This is a man's world*. New York, Talent Masters Studio.
- Carreira, J. (2001). *Swimming is to water as knowing is to language*. In: *Philosophy is not a luxury*. Retrieved from: <https://philosophyisnotaluxury.com/2011/04/28/swimming-is-to-water-as-knowing-is-to-language>
- Carreira, J. (2011). *The Objective reality of language*. In: *Philosophy is not a luxury*. Retrieved from: <https://philosophyisnotaluxury.com/2011/10/13/the-objective-reality-of-language>
- Cohn, A. (1986). *No contest: The case against competition*. Houghton Mifflin Company. Boston, New York.
- Danilova, E. S. (2019). *The "OLD-SCHOOL PROFESSIONALISM" concept as described in "The Vogue Factor" by K. Clements*. In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (1), 96-107.
- Gopinath, M. (2018). *The Godfather's Michael Corleone: Growth of a Leader and Leadership Qualities*. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/329774841_The_Godfather's_Michael_Corleone_Growth_of_a_Leader_and_Leadership_Qualities
- Holmes, J. (2006). *Gendered Talk at Work: Constructing Gender Identity through Workplace Discourse*. Oxford: Blackwell
- Hymowitz, C. (2010). *Women leadership styles*. *Forbes*. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/work-in-progress/2010/05/26/women-leadership-styles/#69aaf9dc7ad8>.
- Kaiser, R. B., & Wallace, W. T. (2016). *Gender bias and substantive differences in ratings of leadership behavior: Toward a new narrative*. In: *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 68, 72-98. Retrieved from: <http://dx.doi.org.ezproxy.fau.edu/10.1037/cpb0000059>.
- Kulikova, E.V. (2012). *Ot "literatunogo tabu" k Khozyayke Mednoy Gory: dekonstruktsiya mifa v proze v. Makanina [From a literary taboo to the Mistress of the Copper Mountain: myth deconstruction in V.Makanin's prose]*. In: *Molodoy Ucheny [The Young Scholar]*. Vol. 7. pp. 161-164. Retrieved from: <https://moluch.ru/archive/42/5127/>. (in Russian).
- Lui, J. (2009). *The devil leader – Miranda Priestly: Analysis of female authoritarian style of leadership*. The University of Hong Kong. Retrieved from: https://english.hku.hk/LCOM%20paper/LCOM%20papers%20new,%20rev/2009%20vol1/3_Jennifer_Lui.pdf LCOM Papers 1 (2009), 33 – 44. (in English).
- Nanjundeswaraswamy, T. S., Swamy, D. R. (2014). *Leadership styles*. In: *Advances in management*. Vol. 7(2) February. Retrieved from: https://www.mnsu.edu/activities/leadership/leadership_styles.pdf.
- Puzo, M. (2019). *The Godfather*. Moscow: Antologiya.
- Snow, C. (2015). *Organizing in the Age of Competition, Cooperation, and Collaboration*. In: *Journal of Leadership and organizational studies*. Volume: 22 issue: 4, page(s): 433-442. Retrieved from: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1548051815585852?journalCode=jlob>.
- Warrel, M. (2018). *Dismantling 'Think Manager, Think Male' Gender Norms Still Holding Women Back*. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/margiewarrell/2018/07/24/women-rising-women-female-changemakers/#3f29a7012d1b>.
- Weisberger, L. (2006). *The devil wears Prada*. London, Harper Collins Publishers.
- Wisdom, J., Murray, M. (2008). *A hero of our time*. Tutis Digital Publishing Pvt. Ltd.; large type edition edition
- Wittgenstein, L. (1921). *Tractatus Logico-Philosophicus (TLP)*, C. K. Ogden (trans.), London: Routledge & Kegan Paul. Originally

published as "Logisch-Philosophische Abhandlung", in *Annalen der Naturphilosophische*, XIV (3/4)

Wittgenstein, L. (1961). *Tractatus Logico-Philosophicus*, 1961, D. F. Pears and B. F. McGuinness (trans.), New York: Humanities Press

Zvegintsev, V.A. (2007). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]*. Moscow: LKI publishing (in Russian).

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Данилова Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Elena S. Danilova, Cand. Sc. in Philology, Associate Professor at the Department for English Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University